

**МАТЕРИАЛЫ К ЗАСЕДАНИЮ КЛУБА
«КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ»
25 АПРЕЛЯ 2006 г.**

**ТЕМА ЗАСЕДАНИЯ:
«ГОСУДАРСТВО-КОРПОРАЦИЯ»**

**МОСКВА
2006**

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Андреев Мобилизация корпорации «Россия»	4
Ярослав Бутаков Государство-корпорация на службе государства-цивилизации	16
Александр Неклесса Государства-корпорации, или Новый мировой ландшафт	20
Юрий Солозобов Корпоративная модернизация	26
Андрей Фурсов Государство, оно же корпорация	37
Сергей Чернышев Корпорации в истории и метаистории	43
Корпоратизм — парадигма нового столетия	50
Возвращение в Россию. XXI век	57
Вадим Цымбурский ЗАО «Россия»	61
Филипп Шмиттер Неокорпоратизм	64
Сергей Перегудов Новый российский корпоратизм: демократический или бюрократический? (О концепции Ф. Шмиттера)	72
Материалы к заседаниям московского интеллектуального клуба «Красная площадь»	76

Дмитрий Андреев
МОБИЛИЗАЦИЯ КОРПОРАЦИИ «РОССИЯ»

Пассионарная государственность как альтернатива хаосу и чрезвычайщине

Для достижения задуманной цели Ахаву нужны были орудия; а из всех орудий, какими пользуются под луной, чаще всего приходят в негодность люди: Ибо как ни бурно, как ни страстно приветствовала его дикая команда провозглашение этой охоты, все моряки на свете — народ довольно непостоянный и малонадежный; они находятся под воздействием переменчивой погоды и перенимают ее неустойчивость; и если их все время вести к достижению отдаленной и смутной цели, каких бы буйных радостей ни сулила она в конце, прежде всего необходимо, чтобы всякие будничные дела и занятия постоянно держали их наготове для решающей схватки.

Герман Мелвилл. «Моби Дик, или Белый кит»

В самый последний день уходящего 1996 года Виталий Третьяков в колонке главного редактора обратился к читателям «Независимой газеты» с новогодним поздравлением, идейный посыл которого — при всей своей симптоматичности — остался тогда незамеченным. Возможно, из-за времени его публикации — как правило, новогодняя кутерьма не располагает к серьезным размышлениям. Или же — что, кстати, более вероятно — по причине неготовности тогдашнего общественного мнения воспринять высказанные в поздравлении взгляды.

«ВЫЖИВАЙ!», «ОБОГАЩАЙСЯ!» ИЛИ: «МОБИЛИЗУЙСЯ!»

Основная мысль тогдашнего главного редактора «Независимой газеты» заключалась в том, что в завершающемся году, изобиловавшем серьезными политическими событиями (президентские выборы, сворачивание чеченской кампании, образование нового по своему кадровому контуру правительства), «незаметно, но окончательно сформировалась новая идеология новой России». Эта идеология не только чрезвычайно «проста» и вопиюще «физиологична», но и — в силу усугубляющегося «классового расслоения» россиян — «двоична». Лозунгом для одних является призыв: «Обогащайся!» Другие же вынуждены руководствоваться иной мотивационной формулой: «Выживай!» Причем для многих указанные установки объединились в причудливый побудительный гибрид: «Обогащайся, чтобы выжить!»

Казалось бы, в приведенных утверждениях не содержалось ничего нового. Названные лозунги уже практически сложившихся «классов» выглядели до банальности очевидными и бесспорными. Да, действительно, эгоизм стал «движущей силой прогресса», и бессчетные беды и неудачи страны оказались во многом «производными самореализации новой российской идеологии». Подобные прописные истины абсурдно оспаривать. Так в чем же тогда заключался не прочувствованный по прошествии нескольких месяцев второго ельцинского срока смысл данного новогоднего обращения? И зачем вообще сегодня, в совершенно иной политической реальности, посередине второго путинского срока, вспоминать «дела давно минувших дней»? Неужели почти за десять лет в России ничего не изменилось и старые лозунги не утратили своей актуальности?

В том-то и дело, что не утратили. Точнее, не утратили именно в силу того, что так и не были правильно поняты и интерпретированы. В текущем году исполняется полтора десятилетия с того момента, как Россия-РФ отправилась в самостоятельное плавание. Однако до сих пор ее перемещения в акватории мировой истории напоминают, скорее, свободный дрейф, нежели движение по осознанно выбранному курсу. И все из-за того, что политическое руководство страны, похоже, сознательно не решается сделать стратегический выбор в пользу того или иного способа существования и развития России. Отдельные и невнятные модернизационные начинания по-прежнему перемежаются спонтанными и непродуманными имитациями мобилизационных

рывков. При этом ни модернизационному, ни мобилизационному сценарию не отдается одно-значного предпочтения. Конъюнктурная апелляция то к одному, то к другому выглядит, скорее, как пропагандистское прикрытие завершающего этапа передела собственности. Однако стратегическая неопределенность не может продолжаться до бесконечности. Власти надлежит определиться со своими ориентирами — хотя бы ради обеспечения собственной преемственности.

Издревле успехи России как самостоятельного государственного субъекта были связаны с мобилизационным способом существования. Однако и цену за такие успехи приходилось платить немалую. Другое дело, что иного выбора у страны попросту не было. Либо мобилизация, либо утрата собственной идентичности. Модернизационные начинания, напротив, хотя и инспирировались благими намерениями обретения чаемой стабилизации, но всякий раз оборачивались стагнацией и необходимостью очередной мобилизации. Неужели нельзя преодолеть это извечное заклятье нашей истории и спроектировать мобилизацию, человеческие издержки которой окажутся запрограммированными на минимально возможный в мегасоциальных начинаниях уровень? Разве нереальна и недостижима управляемая пассионарность в нечрезвычайных (пока еще!) условиях? Не являются ли изъяны и несуразности сложившегося в России строя хорошо замаскированной стартовой площадкой в эффективное будущее? Ведь в конце концов в истории всегда есть место чуду, и Промысел о России не единожды зримо проступал в зигзагах и загогулинах нашего прошлого.

Вернемся к вышеназванным лозунгам новой российской идеологии. Все они побудительной модальности и отнюдь не ориентированы на пошаговую постепенность. Мотивационная предельность характерна для каждого — вне зависимости от заявленной целевой установки. «Выживай!» — это касается практически каждого. (Другое дело, что каждого по-своему.) «Выживай!» — значит преодолевай окружающие тебя обстоятельства, находи в них возможности для продолжения более-менее полноценного существования, иными словами: «Мобилизуйся!», «Обогащайся!». Как это ни парадоксально, но данного лозунга также придерживается фактически любой. (И опять-таки с разницей лишь в масштабе запроса.) «Обогащайся!» — значит также изыскивай способы улучшать твои сегодняшние жизненные условия, если не хочешь, чтобы они ухудшились. Выходит, другое прочтение этого же лозунга снова: «Мобилизуйся!» Получается, что оба лозунга не просто не отличаются друг от друга, но и просто-напросто означают одно и то же. Именно поэтому соединение их в единый призыв вовсе не выглядит оксюмороном. «Обогащайся, чтобы выжить!» — это не просто руководство «для многих», но, скорее, девиз в той или иной степени для всех россиян. Девиз, который, несмотря на присущий ему хищный оскал буржуазного прагматизма, вполне способен оказаться детонатором мобилизации. Пускай сомнительной по своим ценностным основаниям, но все-таки мобилизации. И это при всей противоположности мобилизационных и буржуазных приоритетов!

Конечно, для чаемого прорыва в будущее хотелось бы иных, более духовных мотиваций. И ведь наша история знает достаточно примеров национальной концентрации, побуждаемой высокими морально-нравственными ориентирами. Вспомним хотя бы молитвенный возглас крестного хода всей Русской земли в 1395 году, при нашествии Тамерлана. Или — из недавнего прошлого — повсеместные чудеса героизма на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной. Ничего не поделаешь, так устроен человек, что душа его очищается скорбями и печалью. Но разве не аморально сидеть сложа руки и ждать беду, единственно способную создать благодатную почву для массового подвижничества? Нет, пусть лучше торжествует принцип: «Обогащайся, чтобы выжить!» А уж задача социального технолога как раз и заключается в том, чтобы извлечь из этой всенародной мотивации мобилизационную энергетику и постепенно нарастить ее потенциал для нового пассионарного взрыва, в горниле которого, несомненно, выплавятся иные побудительные установки. Без такого взрыва у нашей страны нет будущего.

Однако, к величайшему сожалению, очень многие просто не хотят «мараться» о вакханалию «обогащения»-«выживания» и блюдут напускную чистоплотность, вместо того чтобы высвободить из-под грязи слабые и беспомощные ростки дельных и содержательных начинаний. История не творится в стерильной лаборатории, а ниспосылаемые свыше шансы лишь единожды стучатся в дверь. И как бывает обидно не слышать их в шуме будничной суеты. Но еще обид-

нее — расслышав, не отреагировать, хотя бы даже по вполне respectable и разумным соображениям.

Кстати, метаморфозы с лозунгами — не единственный парадокс провозгласившей их эпохи. Бурные события 1996 года явились результатом масштабной мобилизации именно российской элиты. Общественная жизнь протекала в ту пору как бы в двух регистрах — обыденном (для подавляющего большинства) и предельном (для встроенных во власть или претендовавших на таковой статус элит). Народ с увлечением наблюдал за разворачивавшимся многосерийным «блокбастером»: решится Ельцин на выборы или нет, как следует понимать «Письмо 13-ти», в чем тайна «коробки из-под ксерокса», что кроется за взлетом и падением Лебеда. «Актеры» же работали на пределе возможностей. Уж слишком высоки для них были тогда ставки: не выживешь — не обогатишься и, напротив, не обогатишься — не выживешь. Еще, поди, и неизвестно — что хуже. Вот и приходилось мобилизовываться. И ситуация вернулась в свое нормальное русло как раз где-то к моменту озвучивания пресловутых лозунгов.

Наша история знает и другие примеры похожей мобилизации элиты при довольно слабой вовлеченности в данный процесс остального общества. Например, опричнину Ивана Грозного, дворцовые перевороты или сталинские «чистки» (правда, лишь до наступления Большого Тераора, распространившегося далеко за пределы высших эшелонов советской номенклатуры). Но еще никогда прежде не было прецедентов мобилизации, которая бы затрагивала исключительно власть и элиты и при этом совершенно не касалась подавляющего большинства народа. Премьера «блокбастера» продемонстрировала, что и такое возможно.

Приведенное наблюдение стоит положить в копилку для будущей мобилизации. Российское общество продолжает расслаиваться. Его преимущественная часть, конечно, уже не беднеет обвальным образом, как в приснопамятные 90-е, зато темпы обогащения крайне незначительного круга лиц нарастают буквально фантастически. Складывается ситуация, благоприятствующая — при полном комплекте всех остальных необходимых предпосылок (общая слабость власти, коррупция, ползучая дезинтеграция и др.) — возникновению «оранжевой» смуты. Выход один — мобилизация. Причем мобилизация, начинающаяся и определенное время действующая лишь в «верхах». Задел серьезного начинания — прерогатива власти, которой к тому же необходимо вернуть себе кредит народного доверия. Видимо, к чему-то похожему сводился и неявный смысл президентских слов, произнесенных полтора года назад после бесланской трагедии: «самое главное — это мобилизация нации».

КРИТИКАМ МОБИЛИЗАЦИИ

В настоящее время приходится сталкиваться с двумя различными позициями, которые — каждая по-своему — пытаются доказать несостоятельность мобилизационной мотивации для социального проектирования. Первая точка зрения озвучивается, как правило, либеральными мыслителями. Для них мобилизационная риторика неизбежно ассоциируется со сталинской эпохой и вызывает тревогу по поводу неминуемой, по их мнению, в случае разворота на такой курс — хотя бы даже частичной — реставрации. Другой взгляд отстаивает несопоставимо меньшее число интеллектуалов, считающих, что сама по себе мобилизационная идеология может стать весьма перспективной, однако лишь, что называется, при строго индивидуальном употреблении. Религиозное сознание представителей любых конфессий (по крайней мере всех традиционных и подавляющего большинства нетрадиционных) ориентировано именно на предельную, на грани человеческих возможностей жизненную активность своих адептов. Поэтому в ситуации охватившего нашу цивилизацию религиозного ренессанса, усугубляемого возрастающей популярностью антропологических ценностных измерений, подобная личностно-индивидуальная мобилизация выглядит все более привлекательной, но именно в качестве специфической духовной практики. Данная мотивационная установка, разумеется, не имеет ничего общего с мобилизацией как способом трансформации социальной пассионарности в энергетику коллективного действия.

Не станем спорить, авторитарные режимы прошлого и вправду регулярно обращались к мобилизационным технологиям. Причем даже не столько из-за объективной потребности разрешения стоявших перед ними проблем, сколько ради эффективности властвования. Мобилизо-

ванное общество управляется несравнимо легче, нежели общество, функционирующее в диапазоне повседневной репродуктивной обыденности. Однако наивно полагать, что мобилизация является атрибутом только лишь таких режимов. Разве тоталитарен сегодняшний Запад? (Даже те, кто — кстати, небезосновательно — отвечает на данный вопрос утвердительно, вынуждены признавать, что его тоталитаризм тщательно сокрыт под демократическим лоском — пускай бутафорским, но от этого ничуть не менее непробиваемым.) Однако западное общество сейчас предельно мобилизовано. Это его состояние не имеет ничего общего с энергией деловой активности, колоритно описанной Максом Вебером в «Протестантской этике и духе капитализма». Веберовская предпринимательская иступленность — это совсем не мобилизация. Граница между обоими феноменами четкая и определенная.

Классический капиталист — вне зависимости от масштаба его бизнеса — это одиночка, действующий при посредничестве государства и, следовательно, вынужденный вступать в партнерские отношения с себе подобными через структуры институциональной демократии. Пространство его личного суверенитета совпадает с пространством частного интереса: он остается парцеллярным индивидом, для которого неприемлемо любое нарушение раз и навсегда установленных границ персональной ответственности. Успех такого предпринимателя запросто достигается в ритмике, созвучной собственным вибрациям его парцеллярного микромира. Мобилизационная предельность здесь не требуется — любой, даже самой зубастой «акуле капитализма» вполне хватает и рационально просчитанной напряженности, не меняющей ее субъективного и крайне инертного восприятия привычной обыденности. И, наконец, не стоит забывать и об уровне научно-технического обеспечения веберовского бизнесмена. С одной стороны, он был достаточным для того, чтобы извлекать прибыль из купленного труда. С другой — еще не дотягивал до того предела, за которым марксистская схема взаимодействия капитала и труда в принципе не работает, и предпринимателю не остается ничего другого, кроме выстраивания с нанятыми им людьми принципиально иных отношений, основанных не на эксплуатации, а на партнерстве.

Современный западный деловой человек — опять-таки невзирая на его уровень — в принципе не может быть самодостаточным в своем бизнесе. Сегодня его успех зависит прежде всего от мастерства коммуникативного проектирования. Инновационные отрасли производства и сервиса диктуют моду на совершенно новую стилистику взаимоотношений менеджмента и нанятого персонала, когда капитализация трудового коллектива достигается главным образом за счет выстраивания руководством адресных связей с подчиненными и поддержанием специфического и усердно рекламируемого контактного микроклимата. Общность работников — это суверенный субъект, представляющий интересы входящих в него людей вовне. В результате последние идентифицируют себя в первую очередь именно как граждане такового субъекта, а уже потом — как элементы более значительных по своему масштабу систем (в том числе, например, как подданные тех или иных государств). Личность же самого управленца становится функцией, обеспечивающей суверенитет данного субъекта.

В этих условиях обесмысливается само понятие частного интереса, который в отличие от веберовской эпохи оказывается уже не фетишем, а моветоном. Успех — ценность, достоящаяся либо всему субъекту в целом, либо никому. Ни владелец, ни менеджер даже самого высокого ранга не вправе приватизировать успех, обретенный такой командой единомышленников. Работать в команде — это не профессия, а образ жизни, трудовое подвижничество, героика обыденности, мотивационная предельность в пространстве повседневности. Это — как крайний, но чрезвычайно показательный пример — феномен «касори», то есть особо чтимой японцами смерти от перенапряжения на рабочем месте.

После всего вышесказанного трудно усомниться в мобилизационном характере нынешних инновационных технологий проектирования командных стратегий.

На смену веберовскому «духу капитализма» пришел «дух корпоративизма» — оптимальной среды для массового культивирования мобилизационной пассионарности.

Вот тут-то как раз впору возразить тем, кто считает мобилизацию правомерной и допустимой лишь в качестве осознанного личного выбора, но никак не принципа социальной инжене-

рии. Сегодняшний корпоративизм — чрезвычайно синкретический феномен. Он совмещает в себе совершенно конкретную прагматику интереса и буквально религиозную (понятие «корпоративной религии» прочно утвердилось в практике современного менеджмента) мотивацию коммуникаций как внутри команды, так и при выстраивании ее интерактивных связей с окружающим миром. Антропологические технологии здесь действительно выходят на первый план, однако данное обстоятельство вовсе не означает, что индивидуальный уровень — это единственный возможный плацдарм их применения.

КОРПОРАТИВНЫЙ ИЛИ ГРАЖДАНСКИЙ СТРОЙ: ОТЛОЖЕННЫЙ ВЫБОР

У доктрины корпоративизма сложная судьба. На протяжении нескольких десятилетий ее прочно увязывали с фашизмом — и именно на этом основании отвергали как несовместимую с ценностями демократического общества. Затем вдруг, словно по команде, многие видные политические мыслители и аналитики Запада стали фиксировать наличие корпоративистских тенденций в высокоразвитых государствах Европы и Америки. И что самое характерное — без каких-либо аллюзий с прежними, неприемлемыми ныне значениями слова «корпоративизм».

Этим термином характеризовался такой способ взаимоотношений индивидов и различных интегрирующих этих индивидов структур (профессиональных, общественных и иных) с государственными институтами, при котором основная тяжесть выстраивания коммуникаций между указанными двумя субъектами выпадала на некий третий субъект — своего рода модератора интересов. Подобные модераторы интересов по-разному организовывались и структурировались. Они никоим образом не совпадали с партиями или профсоюзами, ибо в отличие от них не играли с государством в демократию — по крайней мере по писаным и потому регулярно профанируемым правилам. Появление таких модераторов — как в европейском фашистском ареале 20-30-х, так и по обе стороны Атлантики полвека спустя — было вызвано неспособностью существующей рыночной системы (и создаваемых ею государственных институций) обеспечивать инновации и адекватные этим инновациям социальные проекты. Вся разница между разделенными полувековой паузой экспериментами заключалась лишь в том, что в фашистских режимах корпоративизм насаждался сверху пришедшими к власти новыми лидерами, а в недавнем прошлом он стал возрождаться именно как самодеятельное движение снизу. (Разумеется, при достигнутом на этот счет консенсусе элит и соответственно при благосклонном отношении официальных властей.) Остальные отличия относились уже к сугубо идеологической окраске, которая, по большому счету, не меняла содержательного наполнения самого феномена корпоративизма.

Однако корпоративизм по сути своей несовместим с электоральной демократией. Ему, безусловно, гораздо органичнее косвенная сопричастность формированию политического курса — хотя бы через систему лоббистских договоренностей. Для корпоративистской стилистики вообще характерно принятие решений в режиме неформальных коммуникаций. Именно поэтому современный западный неокорпоративизм представляет собой противоречивое явление. С одной стороны, он выполняет амортизирующую роль, сглаживая острые углы и шероховатости в треугольнике государство-рынок-общество, а также фактически обеспечивает достижение консенсуса между организованностями интересов и их лидерами. С другой стороны, будучи инструментом не прямой, а косвенной демократии, корпоративизм с его тягой к закрытым кулуарным формам коммуникаций, клановым субкультурам, многоуровневым процессам формулирования, согласования и трансляции договоренностей все-таки противоестественен классическому представлению о гражданском обществе. Для корпоративизма характерен приоритет интереса над политическим суверенитетом личности. Точнее даже будет сказать, что последний в полной мере обеспечивается не сам по себе, как некая изначально присущая каждому без исключения индивиду данность, а именно в качестве оболочки определенного интереса. Например, социализация личности проявляется гораздо больше в профессиональной сфере, нежели в общегражданской. В результате корпоративистское общество оказывается более эластичным, а значит, управляемым, но объективно менее демократическим. Гражданское же общество, напротив, является практическим воплощением базовых либеральных принципов. Но именно поэтому оно в конечном счете становится более затратным. В маскировку неизбежных для элек-

торального представительства профанирующих и имитационных практик требуется вкладывать немалый дополнительный ресурс.

Запад находится, таким образом, перед непростой дилеммой, какой общественной конструкции отдать предпочтение. Судя по всему, по крайней мере на сегодняшний день однозначного выбора не сделано. Время от времени возникают проекты более или менее жесткой конвергенции обеих моделей. В современных реалиях практическая целесообразность оценивается не только в материальном выражении, но и в символическом. Стремительно набирает силу спровоцированное глобализацией конкурентное противостояние цивилизаций. Способность к корпоративной самоорганизации гораздо выше у оппонентов Запада. Поэтому пропаганда преимуществ гражданского общества становится сегодня важным элементом идеологической борьбы «золотого миллиарда» с его планетарными соперниками.

Похоже, что определенное решение проблемы совмещения гражданских и корпоративных начал было на Западе найдено в концентрации последних исключительно в производственно-трудовой сфере при оставлении за первыми титульного доминирования в общественно-политической деятельности. Поэтому корпоративизм сегодня — это отнюдь не новое издание масштабного социального эксперимента в авторитарной межвоенной Европе, но сосредоточение его наиболее ценных наработок (способность согласовывать интересы субъектов самого разного формата) в пределах отдельных компаний. Доктрина корпоративизма свелась к практике функционирования корпораций. Налицо явное раздвоение значения этого все еще по-прежнему энигматичного, не раскрытого и не познанного до конца феномена. Корпоративизмом продолжают называть косвенную демократию и начинают именовать субкультуру сегодняшних компаний. Доктрина как бы одновременно живет две жизни сразу. Живет и действует. Здесь в пору процитировать одного из наиболее успешных проектировщиков корпоративного строя.

«ГОСУДАРСТВО — ЭТО ДОКТРИНА В ДЕЙСТВИИ»

Данное высказывание Антониу ди Оливейра Салазара — удачная метафора для взаимного интегрирования этатистского и корпоративного начал в единое и эффективное целое. В последнее время слова «государство» и «корпорация» часто рассматриваются во взаимосвязи. А понятие «государство-корпорация» вообще прочно вошло в современный российский политологический обиход для обозначения властвующего субъекта, для которого собственные интересы не совпадают с интересами управляемого им государства как суверенного целого. Однако тот же самый образ можно представить себе и иначе — государство как общенациональная корпорация.

На первый взгляд такая конструкция выстраивается и интерпретируется путем привычного аналогового моделирования, то есть простого «растягивания» корпоративной среды до масштабов государства. Несомненно, такой прием продуктивен, однако он требует подробной детализации. Модель общенациональной корпорации трудно охарактеризовать в пределах одной статьи. А вот метафора в отличие от модели лаконична и, главное, плодотворна для проблемного осмысления феномена, конкретно-содержательное наполнение которого пока что трудно себе представить.

Два года назад в бюллетене калифорнийского Института Санта-Фе, занимающегося системными исследованиями в ракурсе своего рода проектирования будущего, была опубликована статья «Метафоры — лестницы инноваций». В ней доказывалась продуктивность креативного метафоротворчества для инновационных разработок в самых разных сферах деятельности — от социогуманитарных до естественно-научных. По мнению авторов статьи, «проектная метафора — это, скорее, приглашение к основательной работе, приглашение, без которого немислимо никакое инновационное начинание». Рассмотрение корпоративизма как метафоры инновационной российской государственности, создающей благоприятные условия для эффективной мобилизации общества, может положить начало целому направлению перспективного социального конструирования. Как отмечалось в вышеуказанной статье, «там, где капитулирует аналогия, начинает работать метафора».

Для функционирования общенациональной корпорации, как, впрочем, и любого другого предприятия, первенствующую роль играет грамотное сочетание трех основополагающих ком-

понентов — мотивации всех задействованных в проекте лиц, качества и способа внутреннего и внешнего лидерства, а также формирования особой альтернативной окружающему миру среды, оправдывающей выбранную организационную конструкцию.

Начнем с мотивации. Один из корифеев научного менеджмента Дуглас Макгрегор считал, что управленцы, как правило, руководствуются одним из двух противоположных представлений о мотивациях своих подчиненных. Одни считают, что изначально человек — никудышный работник. Он безынициативен, ленив, всегда заинтересован в минимизации своих трудовых затрат (при фиксированной оплате труда). Поэтому с ним можно разговаривать лишь на языке жесткого администрирования. В крайнем случае, дабы предотвратить неизбежную при такой стилистике взаимоотношений конфликтность, можно идти навстречу работнику и превентивно затыкать ему рот продуманными подачками. Однако даже в этом случае (а точнее, именно вследствие него) отношение к подчиненному остается неизменным — как к противнику, которого следует обхитрить и нейтрализовать. Макгрегор назвал подобный взгляд «теорией X». Приверженцы противоположной точки зрения («теории Y», по определению Макгрегора), напротив, априорно исходят из мнения, что абсолютно любому человеку присущи соревновательные побуждения. И задача менеджмента как раз и заключается в том, чтобы создать для работника такие условия труда, при которых соревновательная мотивация распакуется в полной мере. Человек осознанно будет стремиться к более высоким трудовым показателям, руководствуясь как азартом конкуренции со своими коллегами, так и ожиданием закономерного вознаграждения со стороны руководства.

Динамика предпочтений указанных теорий со стороны менеджмента легкоугадываема. Число сторонников «теории X» сокращается, а количество ориентирующихся на «теорию Y» возрастает. Однако, как обычно, реальная жизнь намного сложнее и богаче любой самой детальной схемы. На практике каждый руководитель прибегает к обеим теориям в зависимости от ситуации. За подобную всеядность, правда, приходится платить высокую цену. Так, разразившийся на излете минувшего столетия кризис менеджмента на Западе был как раз вызван тем, что прокатившиеся тогда массовые сокращения персонала вкупе с существенной перестройкой технологических цепочек деловой активности проводились на фоне интенсивной пропаганды новых приемов стимулирования труда и укрепления партнерских взаимоотношений руководства компаний и их служащих. Практики обеих взаимоисключающих друг друга теорий пересеклись, и в результате вместо ожидаемого улучшения корпоративного климата произошел откат назад в конструировании трудовых коллективов на основе приоритета ценностных ориентаций сотрудников. Например — единого для всех понимания миссии компании и веры в ее амбициозное будущее. Тем не менее доминирующая тенденция прочерчена, и сегодня многие специалисты по HR (human relations) убеждены в том, что в недалеком будущем уже не прибыль, а именно мотивация персонала как главная составляющая успеха трудового коллектива окажется на первом месте среди его стратегических целей.

Данные наработки научного менеджмента обретают особое звучание в масштабах общенациональной корпорации. Гражданам-корпорантам должно стать комфортно на «рабочем месте» (понимаемом в качестве социальной роли или статусного положения) до такой степени, чтобы, условно говоря, их не тянуло «домой» (то есть в локальную парцеллярную жизнь с преобладающим потребительским — центростремительным — вектором коммуникаций). Естественно, в разумных пределах и без каких-либо аналогий с казарменным коллективизмом пройденных уроков прошлого. Собственно, задача заключается в повышении интенсивности коммуникаций, в пространстве которых личность волей-неволей окажется вовлеченной в иную ритмику жизнедеятельности.

Особое традиционно свойственное нашей культуре отношение к «жизни» на работе уже немало поспособствовало обозначенной задаче. «Презентизм» (внутренняя потребность находиться на службе даже при отсутствии на то должностных предписаний), нормальное и даже естественное восприятие продолжительности рабочего дня «с одиннадцати и до конца», непрерывность корпоративного досуга, понимание социализации личности именно как профессиональной деятельности — все это элементы «эргономики по-русски», хорошо нам известные по вчерашним производственным романам и сегодняшним реалити-шоу.

Но такая «эргономика» лишь создает условия для подобающей «сотрудникам» общенациональной корпорации мотивации. Равно как и сама по себе мода на корпоративную субкультуру только свидетельствует о возможностях определенных качественных перемен в сфере общественного сознания, но отнюдь не начинает их автоматически провоцировать. «Теория Y» при всей своей перспективности также всего-навсего указывает ориентиры, понятные в рамках отдельно взятого трудового коллектива, но неизбежно утрачивающие изрядную толику аккумулированного опыта при попытке их трансляции на уровень государственного масштаба. И вот тут-то уже никак не обойтись без стимулирования пассионарности, понимаемой именно в качестве специфического силового поля гражданской активности.

Сама по себе пассионарность часто воспринимается исключительно в категориях мобилизационности или каких-то иных формах экстремального типа существования. Однако подобная ее оценка — в целом правильная, однако не исчерпывающая и, главное, выставляющая на первое место вовсе не самый значимый критерий. Безусловно, пассионарии — это люди, для которых самозабвенное служение поставленной цели составляет главное содержание и смысл их жизни.

Но все-таки ключевой маркер пассионарности — это претензия и как результат попытка выстраивания повседневности, альтернативной общепринятому пониманию обыденности. Антонимами пассионарности являются самодостаточность, успокоенность, удовлетворенность и даже наслаждение окружающей действительностью, гедонистическая бездеятельность.

Таким образом, пассионарии перекраивают отнюдь не политическую стилистику, а неизмеримо более существенный феномен — саму культуру «безмолвствующего большинства», занесенного в гетто рутинной целесообразности и вульгарного прагматизма. Культуру, претендующую на монопольное обладание здравым смыслом. Поэтому для пассионариев — помимо положительных идеалов — насущно необходимы идеалы негативные, своего рода образы антиподражания, явственные представления о том, кем они ни в коем случае не хотят быть. Можно даже с еще большей определенностью обозначить главного антипода пассионариев. Этот антипод — любая сознательная и последовательная антипассионарная система ценностей, идеология или деятельность. И уже закономерным и естественным следствием установки на иной способ жизнедеятельности оказывается приоритет мобилизационных или других экстремальных форм поведения и бытия.

В проектируемой общенациональной корпорации пассионарии выступают промоутерами этой самой альтернативы, обретающей в масштабах государства уже определенные социально-политические измерения. Поначалу собственно содержательная составляющая данной альтернативы может прочитываться и недостаточно ясно, однако, как это почти что всегда бывает в политике, четкая и определенная артикуляция «против» на первых порах оказывается гораздо более значимой и эффективной, нежели пропаганда очевидного, но вместе с тем невнятного «за».

Пассионарность, как это ни парадоксально, по сути своей аполитична. Точнее, она аполитична в традиционной системе координат, системе, пытающейся втиснуть многообразие ценностных ориентиров и мотиваций в тесную рамку, фиксирующую действительность лишь в двухмерном измерении — между либерализмом и тоталитаризмом. Традиционный модернистский взгляд на идеологию оказывается, таким образом, совершенно ей несвойственным. Подлинное ноу-хау пассионарности именно как смыслообразующей энергетики состоит, скорее, в ее мотивационной идеологизированности, для которой приоритет социальной активности есть абсолют, не подвергаемый сомнению. Эта мотивационная идеологизированность формирует собственное пространство политического действия.

Сегодня часто приходится слышать мнение, что напрягшие нашу власть год назад «бархатные революции» в ближнем зарубежье помимо внешнего финансового и технологического обеспечения осуществлялись во многом за счет пассионарной энергии народа. Подобное утверждение сомнительно хотя бы уже потому, что пассионарная мотивационная идеологизированность в принципе чужда политкорректным «бархатным революциям» с их ценностной зашоренностью и предзаданностью, табуированностью многих острых проблем для публичной дискуссии, культом сомнительных харизматических личностей, карнавальностью несерьезностью и безответственностью.

Современный менеджмент, развивая направление, обозначенное «теорией Y», все чаще рассматривает работника преимущественно в качестве своеобразного инвестора, производящего и вкладывающего собственный человеческий капитал по своему усмотрению. Иными словами, по крайней мере на знаковом уровне субъектно-объектные отношения на рынке труда перевернулись с ног на голову (или, напротив, наконец-то стали в естественное положение после многовекового пребывания вверх тормашками). Инвестирование — это не продажа квалификации, а приносящий прибыль бизнес. Поэтому менеджер из начальника, определяющего для подчиненного условия найма, превращается в консультанта, помогающего клиенту вложить капитал — с максимальной выгодой для обоих. Эффективность руководителя теперь определяется его способностью создавать среду, привлекательную для инвестиций человеческого капитала. И именно в таком качестве лидер становится ведущим инноватором трудового коллектива, хранителем и интерпретатором его миссии, держателем кадрового банка. Ну и, конечно же, «гуру», шаг за шагом возводящим своих учеников от одной степени квалификационного «посвящения» к другой. Вот и снова замкнулся круг, выводящий из деловой прагматики в пространство пассионарности.

Наконец, лишь подлинному пассионарию под силу справиться с тайнописью нынешнего брендинга. И как следствие — овладеть его языком, а затем обратить в инструмент собственной власти. Конечно, в брендинге легче всего увидеть всего лишь идеологию — и не более того. В целом идеология действительно может рассматриваться как производство брендов. Однако между брендингом и идеологией все же имеется существенный понятийный зазор, о котором не следует забывать. Идеология — это индустрия смыслов, обеспечивающих мотивацию практической деятельности. Брендинг — это индустрия стиливых маркеров, производящих, в свою очередь, смыслы для личностных и коллективных идентификаций.

Поэтому брендинг справедливо считать корпоративной идеологией, то есть системой самопрезентаций коллективного субъекта для внутреннего и внешнего применения.

Фокусировка современного менеджмента преимущественно на символической составляющей создаваемого бренда и как следствие усиление нематериальной заинтересованности вовлеченных в процесс его производства работников неизбежно ведет к целому набору взаимосвязанных перемен в корпоративной жизни. Еще более сакрализуется фигура лидера, а через него — правда, отчасти — и всего менеджерского корпуса. Границы корпораций становятся все более прозрачными и даже размываются вследствие массового вовлечения потребителей в процесс брендинга производимой продукции. Разворачивается острая конкурентная борьба между ведущими профильными компаниями за выпуск материального наполнения уже запущенного и работающего бренда. Стремительно возрастает доходность операций на рынке виртуальных брендов, то есть стиливых маркеров, изначально товарных и потому вообще не нуждающихся в каком-либо осязаемом содержании. Усиливается значение венчурного брендинга и увеличивается капиталоемкость инвестиций в прогнозируемые перспективы и ожидания.

Проецируя обозначенные тенденции на уровень нашей общенациональной корпорации, следует указать на колоссальные и еще неиспользованные возможности ее капитализации за счет главного актива — человеческого капитала. Оперативная комбинаторика его составляющих — социальной, интеллектуальной и эмоциональной — способна многократно увеличить объемы инвестиций этого капитала. А учет динамической картины профессиональных, образовательных, демографических и иных трансформаций в жизни граждан-корпорантов позволит существенно ускорить его оборот. Одновременно (а еще лучше — даже с некоторым опережением) с наращиванием инвестиционной активности «сотрудников» корпорации следует всерьез заняться и формулированием постулатов их «религии». Правда, для этого уже требуются основательная подготовка и определенный опыт самоидентификации в качестве сопричастников данного проекта и, конечно, достаточно высокий градус пассионарности.

Вообще пассионарность может и должна рассматриваться как уникальная находка, способная преодолеть застарелые, вроде бы потухшие, но каждую минуту готовые разгореться с новой силой идеологические конфликты. Пассионарное мировоззрение выводит общественную дискуссию за пределы безнадежно устаревших сегодня разделений между правыми и левыми, ли-

бералами и традиционалистами, но вместе с тем обладает способностью интегрировать всех их без исключения в новый смыслообразующий проект для завтрашней России.

В этом отношении вызывает немалое удивление довольно прохладное восприятие нынешней властью пассионарной идеологии и соответствующей ей общественной практики. Возможно, данный факт объясняется тем, что режим за шесть с лишним лет своего существования уже сформировал определенную стилистику собственной политики. И этой стилистике онтологически несвойственны какие-либо пассионарные начинания — даже на уровне самопрезентаций. Ее идеологическая эклектика при более фокусированном и детальном рассмотрении, в общем-то, даже обретает определенную цельность и стройность. Системообразующей основой власти оказывается курс на «удвоение ВВП» на фоне освоения административной вертикалью основных финансово-экономических ресурсов. А при таком раскладе «надстроечные» процессы вообще перестают играть какую-либо роль и режим может свободно дрейфовать в поле идеологических маркеров — от державного квазимонархизма до либеральной олигархии и от социально ориентированного рынка до правого неоконсерватизма а-ля Тэтчер или Рейган. И пассионарность слабо согласуется с приоритетами очерченного курса.

Но нельзя не видеть и очевидных преимуществ пассионарности — в том числе для режима, заинтересованного в стабилизации и преемственности. Пассионарность — наверное, самая надежная гарантия от «оранжизма», об их онтологической несовместимости уже говорилось выше. Она также несводима к дремучему и всепоглощающему народному революционаризму, уже не раз в нашей истории не просто сметавшему государственность России, но и ставившему под вопрос саму причастность страны к человеческой культуре, ввергавшему ее в пропасть цивилизационной архаики. Пассионарность — это феномен, всегда тяготеющий к самоорганизации. А революции совершаются пассионариями именно для того, чтобы вырваться из состояния недореволюции, то есть революции, фактически произошедшей на смысловом уровне, но еще не оформившейся на уровне социально-политическом. Пассионарность, таким образом, не исключает революции, однако революциям как состояниям транзитным пассионарность противопоказана. Сотворение альтернативного проекта — процесс креативный, действительно требующий распаковывания национальных сил и энергий, но совершенно не обязательно в ритме катастрофизма.

НОВАЯ РИТОРИКА ВЛАСТИ

Выступление заместителя руководителя администрации президента — помощника президента РФ Владислава Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия» 7 февраля текущего года — знаковое для современной российской официальной идеологии событие.

Обращает на себя внимание уже само название выступления: «Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности». Новые слова вводятся в обиход с высокой трибуны, как правило, не ради стилистических изысков, но либо для отмежевания от старых ориентиров, либо для их уточнения или исправления (что в конечном счете также означает отмежевание — только лишь в более мягкой версии). Новое слово «конкурентоспособность» может быть воспринято как первый шаг к уточнению прежнего, утвердившегося в путинской России понимания демократии как преимущественно «диктатуры закона». Из выступления явственно следует, что подобный взгляд на демократию был оправданным в ситуации первых лет правления действующего президента, когда от власти требовалась твердость для преодоления последствий олигархического беспредела ельцинской эпохи. Следуя логике доклада, можно даже вывести своеобразную формулу сложившейся за прошедшие шесть лет путинской «политики демократизации», которая есть «диктатура закона» плюс «политика стабилизации». Иными словами, эта политика выстраивалась по принципу от противного: если олигархи стремились «подменить собой государство», то многолетние усилия Путина были «направлены именно на то, чтобы работали законы демократического государства». Президент, по словам выступающего, вернул «всем демократическим институтам» подлинный смысл понятия «демократия».

Таким образом, если суммировать приведенные докладчиком характеристики демократии минувших полутора сроков Путина, то получается, что она была главным образом легистско-инсти-

туциональной, совершенствовавшей своего рода несущий каркас государственности. Но сегодня одного этого уже явно недостаточно. Демократия завтрашнего дня — это «соревнование и сотрудничество свободных людей». Лишь здесь путь к превращению общества в «эффективный и конкурентоспособный» организм. Налицо перенос акцентов с государственно-правовой сферы (уже не столь актуальной после разгрома олигархической фронды) на сферу социально-коммуникативную — то есть на весь тот комплекс взаимоотношений общественного партнерства, для которого органично и естественно сочетание коллективного интереса и индивидуальной состоятельности.

Озвученное заместителем главы президентской администрации новое понимание демократии представляется буквально революционным. Народовластие если и не выносятся прямо за скобки государственности, то по крайней мере более уже не идентифицируется с ней напрямую. Именно общество — а не те или иные статистские конструкции — становится отныне одновременно и субъектом такой конкурентоспособной демократии, и объектом ее воздействия. А ведь как раз к этому-то и стремится сегодня развитый Запад, вынужденный амортизировать издержки институционально-электоральной демократии бесконечным «накачиванием» структур гражданского общества. Неспроста Джордж Сорос вот уже не первый год бьет тревогу по поводу угрозы демократии со стороны «рыночного фундаментализма», который не способен обуздать вроде бы для того и созданные электоральные политические институты, и призывает к всемерному укреплению «нерыночного сектора» (nonmarket sector) — архипелага гражданских связей, единственно способных уравновесить «капиталистическую систему».

В этой ситуации наша российская архаичная и дикая с точки зрения высоко развитой западной политической демократии действительность оказывается на самом деле свободным и благодатным полем для инновационного социального конструирования. Кстати, весьма затруднительного в условиях детально поработанной на протяжении многих веков и потому практически не поддающейся каким бы то ни было изменениям регламентации европейского цивилизационного пространства. Наши электоральные институты неэффективны, гражданское общество вообще напрочь отсутствует, поэтому демократия именно как регулятор коммуникативных отношений может быть имплантирована в систему партнерских взаимоотношений непосредственно. Собственно, именно такую модель демократии и предлагает только что очерченный проект общенациональной корпорации.

Раскрытие содержания новой демократии через образ состоятельного общественного партнерства уточняет и понимание суверенитета. Докладчик рассматривает суверенитет как неперемное условие национально-государственной идентичности. Однако в вырисовывающейся социальной конструкции этот «политический синоним конкурентоспособности» уместен и востребован и в более фрагментарных сегментах общества — вплоть до отдельной личности. Складывающаяся таким образом иерархия суверенитетов и может, наверное, считаться «суверенной демократией» — обозначенной как тезис для дальнейшей разработки в прошлогоднем президентском послании.

В выступлении перспективы демократии напрямую увязываются и с состоянием «структур гражданского общества». Однако приводимые на этот счет рассуждения выглядят, скорее, обязательной данью пока еще не девальвированным идеологическим фетишам прошлого. Подобный вывод напрашивается сам собой при внимательном рассмотрении субъектов, названных таковыми «структурами».

Наибольшее сомнение вызывает приписывание к ним партий. Вообще обозначившийся в последнее время крен в сторону раздувания их значения представляется ошибочным. Партии в новой России изначально были мертворожденными — именно в качестве выразителей политических ориентаций электората. Их можно назвать лоббистскими клубами, картелями по распилке госбюджета, номенклатурными резервациями, банками кадровых назначений, наконец, группировками Охотного Ряда (кому повезло) — но только никак не партиями в традиционном понимании этого слова. Время партий вообще уходит. Ныне востребованы уже иные формы интеграции общественных интересов. И на этом фоне реанимация того, что изначально являлось дефектным и несостоятельным, представляется весьма недальновидным шагом. Но сейчас о другом. Даже если представить себе, что у нас все-таки есть гражданское общество — пускай призрачное и виртуальное, — то и в таком случае партии уж никак не могут восприниматься как его состав-

ные части. Будь на самом деле так, тогда либо сытые партийцы любых мастей и окрасок неминуемо сделались бы под стать гражданскому обществу бедными и ущербными, либо гражданское общество оказалось бы, как и они, развитым и сильным. Но ни того, ни другого не наблюдается. В сложившейся ситуации высказанное недавно президентом сомнение по поводу целесообразности создания в России партийного правительства выглядит актуальным и давно назревшим — особенно на фоне некогда сделанных на этот счет необдуманных заявлений.

В конце концов надо принять как данность разветвленную систему лоббистских отношений, являющихся как бы теневым каркасом российской государственности. Следует должным образом отнестись и к представительству этих лоббистских интересов на Охотном Ряду. Но не надо называть все это гражданским обществом, лишний раз мифологизируя и без того сказочную систему бюджетных договоренностей!

Что касается «саморегулируемых и некоммерческих организаций», а также «местного самоуправления», то их упоминание в докладе настолько фрагментарно, а реальный статус настолько мизерен, что воспринимать их как «структуры гражданского общества» так же бессмысленно, как и партии — только по другим причинам.

Но в целом налицо очевидное обращение власти к новой риторике и как прочитываемое между строк — к новым смыслам. Последует ли за этим поворот и к новым действиям?

ТЕРРИТОРИЯ КОНСТРУКТИВНОГО КОМПРОМИССА

Уже давно назрела потребность содержательного и непредвзятого разговора о нашем будущем. Разговора прямого и откровенного, без оглядки на какие-либо облюбованные и милые сердцу каждого резервации прежних идеологических приверженностей и политических пристрастий. Такой разговор уже сам по себе мог бы стать хорошим началом для пробуждения пассионарных энергий национального сознания.

Разумеется, любой вступающий в такой разговор должен быть, со своей стороны, готовым к компромиссам. Надо лишь обозначить допустимую для этих компромиссов границу, за которую уже никак нельзя переступать. Думается, что для всех вместе общей границей территории такого конструктивного компромисса мог бы стать догмат о приоритете суверенного Российского государства как главного гаранта суверенитета каждой проживающей в нем личности, а также единственного залога нашего будущего — как коллективного, так и индивидуального. В пределах указанной территории любой, даже самый острый спор допустим и правомерен. За пределами — нет.

Возможно, что такой разговор будет подстерегать неожиданное затруднение — терминологическое и понятийное непонимание вовлеченных в него субъектов. У каждого ведь не только своя правда, но и свой язык истолкования этой правды. Поэтому в качестве своеобразного «английского» для таких переговоров можно было бы взять язык сегодняшних официальных текстов. И в этом отношении статья заместителя главы президентской администрации окажется хорошим «словарем» для «перевода» с русского на русский. В ней не только присутствуют совершенно новые для официальной российской риторики понятия, но и приводятся их интерпретации — причем достаточно пространные, оставляющие возможность для уточнения и согласования участниками возможной дискуссии.

Предложенный же проект общенациональной корпорации как оптимального государственного оформления мобилизационного способа развития и стимулирования национальной пассионарности, может, где-то и выглядит нарочито футуристичным или даже утопичным. Но мечты движут идеями, а последние управляют практиками. Ведь кому-то всегда необходимо дать заправку — хотя бы и в образности, совершенно неприемлемой для реальной политики сегодняшнего дня.

Опубликовано в журнале «Политический класс». 2006. № 3.

Ярослав Бутаков
**ГОСУДАРСТВО-КОРПОРАЦИЯ НА СЛУЖБЕ
ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Пестрота политических партий, вызывающая рябь в глазах, утопическое доктринёрство и взаимоисключаемость предлагаемых ими путей развития приводили многих «государственно мыслящих людей» к убеждению, что политическую истину и оптимальную государственную стратегию бессмысленно искать в программах партий. Сам строй, основанный на межпартийном соревновании и отвлекающий энергию народа с культурного и экономического строительства на самодовлеющую политическую борьбу, вызывал реакцию отторжения у людей, считавших, что государственная власть призвана выражать не случайность временного успеха в конкуренции, а ценности, общие для всех граждан. Система, в которой «народная воля» один раз означает одно, а через 4-5 лет — нечто совершенно противоположное, несовместима с традиционным русским исканием правды во власти.

Как писал больше 100 лет назад крупный консервативный государственный деятель России **К.П. Победоносцев**: «Народ ищет наверху, у власти, защиты от неправды и насилий и стремится там найти нравственный авторитет в лице лучших людей, представителей правды, разума и нравственности... Горе народу, когда в верхних, властных слоях общества не находит он нравственного примера и руководства: тогда и народ поникает духом и развращается... Великое бедствие — искать власть и не находить её или вместо неё находить мнимую власть большинства, власть толпы, произвол в призраке свободы».

Среди самих поклонников либерального парламентаризма к началу XX века распространялось неверие в правоту собственной доктрины. **П.И. Новгородцев** ввёл в политическую науку понятие *политического релятивизма* как наиболее адекватно описывающее состояние современного демократического государства, выражающееся в отсутствии у него какой-то позитивной заданности. Он же дал объяснение *кризису современного правосознания* как неразрешимому в условиях демократии противоречию. С одной стороны, между исчезновением веры в возможность создания совершенного государства, и, с другой — постоянным возрастанием требований общества к государству. **М.Я. Острогорский** утверждал, что демократия ныне — это вовсе не то, что издревле привыкли понимать под этим словом. *В современных условиях демократия есть, всего лишь, «механизм социального запугивания управителей управляемыми».*

Когда после Февральской революции была разрешена неограниченная деятельность политических партий, дух разлагающей фракционности заразил всё население. Как описывал известный американский хроникёр российской революции **Дж. Рид** свою поездку из Петрограда в Москву вскоре после Октябрьского переворота: «Почти в каждом вагоне организовался комитет по добыванию и распределению продовольствия, и эти комитеты также распались на политические фракции, не замедлившие вступить в споры об основных принципах». Молодой заокеанский репортёр, впервые попавший в нашу страну летом 1917 года, умилился, наблюдая это «пробуждение народа». Но на самом-то деле его зарисовки с натуры изображают совершенно больное общество.

Потворствовавшие этой стихии либеральные правители России прозрели только после того, как потеряли власть. Шок оказался настолько сильным, что Центральный комитет конституционно-демократической партии в 1919 году, формулируя желательные цели и задачи политики белогвардейских правительств, заявлял: «Не должно быть возврата к системе управления Временного правительства..., представлявшего собой пример бессилия и преклонения власти перед революционной стихией... [Будущий строй должен быть] не свободной игрой политических партий, а *установлением твёрдого порядка*».

Но государство может успешно развиваться только тогда, когда предоставляет достаточный простор общественной инициативе, канализируя её в конструктивное русло. Понимая это, государственно мыслящие деятели Европы и России в конце XIX — начале XX вв. подыскивали такие альтернативы системе межпартийной конкуренции, которые, сохраняя столь важное поло-

жительное свойство демократии как общественная инициативность, позволяли бы проявляться ей созидательным, а не деструктивным образом. Особенное неприятие в либеральной многопартийной демократии вызывало то, что она извращает самую идею народного представительства, создавая олигархию партийно-политических элит.

Как отмечал **Л.А. Тихомиров**: «В парламентарных странах воля народа представляется правительством до крайности мало. Роль народа состоит почти исключительно в том, чтобы выдать своих повелителей, да в случае особенной произвольности их действий сменить их, хотя и последняя задача — при хорошей организации политиканских партий — далеко не легка». Соответствие народного представительства его идее многие политологи прошлого видели в его организации на основе реальных групп, существующих в обществе, а не на делегировании полномочий тем, чья политическая программа оказалась более соблазнительной. Подобные идеи продуцировались в своё время **как правой, так и левой** политической мыслью.

Живший во второй половине XIX — начале XX вв. французский политический писатель **Д. Люги** утверждал: «Государство умерло; или, скорее, мало-помалу умирает его римская, регальная, якобинская, наполеоновская, коллективистская форма... Созидается другая, более широкая, эластичная, охранительная и человеческая форма государства. Её элементов два: 1) понятие социальной нормы, обязательной для всех, или объективное право; 2) децентрализация или синдикалистский федерализм... В будущем... организуется рядом с пропорциональным представительством партий профессиональное представительство интересов, то есть представительство различных классов, организованных в синдикаты и федерации синдикатов».

В начале XX века в Великобритании, в среде тред-юнионов и лейбористской партии активно пропагандируется доктрина **гильдейского социализма**. Суть её состояла в создании вертикальных профсоюзов, объединяющих в своих рядах как рабочих, так и менеджеров, и организующих управление экономикой в своей отрасли. Общенациональная гильдия производителей должна была осуществлять экономическое регулирование в масштабах страны.

Особенно большую популярность идеи **корпоративизма** приобрели в начале XX века в Италии. Министр труда А. Лабриола разрабатывал проект парламентской реформы, выразившийся в учреждении двух палат — промышленной и аграрной. Первая избиралась бы на паритетных началах организациями рабочих и работодателей, вторая — союзами землевладельцев, крестьян-домохозяев и сельскохозяйственных рабочих. Эта система называлась «экономическим» или «техническим парламентом».

Наиболее активно подобные идеи развивались **христианскими демократами**. Итальянская католическая партия в то время ратовала за реформу Сената. Согласно этому проекту, Сенат должен был избираться на основе «преобладающего представительства национальных корпораций — академических советов, коммун, провинций, организованных классов». Близкая к ней Национальная партия утверждала в 1919 году: «Корпоративный принцип... есть основа социальной жизни, он должен стать также основой и жизни политической... Выборы на основе корпоративного принципа дадут Сенату силу и авторитет и позволят ему противостоять опасному всемогуществу нижней палаты, избранной аморфной массой и не отражающей собою реальной жизни нации».

Набиравшее силу фашистское движение, среди прочих популярных в обществе идей, заимствовало и установки корпоративизма, а после прихода к власти попыталось некоторые из них воплотить в жизнь. **Но корпоративизм никогда не был для итальянских фашистов обязательным основным элементом доктрины общественного переустройства, являясь, скорее, удобным социальным маневром.** Фашисты не произвели требовавшейся обществом реформы верхней палаты. Выдвигавшиеся корпорациями кандидаты в депутаты нижней палаты парламента проходили жёсткий отсев руководством правящей партии.

Корпоративное устройство государства было в 30-е гг. прошлого века провозглашено ещё в нескольких странах Европы после утверждения в них правоавторитарных режимов — в Португалии, Австрии, Испании. Пожалуй, ближе всего к его воплощению удалось подойти в Австрии, где в рамках одного союза («сословия») объединялись и рабочие, и предприниматели отрасли. Но характерной чертой корпоративных государств стало недоверие правящих режимов к ими

же созданным корпорациям, взятие их под строгий контроль монополю правящей партии. Отчасти это можно объяснить той жёсткой политической борьбой, которой сопровождалось утверждение правоавторитарных режимов, тенденцией названных обществ к дезинтеграции на партийные группы, с каковой тенденцией можно было справиться, по-видимому, только принудительным ограничением политического плюрализма, благо и опыт главного идеологического противника — СССР — подсказывал такой путь. Корпоративное устройство было в этих условиях, скорее, не реальностью, а ориентиром.

Корпоративизм не был раз навсегда данной и застывшей формой. Корпорациям никогда не ставилась задача полностью и во что бы то ни стало заменить прежние формы социальных и политических отношений. Их место в общественно-политических системах определялось не доктринально, а эмпирически в каждом государстве. **Корпоративное государство можно рассматривать как попытку эволюционной модернизации традиционного государства, при которой корпорации постепенно, по мере необходимости, начинают выполнять функции отживающих институтов.**

В советское время правоавторитарный корпоративизм обязательно трактовался как реакционное стремление к чисто внешнему сглаживанию классовых противоречий, достигавшееся реальным подавлением рабочего движения. Этими привычными идеологическими установками продиктовано, видимо, преобладание негативных оценок корпоративного государства и в современной, постсоветской историографии и политологии. Известную роль играет и мышление по аналогиям: поскольку идеи корпоративизма осуществлялись итальянским фашизмом и ориентировавшимися на него режимами, флёр одиозности, наброшенный на них, механически распространяется и на всю их политику.

Эти устоявшиеся оценки с трудом уступают место более взвешенным, как, например, характеристике, данной **Х. Тревором-Ропером** португальскому режиму доктора **А.О. Салазара**: «*христианский консервативный режим*». Современные российские историки (Новейшая история стран Европы и Америки. М.: Владос, 2001. Ч. 1) отмечают «мягкий» характер австрийского правого авторитаризма, его опору «на традиционные институты власти», ориентацию на «идеалы стабильности и порядка, традиций и религиозных ценностей». Подчёркивается, что австрийскому авторитаризму были «несвойственны жесткий национализм, антисемитизм, агрессивный экспансионизм».

То, что именно фашистский и близкие к нему режимы воплощали корпоративную модель на деле, связано вовсе не с якобы присущей фашизму корпоративной идеей, а с тем, что в условиях Европы 20-30х годов прошлого века только жёсткие авторитарные режимы (как правой, так и левой идеологической направленности) обладали достаточным потенциалом к социально-политическому экспериментированию, к революционной реализации востребованных обществом идей. К числу таких идей в Западной Европе, без сомнения, принадлежала и идея **корпоративизма**.

Россия тоже не была чужда данному направлению. Ещё в период «думской монархии» упомянутый **Тихомиров** выдвигал идею создания вместо Государственной Думы, которую считал худшей копией западных парламентов, народного представительства «от совершенно определённых групп населения». Он доказывал «глубокую демократичность» такой системы представительства, в отличие от парламентарного, создающего «господствующий политиканский слой». **Тихомиров** считал, что предлагаемая им система «всем своим влиянием постоянно направляет мысль государства на заботу не о том, что нужно для партий, а о том, что нужно для самого населения, для народа». Он полагал необходимым установить механизм реальной ответственности депутатов перед своими избирателями, включающий периодический отчёт по наказам избирателей и возможность досрочного отзыва депутата.

В ограниченном виде, впрочем, предложенная им модель уже осуществлялась в реформированном с 1906 года Государственном Совете, ставшем верхней палатой российского парламента. В избираемой половине Госсовета видное место принадлежало **представителям академическо-университетской корпорации**. Как корпорации можно рассматривать и цензовые представительные органы — **губернские земства и думы крупнейших городов**, также выбиравшие членов Госсовета.

В период между Февралём и Октябрём 1917 года схожая система использовалась при формировании временных представительных органов — **Московского государственного совещания и Совета Российской республики (предпарламента)**. Они пополнялись из делегатов не только от местных самоуправлений и Советов, но и от профессиональных организаций и кооперативов, а также от союза казачьих войск и национальных обществ. Правда, дух партийных раздоров, свойственный России в то время, поглотил эти учреждения. Проект конституции, разработанный в соответствующей комиссии Временного правительства, предусматривал образование верхней палаты на основе представительства от областных земств и дум крупных городов, общероссийских объединений профсоюзов и кооперативов.

Осенью 1919 года Совет министров при Верховном правителе **А.В. Колчаке** подготовил проект закона о созыве совещательного органа из выборных представителей местных самоуправлений, профсоюзов, кооперативов, советов высших учебных заведений, казачьих войск, Православной церкви, старообрядческих общин, иноверческих конфессий, национальных групп. Проект не был реализован из-за скорого падения белой Сибири. Однако в 1922 году на Дальнем Востоке генерал **М.К. Дитерихс**, объявленный «воеводой земской рати», созвал на аналогичной основе Земский собор и даже установил нормы его пополнения по мере чаемого освобождения России от большевиков.

Идея народного представительства, альтернативного парламентскому, продолжала развиваться и в Русском Зарубежье. Её активными выразителями сделались **евразийцы**, создававшие в эмиграции развёрнутое историческое, геополитическое, экономическое и культурное обоснование проекта России как государства-цивилизации. Политико-правовое обоснование этого проекта осуществил профессор Сорбонны **Н.Н. Алексеев**.

«В нашем государстве, — утверждал идеолог евразийства, — мы партии заменяем реальными общественными слоями, и это создаёт условия, при которых нам партии и технически становятся ненужными... Мы вполне допускаем возможность деловых расхождений и деловых группировок. Но мы не хотим, чтобы избирателю его мнимые интересы вколачивала партия. Мы стремимся к тому, чтобы избиратель сам уяснил эти интересы и отобрал людей, которые окажутся истинно способными выражать волю нации как некоторого органического целого». **Органическими же частями этого государственного целого являются «профессиональные и национальные клетки».**

Господство республиканского правосознания, для которого, по определению **И.А. Ильина**, характерна «тяга к дифференцированной дискретности, атомизму», в условиях России чревато государственной дезинтеграцией. Постоянной задачей государственного строительства России всегда являлось создание и поддержание институтов, воспитывающих в обществе «тягу к интегрирующей аккумуляции». **При отсутствии монархии и монархических традиций, поэтому, обращение к теории и практике корпоративной модели социальной организации и политического представительства выглядит оправданным и актуальным.**

Опубликовано на сайте «Агентство политических новостей» 15.04.2005.

Александр Неклесса
**ГОСУДАРСТВА-КОРПОРАЦИИ,
ИЛИ НОВЫЙ МИРОВОЙ ЛАНДШАФТ**
(в сокращении)

— Александр Иванович, Вы недавно представили публике книгу, посвященную «людям воздуха», так кто же они?

— «Люди воздуха» — новый интеллектуальный класс, явивший себя миру где-то на пороге 70-х годов прошлого века. Однако в жизнь общества он входил на протяжении всего транзитного столетия, принимая разнообразные личины, произведя при этом на свет массу впечатляющих феноменов, которые теперь во многом определяют политический и экономический ландшафт США, Европы, Евразии. Сегодня «четвертое сословие» — движущая сила социальной динамики, творец геоэкономических и геополитических стратегий, держатель управленческих и интеллектуальных активов, оператор финансовых ресурсов и проектировщик информационно-коммуникационных технологий, плетущий смыслопроводящие сети Нового мира.

Предтеча же «людей воздуха» — сколь странным это не покажется на первый взгляд — номенклатурный («административно-командный») новый класс, сделавший акцент не на личном обладании материальными ресурсами, а на коллективном («корпоративном») управлении ими. На подчинении себе, тем или иным способом, прежнего владельца и гегемона, порой, ломая его «об колена». Пришествие нового класса было предсказано еще Бакуниным и подробно описано Милованом Джиласом как социальная реализация сословия, узурпирующего права пролетариата — тогда еще «законного» претендента на роль могильщика «марксовой» и «веберовой» буржуазии. Обретая политическое доминирование, страта правителей-управленцев объединяла в рамках синкретичных «воздушных» («партийных») структур и в руках различных *parteiengenossen* политическое, идеологическое, экономическое лидерство, претендуя, таким образом, на тотальную власть.

Между тем современные «люди воздуха» заметно отличаются от проклятых отцов и детей бурлящих мятежей и восстаний начала прошлого века, породивших в ходе городской революции грандиозную историческую иллюзию мощи пролетариата и грядущей диктатуры масс (посвоему, однако, карикатурно воплотившуюся в своеобразном диктате «массового общества»). Члены новой страты, скорее, потомки другой, не партийно-номенклатурной и подсыхающей ветви могучего генеалогического древа сословия «судейских и литераторов» — а, пожалуй, — образцы «детей индиго», зачатых еще в горнилах Великой американской и французской революций, преемники знаменитой «революции менеджеров», ставшие ныне также наследниками постпротестантского контркультурного переворота. Впрочем, простреленное веком третье сословие также знало различные формы исторического воплощения: буржуазия торгово-финансовая и буржуазия промышленная — достаточно разные представители своего класса.

В наши дни «мыслящее сословие» активно вторгается на мировой рынок с призрачным товаром: символическими деньгами и многочисленными производными глобальной биржи, формулами долговой топологии и методологией силовых воздействий, идеологией массовых СМИ и наполнением элитного эфира. Оно успешно оперирует нематериальной субстанцией знания, образования, пропаганды и многими другими клонами социогуманитарных технологий, включая искусство современного управления и стратегирования.

— О «революции менеджеров» было модно говорить в 60-х годах прошлого века, но за последние десятилетия тема как-то приутихла. Казалось, что революция кончилась, а на самом деле все интереснее: она родила новый класс?

— Давайте проследим, как это произошло. Горизонт революции менеджеров в том, что управленец, а заодно и финансовый оператор, постепенно перенимали бразды правления у собственника, начиная «свою игру» — сейчас в России мы видим нечто подобное. Одновременно происходил процесс относительной и абсолютной девальвации «аппаратной части» предприятий при росте значения ресурсов и нематериальных активов.

Причем на смену управленцу прежнего типа — администратору-бюрократу — приходит человек, уделяющий приоритетное внимание даже не столько самому производству, сколько совокупной эффективности предприятия. Во многом связанной в наши дни со сложными схемами движения финансов, с образованием политических союзов, системных или клановых коалиций, эффективным использованием информации и культурного потенциала, а также других нематериальных активов. Иначе говоря, с управлением особыми формами капитала: интеллектуальным, символическим, социальным, культурным, человеческим.

Предприниматель сегодня действует в существенно иной среде, как мы привыкли ее называть — «постиндустриальной». Крупный собственник сам по себе как независимый квант экономической материи, практически, не существует — он встроен в определенную властную инфраструктуру. Доминирование же в подобном кругу, взаимная конкуренция властных сфер есть арена настоящей, хотя нередко не слишком видимой обществу и уже не столько экономической, сколько политической, классовой борьбы, порой проглядывающей в перипетиях борьбы партийной. Или в прорехах актуальных событий самого разнообразного толка.

Вместе с повышением искусства воплощения замысла и реализации стратегических операций, власть над социумом, т.е. политическая гегемония, постепенно перетекает к представителям «воздушного» класса. Так что часы Нового времени остановлены проектировщиками заметно иной версии всемирной судьбы. Одновременно происходит историческая мутация правящего сословия. В ходе развернувшегося на планете «восстания элит» новая страта, идя на сделки и соглашения, последовательно приватизирует власть, причем власть всякую, а не только экономическую или политическую. Интеллектуалы, принимая в управление практику, становятся по мере сил доктринерами и метафизиками.

Сегодня властвовать все чаще означает держать первенство в индустрии мировоззрения, идейного и семантического производства. Новый класс, имплантируя ментальные и социальные коды действия, задавая нормы, целеполагание и смысл существования обществу, понимает власть скорее как способ распоряжаться «настающим настоящим» — будущим в его разнообразных конфигурациях. Здесь, кстати, истоки внутренней мощи «оранжевых» и иных цветных революций, безотносительно от внешней поддержки, которую в той или иной форме на деле получают все стороны.

— Иными словами, «новый класс» вытесняет «старую добрую буржуазию». И мы, похоже, опять впереди планеты: ни доброй, ни старой буржуазии у нас толком не сложилось, а «людей воздуха» как нигде много...

— «Люди воздуха» имеют много ипостасей. Но главное — это новая движущая сила истории, политический класс, меняющий и вытесняющий в процессе социальной трансформации сословие третье, т.е. буржуа. Мировая элита меняет не просто облик, но саму субстанцию политической гегемонии.

Напомню, систему трехсословного общества около тысячи лет назад сформулировали в средневековой Европе епископы Адальберон Ланский и Герард Камбрейский. И примерно тогда же, может чуть позднее, заговорили о сословии четвертом, к которому относили ростовщиков, шулеров, лицедеев (представителей шоу-бизнеса, говоря современным языком) — людей, «выходящих за рамки», преступавших традиционные запреты. Когда-то, а точнее в XVI-XIX столетиях, третье сословие вело свою битву за будущее, за доминантные в нем позиции, за право определять курс истории и вершить дела в меняющемся мире. Оно выиграло ее. Но теперь мы видим, как вместе с прежним мироустройством уходит былое, практически тотальное доминирование буржуазии. Той буржуазии, которая была порождением индустриальной экономики, которая владела и владеет «основными фондами».

Борьба не ограничена кругом политической гегемонии. Распоряжаться существенно меняющим облик экономическим хозяйством — а заодно и будущим сообществ как в локальной, так и в глобальной геометрии — стремится сейчас сословие административных и постиндустриальных олигархов, управленцев и стратегов. Переступая через очерченные прежней гегемонией пределы, эта каста интегрирует разнообразные виды интеллектуальной активности: от творчес-

ких и властных порывов, связанных с тем или иным проектом обустройства по-новому прочитанной Ойкумены, до утилизации культурных и ценностных катакомб глобального Undernet'a. От новаций в сфере традиционных видов производств до освоения необъятных предметных полей виртуальной вселенной. А уж что произрастает и еще произрастет на подобных «предметных полях», до поры не знает никто, кроме самозванных землемеров, которые видят и расчерчивают, измеряют и приватизируют этот призрачный, необъятный Клондайк, а затем осваивают его.

По настоящему большие деньги сегодня не зарабатываются на предприятии или на рынке, они придумываются, организуются или крадутся.

— В чем заключается принципиальная новизна в схемах организации и управления бизнесом с преобладанием нематериальной составляющей?

— Принципиальная новизна — во взгляде на реальность как на сложную, динамическую, нелинейную субстанцию или, слегка сгущая краски, как на перманентную турбулентность. И, соответственно, в заметно иной методологии познания и действия.

Важных же особенностей инновационных оргдеятельностных схем несколько — во-первых, внимание, придаваемое антропологическим структурам и нематериальным активам. Во-вторых, переход к сетевому и проектному принципу формирования социоструктур. В третьих, динамичное развитие самой формулы нематериальных активов, иная скорость социального времени. В четвертых, выстраивание деятельности с учетом логики «казино-экономики», где проигрыши заранее планируются, но сама игра ведется с позитивным результатом. Наконец, осознание турбулентной, нелинейной природы мира ведет к развитию и применению соответствующих методологий/технологий знания и действия (к примеру, SOC — теории самоорганизующейся критичности).

Все это востребовано сегодня в политике, бизнесе, военном искусстве, в других сферах человеческой деятельности...

Традиционная форма организации, учреждение — бюрократично-номенклатурный динозавр. Любое действие движется здесь по штатным векторам на основе некоего, подчас не вполне ясного регламента. И практически никто — ну, может быть, за исключением руководителя, да и то далеко не всегда — ничем, в сущности, не рискует. Инициативы и действия базируются на формальной иерархии, на устойчивых ролевых функциях, на стереотипизированных процедурах продвижения решений. При этом уровень разделения рисков внутри самой организации минимален.

Сетевая же организация основывается не на штатной структуре, а на проектном принципе деятельности, неформальном лидерстве, будучи объединена концептуальным аттрактором, системным аутсорсингом, персональной ответственностью за реализацию уже не ролевой функции (должности), но конкретного субпроекта. Здесь соединяются высокая степень вертикальной мобильности (причем, в обоих направлениях) с отчетливым, персональным разделением рисков и нелинейной динамикой. Идеал подобного организма в единстве соборной миссии с энергиями амбициозных личностей. В сущности, это прообраз мира трансэкономических элитных структур, «корпораций» в полузабытом значении термина, в пределе представляющих собой не организации, но связки функций, соединяющих разноформатные проекты и реализующих их людей.

Отсюда проистекает радикальное изменение «роли личности в истории». Поделюсь поучительной байкой. В свое время Дэвид Паккард, один из создателей компании Hewlett Packard, и Джон Гейдж, основатель компании Sun Microsystems приняли участие в семинаре деловой и политической элиты. В ходе которого Дэвид задает вопрос: «Джон, сколько человек тебе нужно для организации предприятия?» Джон, задумавшись секунд на 15, отвечает: «Шесть, может быть восемь». Тогда ведущий дискуссии обостряет ситуацию: «Джон, а сколько людей реально работает в корпорации?» На что следует мгновенный ответ: «Шестнадцать тысяч, но они, в основном, являются ресурсом для рационализации».

Что приводит нас к схеме «семерых самураев»: если у корпорации имеются эти критические шесть-восемь сотрудников, у нее есть будущее. Если таковых нет, ее будущее проблематично.

— **На каких примерах можно увидеть, как работают постиндустриальные технологии нового интеллектуального класса в экономической сфере?**

— Корпорации новой элиты, действуя в условиях конкордата (и одновременно конкуренции) с элитой уходящей, выстраивают каркас глобальной штабной экономики, задающей основные правила игры на планете. А также порождает высокие геоэкономические технологии, организующие экономическую деятельность в соответствующем масштабе и одновременно принося их создателям громадный доход.

Например, замыслы современной элиты заметно повлияли на природу денег. Появились «новые деньги». Старые были «особыми вещами» — монетами, банкнотами, векселями, облигациями, обеспеченными ликвидностью либо иными материальными активами банка или государства. Но взгляните на современную американскую банкноту — чем обеспечена она? Ни сокровищами форта Нокса, ни собственностью США, да и вообще, строго говоря, это не продукт американского казначейства. Обеспечена же она определенным символическим капиталом, мощью США «и 6-ым американским флотом». Это постиндустриальное производство. Федеральная резервная система США, при всех обременениях, возложенных на нее государством, пожалуй, первое мощное постиндустриальное (и на сегодняшний день транснациональное) производство XX века.

Или возьмем технологию глобального долга. Можно подробно описывать, каким образом она создавалась, выстраивалась, но сегодня глобальный долг превратился, по сути, в систему контроля над траекториями мировых финансовых и ресурсных потоков, над функционированием систем национального потребления. А также над движением квазирентных платежей, вот только прибыль при этом добывается не из земли, как в классической политэкономии, а «из воздуха». Или, к примеру, технология управления рисками. Причем ее горизонт лежит не только в плоскости страхования национальных, региональных и глобальных рисков с оформлением данного вида деятельности системой соответствующих международных институтов, но и в нарастающем искусстве управления кризисными ситуациями. То же можно сказать о перспективах глобальной налоговой системы (ее прообраз, кстати, проскользнул в схеме Киотского протокола).

Наконец, отдельная тема — деструктивная параэкономика, в рамках которой энергии и доход образуются за счет деконструкции результатов предшествующей человеческой деятельности...

— **Новому классу, как и всякому классу нужна если не партия-организатор и рулевой, то какая-то организационная форма, связывающая их именно в единый социальный слой. Что связывает «людей воздуха»?**

— Некогда то, что объединяло людей в устойчивые социальные структуры, называлось кастовостью. Затем сословностью, потом классовым чувством. Как будет опознаваться новая форма разделения людей в ситуации с постиндустриальным классом — поживем, увидим. Кто знает, может быть — симпатией. Симпатия глубинное понятие, употреблявшееся в свое время алхимиками (одними из первых представителей «четвертого сословия»). Обозначает оно не только эмоциональное состояние, но метафизически обоснованные гармоничные сочетания, совпадения по внутреннему целеполаганию и соучастия в едином, как сказали бы сейчас, проекте.

Сегодня, кстати говоря, некоторые эффективные предприятия в различных сферах человеческой деятельности так и организуются по типу симпатии основных компаньонов и распадаются с разрушением такой гармонии. Это своего рода пластичный «холдинг людей», сумма их формальных и неформальных контрактов, причем подобная деятельность эффективна еще и потому, что оперирует она развитым индустриальным и постиндустриальным инструментарием — механизмами и технологиями, финансами и информацией, организационными и иными средствами. Конечно, для организации практики в соответствующих масштабах финансовые активы по-прежнему важны, но важны также ресурсы социальные, интеллектуальные, символические, культурные. Сумма же обладания ресурсами и активами определяется универсальным интегралом — уровнем капитализации предприятия, какие бы формы оно ни принимало. А основными элементами оказываются стратегическая устойчивость и перспективы роста.

Феномен, обладающий трансэкономическим целеполаганием, я нередко называю амбициозной корпорацией, учитывая, что: для слишком многих социальных новаций нет пока адекватных понятий и лексем. Так что термином «амбициозная корпорация» можно обозначать и глобальные мультикультурные корпорации, и неформальные клубы различных уровней компетенции, религиозные и квазирелигиозные сообщества, разнообразные этнические сообщества, а также другие группы влияния, включая, элементы транснационального движения альтерглобализма... Одновременно к этой же типологии тяготеют разнообразные криминальные структуры, наконец, — организации террористические, выстраивающие алгоритмы деятельности по собственным правилам глобальной игры за будущее. И порой, будучи не в состоянии конструктивно менять реальность, они в прямом смысле подрывают ее...

Интеллектуальный мастер, человек-предприятие (*manterpriser*), «господин воздуха» становится в наши дни все более влиятельным актором на планете, как в роли конструктора, так и деструктора. Сгущая и деятельно формируя пространства виртуальной картографии, четвертое сословие очерчивает горизонты будущего театра действий, который в одном из важнейших аспектов можно было бы охарактеризовать как «власть без государства».

Амбициозные государства-корпорации проявляются преимущественно в действии, а не в социальных текстах или ярлыках. Так что ряд ситуаций и процессов современного мира приобретает практически анонимный характер, что, кстати, лишним раз указывает на дефектность привычной социальной картографии, неполноту сложившегося в прошлом категориального аппарата и теоретических схем политологии.

— В чем специфика «государств-корпораций»?

— Национальные государства не являются ныне единственными субъектами международных связей, появляются международные регулирующие органы, страны-системы, прочие интегрии. Сам термин между-народные отношения (*inter-national relations*) становится по-своему уязвимым. Но также и геоэкономические организации не являются чисто экономическими структурами: экономика в современном мире во многом выполняет управленческие, властные функции, а политические власти в свою очередь участвует в решении сугубо экономических задач.

И то, и другое нередко осуществляется за пределами национальных территорий. Иначе говоря, новое мироустройство напоминает чем-то слоеный пирог: над прежней государственностью выстраивается транснациональная конструкция, которая хотя и привязана к определенным географическим ареалам, но имеет собственное оригинальное целеполагание. В результате на планете образуется сложноподчиненная система социальных пространств, соединенных нитями делегированного суверенитета, властных проекций, ресурсных потоков и неорентных платежей.

В самих же элитных группировках национальных государств, погруженных в подобную среду, сопresentствуют группы с весьма различными интересами и целями. Их интересы, порой антагонистичные в рамках национальных границ, могут в то же время совпадать с интересами и целями сообществ, обитающих в иных ареалах. Подобные группы сливаются в космополитичные молекулы новых организаций, картографию которых на сегодняшний день едва ли можно формализовать: динамичность и неопределенность являются их основными, чуть ли не генетическими свойствами. Причем состояние неопределенности — это, по-видимому, не просто постиндустриальный барьер, то есть некоторая транзитная ситуация, которая со временем будет так или иначе преодолена. Возможно, динамичный статус и есть основное, определяющее качество Нового мира. Именно поэтому новые формулы правления, скорее всего, будут тяготеть к методам управления турбулентными процессами, динамическим хаосом.

Кризис привычной, национально-государственной формы мироустройства, основанной на идее коалиций и баланса интересов, проявляется на сегодняшний день во впечатляющей попытке удержать рассыпающуюся политическую ситуацию путем выстраивания «мировой властной вертикали». Но этот же кризис предопределил интерес к альтернативным формам социополитической организации, к примеру, таким, как империя. При этом отсутствие общепризнанного категориального аппарата для определения феноменологии (пост)современности приводит ко все более многочисленным разночтениям социального текста и прочим нестыковкам.

Так, понятие «империя» вроде бы предполагает некое «всемирное огораживание», проведение черты между цивилизацией и варварством; в этом смысле империя приближается к понятию глобального города и восходит, конечно, к Риму. Однако мы по инерции употребляем слово «империя» применительно к заметно иным, инновационным формам мироустройства и типам управления, не предполагающим, к примеру, неопременного военного или административного присутствия на имперской территории. И хотя в случае США — в настоящий момент основного претендента на роль глобальной регулирующей державы — налицо как раз целенаправленное выстраивание опорных точек с неопределенным международно-правовым статусом, находящихся в перманентной боевой ситуации низкой интенсивности, будущее скорее за системами опережающего (преадаптивного) динамического контроля, нежели за превентивными механизмами поддержания status quo и других форм статичного равновесия, пассивации.

— Не так давно Сурков выступил с идеей превращения нашей «оффшорной олигархии» в национальную буржуазию, а чиновничества — в высокоэффективный аппарат госуправления. Судя по тому, что Вы говорите, мы опять мыслим в какой-то другой плоскости и ставим задачи, которые жизнь уже не ставит...

— Я уже как-то признавался, что меня, да и не меня одного, с некоторых пор не оставляет ощущение оскудения и истощения миростроительных энергий страны, распространяющегося в ней торжества «животного идеала». Но, как писал в свое время Карл Манхейм, «человек (а мы можем добавить — общество), для которого не существует ничего, помимо его непосредственных обстоятельств, не является человеком». Дефицит смыслов и личностей проявляется также в сфере государственного управления, политической философии, стратегической мысли...

В России во второй половине восьмидесятых годов прошлого века на арену выходила генерация людей, эклектичная по составу, по предмету своей деятельности, но которую, в целом, можно было охарактеризовать как прообраз российского постиндустриального класса. Эта социальная страта, уже тогда изломанная и частично коррумпированная, достаточно быстро нащупала путь к рычагам власти, однако взять ее в руки так и не сумела, а сдала другой группе элиты, основой деятельности которой стала «трофейная экономика» и разнообразные схемы перераспределения природной ренты.

Очевидно, что сегодня у России-РФ — нового государства, с совершенно иным геополитическим контуром и геоэкономической картографией — не сложились «национальная корпорация» и гражданское общество, что, конечно же, не исключает определенных замыслов и политических интриг правящего слоя. По-прежнему, хотя и глуше, слышны разговоры об удвоении ВВП, экономических и административных реформах, о выборочных «национальных проектах», повышении зарплат бюджетникам, борьбе с инфляцией, что, однако, не приводит ни к сокращению высокого уровня смертности, ни к ликвидации резкого разрыва в уровнях доходов населения, ни к росту его социальной активности. Но суть проблемы, пожалуй, в другом: параллельно с прежней практикой и ментальностью в стране возникает каркас нового социального организма.

Сегодня в среднесрочной перспективе становится вероятным разделение страны на:

— государственность-А, являющуюся островом нового транснационального архипелага, предоставляя ее лидером право на присутствие в элитном кругу. Подобное государство-корпорация (в геоэкономическом понимании данного термина), строится из совокупности систем управления десятка олигархических картелей, прежде всего в сфере ресурсной газо- и петроэкономики (но также на других производственных и ресурсных основаниях) и систем их обслуживания;

— и государственность-Б: общенациональную, административную — обеспечивающую функционирование привычных, но уходящих в прошлое, ветшающих социальных институтов и увядающих ветвей прежней власти.

Все это вполне вписывается в стремительно меняющееся поствестфальское мироустройство, основанное на новых принципах обеспечения социальной динамики и глобальной безопасности.

Юрий Солозобов
КОРПОРАТИВНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

ЧАСТЬ 1. ОТВЕТ НАШИМ КРИТИКАМ

«Тов. Кубяком с трибуны брошен был в меня стакан. Тов. Ярославский бросил в меня томом контрольных цифр, прибегая к хулиганско-фашистским методам. Тов. Шверник также бросил в меня книгу».

Из письма тов. Л.Д. Троцкого в ЦК. Октябрь 1927 года

Российское политическое сознание до сих пор расщеплено на две жесткие парадигмы: этатистскую и либеральную*. Одна апеллирует к неким вечным ценностям, которые жестко детерминируют будущее страны и потому гарантируют возврат общества к архаическим отношениям. Другая утверждает, что Россия, кружась в своем танце, пусть в перспективе, но стремится на Запад. Только нашему танцору помешала диктатура пролетариата и всякие прочие исторические безобразия. Пора понять, что между этими простыми «формулами счастья» лежит бездна разнообразия.

Недавняя попытка построения свежего «лево-консервативного» дискурса вызвала переполох не только в среде либералов. Понятно, что в случае лево-консервативной «смычки» либерализм**, заявляющий, что он противостоит консерватизму с одной стороны и социализму с другой, попросту «революционно упраздняется». Но критика прозвучала и со стороны тех, у кого нет сомнений, что «либеральный эксперимент в России провалился». И наиболее существенным (с точки зрения критиков) было сетование, что новая идеология «лишена главного, что так необходимо современной России, — модернизационного порыва».

Видимо с некоторых пор возможность (хотя бы экономического!) развития всех стран стала всеобщим убеждением, разделяемым в равной мере консерваторами, либералами и марксистами. Как отметил Валлерстайн***, концепция «развития» стала основным элементом геокультурной опоры миросистемы. (Под «развитием» здесь следует понимать процесс преодоления серьезного разрыва между «Севером» и «Югом»). ООН даже объявила 1970-е годы «десятилетием развития». Тогда все еще верилось, что повышение благосостояния может быть достигнуто и абсолютная (как и относительная!) нищета периферийных зон может быть преодолена.

Валлерстайн не без иронии пишет об этом так. «О народах периферийной зоны говорилось, что они продолжают верить во многие так называемые традиционные ценности, а это якобы мешает заниматься такими видами деятельности, которые дали бы им возможность наиболее быстро развиваться. Следовательно, им нужно было «модернизироваться».

Тем самым понятие «модернизации» должно включать в себя проблему коррекции «качества цивилизации», столь необходимую для обретения «динамики развития». Это не всегда «вестернизация», но всегда трансформация социокультурной модели или переструктурирование существующего социокультурного кода. А это, как водится, очень и очень болезненный для общества процесс. Тут тяготы движения по этапам модернизации распределяются не по мере «отсталости», неизвестно где и кем определяемой. (Все народы произошли когда-то от единого праотца Адама.) Оказалось, что эти проблемы роста снимаются не тиражированием «аглицких моделей» или привитием «голландских болезней». Они могут быть разрешены только в ходе успешного синтеза местного цивилизационного «ядра» и тех необходимых элементов, которые могут обеспечить процесс адаптации общества к новым вызовам.

* А.В. Винарский, А.С. Ходонов *Либеральный и этатистский комплексы в структуре политических ценностей современной России. В сб.: «Базовые ценности россиян: социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы» / Ответ. ред. Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.*

** И. Валлерстайн. *Непреодолимые противоречия либерализма: права человека и права народов в геокультуре современной миросистемы. www.archipelag.ru/218.htm.*

*** И. Валлерстайн. *Геокультура развития или трансформация нашей геокультуры. www.archipelag.ru/219.htm.*

Либеральная точка зрения состоит в том, что, изменив стратегию коллективного разума и достигнув ментальности, свойственной жителям экономически развитых стран, Россия может приблизиться к экономическому чуду. (Как тут не вспомнить идеи товарища Троцкого о выделке нового человека путем длительной психологической дрессировки и массовых физкультурных упражнений.) Но возникает вопрос, существует ли с точки зрения экономической модернизации какая-то «единственно верная» культурная модель, по сравнению с которой остальные социокультурные коды признаются заведомо непригодными?

Экономическое развитие различных обществ за последние несколько десятилетий показывает, что совершенно не обязательно должна существовать или «внедряться» типовая «протестантская» мораль в обществе, чтобы оно экономически развивалось. Тут нельзя дать заведомо однозначного ответа на поставленный ранее вопрос. Авторы фундаментального исследования «Базовые ценности россиян», попытавшиеся проследить глубину проникновения социокультурного «протестанства» в жизненные практики современной России, как раз придерживались «общепринятой» точки зрения.

Тем примечательней выводы этого весьма профессионального исследования, начатого с заведомо либеральных позиций. По мнению авторов, в ходе тихой «неоконсервативной революции» в России сформировалось новое «большинство», которое является продуктом окончательного разложения и распада традиционного общества: *«У нас сложился своеобразный тип модернизации, происходящей за счет разрушения социальной ткани»**. Такая модернизация быстро проходит в индивидуальном социальном пространстве — неких «коконах». Будь то дачи, корпоративные структуры (от ООО и МММ до МПС и РАО ЕЭС) или даже отдельно взятый субъект федерации, как управляемый микросоциум.

При быстрых темпах модернизации внутри отдельных групп социальная ткань общества в целом оказывается вне модернизации. Более того, чем интенсивнее проходит «точечная модернизация», тем сильнее разрушается общая социальная структура. Как пишет Л. Бызов, *«проблема не в том, что в России плохо идет модернизация, а в том, что она здесь разрушает национальную идентичность и горизонтальные связи»*. Такое разрушение *горизонтальных связей* препятствует созданию того феномена, что принято называть «гражданским обществом». Именно в этом проходящая на наших глазах российская модернизация кардинально отличается от европейских модернизаций, взятых за шаблон.

Оказывается, что желанная модернизация возможна только путем расширения границы индивидуальных «коконов» в корпорации, то есть путем создания «государства-корпорации» или «нации-корпорации». *«Интегрировать общество можно только на современных корпоративных началах, современной корпоративной этике»*, — делают вывод авторы исследования. Тем интересней проследить, в чем отличие социокультурных качеств российских управленцев, как носителей корпоративной этики, от «матрицы» коллег из развитых европейских («Запад») и азиатских стран («Восток»).

Голландский социолог Грит Хофстед с начала 70-х годов исследовал анкеты 100 тысяч менеджеров около 60 стран с целью выяснить культурные различия стран, которые могли бы объяснить особенности экономического развития того или иного общества. Им было выделено пять критериев, характеризующих, по мнению Хофстеда, «программу коллективного разума». Это степень индивидуализма в обществе, дистанция власти, мужественность (женственность), избегание неопределенности и долгосрочная ориентация.

Индивидуализм подразумевает минимум внешних обязательств, поскольку главные ценности индивидуалиста связаны со свободой и семьей. Индекс дистанции власти показывает, насколько в обществе власть централизована, иерархична. В соответствии с «протестантским» шаблоном Хофстед выявил три показателя культуры общества, которые прямо связаны с уровнем жизни: это высокая степень индивидуализма, низкая дистанция власти и долговременная ориентация.

*Л. Бызов. *Социокультурная трансформация российского общества и перспективы формирования неоконсервативной субъектности. В сб.: «Базовые ценности россиян: социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы» / Ответ. ред. Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.*

Предварительные социологические исследования Хофстеда описывают Россию 90-х годов как общество с индивидуализмом ниже среднего (индекс 39), высокой дистанцией власти (93), средней мужественности (36), высоким избеганием неопределенности (95) и предельно низкой долговременной ориентацией (0-10%). Таким образом, российского управленца можно описать как статичного индивидуалиста, равнодушного к гендерным проблемам, но готового смотреть с почтением на власть имущего. Для сравнения, в азиатских странах наблюдается довольно низкий индекс индивидуализма в сравнении с европейскими странами и США, а дистанция власти также велика, как и в России. Лишь трудолюбие и склонность к длительной работе тружеников «Востока» искупают эти недостатки в глазах «Запада».

Последний шанс, способный компенсировать в России отсутствие высокой степени индивидуализма и низкой дистанции власти, — это долговременная ориентация. Однако в современной ситуации горизонт планирования не превышает двух лет, потому и долговременная ориентация находится на весьма низком уровне. Только наличие Большого проекта, в рамках которого становится эффективной и осмысленной работа наших управленцев, способно снять эту мучительную неопределенность и превратить общество в единую корпорацию.

Тогда социум становится мета-организмом, превращается в Целое или, по выражению Хабермаса («Обоснованное воздержание»), «возвращается из анонимного рассеяния бездыханно распавшейся на фрагменты жизни». Тогда мы видим во власти не фигуру для риторических упражнений в патриотизме, а общую силу, которая является результатом желания жить вместе. Опыт прожитого десятилетия показал, что власть существует лишь до тех пор, пока действует это желание. На деле подтвердив слова Рикера, что *«ужасающий опыт разрушения, при котором связи разрываются, негативным образом доказывает их значимость»*.

Критики «лево-консервативной идеологии» уже в течение многих лет пугали ужасами вот-вот грядущего авторитарного корпоративизма. По их мнению, позитивная альтернатива могла бы состоять *«в "подталкивании" государством общественной инициативы, в создании стимулов для развития политических партий, нормальных, действительно независимых профсоюзов, местного самоуправления. И, конечно, в эффективной экономической политике»*.

Эта альтернатива тоже весьма далека от либеральных должностных инструкций для «ночного сторожа». Допуская возможность появления в России основ некоего нового общественного устройства, возможно, неокорпоративного и, может быть, даже с неизбежной российской спецификой, на каком-то этапе делается реверс. Дается обязательная политкорректная оговорка: *«Но в любом случае рецепты оздоровления общества не стоит, по-моему, искать у Муссолини»*.

Хотя бы из чувства интеллектуального протеста должен возникнуть вопрос: а почему бы и нет? А почему бы не поискать? Или менее скандальный, но более практический вопрос: а куда подевался корпоративизм в Италии после смерти дуче? Рассеялся как дурной сон или рассосался, как беременность у гимназистки? А может, итальянский социальный корпоративизм, как связка, перешел в органическое в гражданском обществе современной Италии?

Сегодня для нас важно без интеллектуальных фобий посмотреть холодным технологическим взглядом, как работают государственные структуры в странах Запада, имеющих опыт преодоления тоталитарных режимов. Речь идет о странах бывшей «оси зла», таких, как Германия, Италия и Япония, в отношении которых иногда применяется понятие *«передового традиционного общества»*. Ниже мы рассмотрим практику деятельности индустриальных округов в современной Италии как пример самоорганизации гражданского общества.

«Великорусское скромное небо светило над советской землей с такой привычкой и однообразием, как будто Советы существовали исстари и небо совершенно соответствовало им».

Андрей Платонов «Чевенгур»

ЧАСТЬ 2. КОРПОРАТИВИЗМ «СНИЗУ»

Зачем для целей «модернизации» общества вдруг понадобился «весь этот корпоративизм»? И какой корпоративизм следует выбрать? Ведь современная история дает на выбор примеры корпоративизма различных видов: авторитарного, бюрократического, олигархического и либе-

рального (или нео-корпоративизма). Ранее справедливо отмечалось, что различные варианты корпоративизма — это «мобилизационные модели, направленные на преодоление раскола общества и концентрацию его усилий на решении важнейших задач внешней экспансии ("корпоративизм"*), *социально-экономического развития ("корпоративизм 2") и поддержания политической стабильности (в обоих случаях). Для нынешней России две последние задачи представляются не просто важными — это для нее вопросы жизни и смерти.*

Под *корпоративизмом* принято понимать особый вид взаимодействия между группами интересов и государством, при котором его участники вырабатывают согласованные рекомендации и решения и участвуют в их реализации. Здесь организации, представляющие обычно бизнес и профсоюзы, выступают как «удлиненная» рука государства. (В этом их отличие от лоббистских «групп давления», добивающихся односторонних уступок от государства и не связанных никакими ответными обязательствами.) При этом формы и методы взаимодействия могут находиться в очень широком диапазоне, начиная от либеральных его версий типа «шведской модели» или австрийского «социального партнерства» до жестких схем, существовавших в ряде авторитарных государств («корпоративное государство» Муссолини или Салазара).

Ряд исследователей считают неправомерным использовать термин «корпоративное государство» даже в отношении тех стран, где корпоративизм считался частью официальной идеологии (например, в фашистской Италии и Португалии). Поскольку сущность режима в тоталитарных государствах, определялась не этой корпоративной надстройкой и ее формальными институтами (синдикатами), а господством высших властных структур, в лице партийно-государственного аппарата. *«Что касается корпоративизма и его "органов", то они представляли собой своего рода подсистему, которая, хотя и была органической частью системы, тем не менее, не определяла всей ее сущности»**.* То же самое можно сказать о «советском» корпоративизме: это скорее бюрократический корпоративизм, памятный нам по СССР брежневского периода.

Однако практика и теория авторитарного корпоративизма на долгие годы определила широкое использование ярлыка корпоративизма в самом негативном смысле. (Даже самый термин нео-корпоративизм возник как отрицание этого «общепринятого» смысла.) Все это создало весьма развитую «черную» мифологию корпоративизма. Недаром в статье Голоцана (Евгений Голоцан «В поисках иной демократии») отмечалось, что для либералов корпоративное государство издавна служит таким же пугалом, как, скажем, «тоталитаризм». По этой логике в каждом профсоюзе или даже в пресс-клубе следует видеть сборище фашиствующих молодчиков, а любой Союз предпринимателей, скажем РСПП, предстает просто «чревом, вынашивающим гада».

Итак, «правые» исправно пугают общество все наступающим авторитарным корпоративизмом, но и «левые» не остаются в долгу, разоблачая уже наступивший олигархический корпоративизм привычной мантрой о «технотронном фашизме ТНК». *«Под "корпоративным типом цивилизации" имеется в виду пространство, организованное в интересах транснациональных корпораций, где реальная власть принадлежит корпорациям, государственные чиновники являются только формальными носителями власти»***.* Справедливости ради отметим, что мелкий и средний бизнес оставлен «левыми» радеть о национальных интересах.

Отношения корпоративистского толка в современной России стали уже «объективной реальностью», с которой следует считаться. Корпоративизм органично вошел в социальную инфраструктуру общества, и его надо (или приходится) использовать. (Так даже наши либерал-империалисты предпочли рачительно достроить доставшуюся от советских времен Бурейскую ГЭС, а не снести ее до основания и построить заново из более либеральных марок бетона.) Раскрытие как позитивных, так и негативных сторон корпоративизма делает настоятельной потребностью разобраться в явлении подробнее.

* С.П. Перегудов. *Ренессанс корпоративизма? // Куда идет Россия?.. Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под ред. Заславской Т.И. — М.: Изд-во «Дело», 1998. С. 131.*

**С.П. Перегудов. *Новый российский корпоратизм: олигархический или демократический? Журнал «Полития», № 2, 1998. С.102-128.*

*** О. Жихарькова. *Нации и корпорации. Завтра № 43 (518). Октябрь 2003 г.*

Изучение процессов корпоративной модернизации посвящено, прежде всего, роли крупных корпораций, как, например, южнокорейских «чеболей». Однако жизнеспособные экономические структуры имеют сегодня две составляющие: крупные транснациональные компании и «мелкий бизнес». Известно, что крупные компании, обладая огромной мощностью, становятся инертными и перестают быстро реагировать на изменения в окружающей экономической среде. С другой стороны — «малый бизнес» принципиально не способен решать крупные задачи, например, обеспечивать развитие инфраструктуры страны.

Самоорганизующиеся системы в обществе (как и в природе) построены по фрактальному принципу, благодаря которому хаотическая система обретает структуру и устойчивость*: из малых элементов образуются самоподобные комплексы, которые в свою очередь служат элементами для более крупных комплексов. Такая устойчивая экономическая инфраструктура обеспечивается (при необходимой подкачке нужных ресурсов со стороны государства!) совокупностью разномасштабных экономических объектов, образующих фрактальную пирамиду, в основании которой находится множество мелких фирм, а наверху находятся самые крупные компании.

«Золотая середина» оказывается лежащей не в средних по размеру предприятиях, а в органичном сочетании «большого» с «малым». Подобная структура характерна для постиндустриальной экономики, например, в западных землях Германии только 1% фирм имеет численность работников более 300 человек, а 88,5% предприятий относятся к «малым». На долю этих предприятий приходится 2/3 всего занятого населения, они дают почти половину ВВП. Во Франции определению «малое и среднее предприятие» соответствует 99,8% всех предприятий, на которых трудятся около 60% французских служащих**.

При этом мелкие предприятия обеспечивают не только основную занятость населения, а, следовательно, и социальную стабильность в обществе. Важно отметить, что «малые» предприятия являются основными поставщиками инноваций: новых идей и технологий. Нововведения некоторым из них позволяют вырасти до следующего уровня либо передать (или продать!) накопленные инновации более крупным компаниям. При восприимчивости среды, обеспеченной законодательным регулированием со стороны государства, такой механизм способен создать новые отрасли промышленности и экономики за несколько лет. (В «новой экономике» большинство крупных предприятий составляют компании, которых 10-15 лет назад не существовало, либо они находились в числе мелких.)

Для России эта проблема особенно актуальна в свете выбора между стратегией сырьевого развития, пусть даже высокотехнологичного, и стратегией развития инновационного. Однако источники инноваций, как и самый тип «первичной» экономической активности на базовом уровне малых предприятий оказываются тесно связанными с социокультурными особенностями конкретной страны. Поэтому для нас так важен современный модернизационный опыт Италии, у которой есть много схожего с Россией в культурном и ментальном строе.

Социально-экономические аспекты такого типа ментальности нашли в Италии свое наглядное отражение в так называемых индустриальных округах. Эти округа представляют собой как бы популяции мелких предприятий, размещающихся в ограниченном пространственном ареале, причем провести четкие границы этих округов довольно сложно. Как правило, они группируются либо вдоль транспортной артерии, либо вокруг городов. Как отмечалось И. Левиным, «эти экономические образования питаются социокультурными потенциями данной местности, данного сообщества»***.

Индустриальные округа оказались в поле внимания социологов, начиная с 70-80-х годов, когда в период кризиса они фактически спасли итальянскую экономику. Тогда обнаружилось, что в Италии существует от 60 до 150 таких округов: в них было занято около 6 млн человек,

*П. Берже, И. Помо, К. Видаль. *Порядок в хаосе..* — М.: «Мир», 1991.

**«Газета», № 193 (488) от 17 октября 2003 года.

***И. Левин. *Модернизация в традиционных укладах. Опыт Италии и его значение для России. Доклад на независимом теоретическом семинаре. «Социокультурная методология анализа российского общества».* Москва, 23 января 1997 г.

они давали в то время до 40% национального дохода. (Сегодня в Италии на долю малого и среднего бизнеса приходится уже 75% экономики.) Важно отметить, что эти индустриальные округа позволяют мелким предприятиям успешно выступать наравне с крупными фирмами. (Примерно треть предприятий в индустриальном округе напрямую выходят на международный рынок.) Причем эти мелкие предприятия растут «гроздью»: увеличивается численность смежных структур, но каждое остается по форме мелким бизнесом.

На эту интересную особенность развития периферии по отношению к центрам обратил внимание Валлерстайн*. «Существует построение трудовых процессов областей в специфические производственные цепи, обеспечивающие выпуск нескольких видов продукции, каждый из которых производится в рамках определенного, мирового структурированного разделения труда как капитальный товар для производственных процессов в центральных областях или как потребительский товар трудовых сил центральных областей (домашние хозяйства). Такая специализация в производстве товаров, потребляемых где-либо еще, обычно представляется как товары, которые область специально производит для продажи на мировом рынке».

Но еще интереснее то, что индустриальные округа опровергают некоторые как бы незыблемые положения традиционных теорий модернизации. В округах действует тенденция к гибкой специализации производства: там происходит дробление производства на все более мелкие технологические отрезки и циклы. Тем самым автоматически достигается оптимальное соотношение между технологическим отрезком и размером предприятия. Этим опровергается тезис о неизбежности тенденции к концентрации или централизации производства. Если в округе складывается монополия, она представляет собой мировую транснациональную компанию, то есть предприятие-сеть, которое работает с сетью мелких предприятий. Эта монополия ведет себя не как известные нам крупные «ост-индийские» компании: прибыль не вывозится в оффшор, а пускается на обязательную модернизацию производства.

В этих округах не наблюдается негативных последствий «революции менеджеров» — тенденции к разделению капитала собственности и капитала управления. Для индустриального округа базовым является порог семейного предприятия. Например, хранящийся у меня на даче детский велосипед, сделанный в Италии, имеет на трех пластмассовых деталях (ручки руля, педали и сиденье) маркировку трех разных итальянских фамилий — названия семейных фирм. Индустриальные округа опровергают и вариант модернизации Шумпетера с его идеей творческой деструкции как главного носителя постоянной инновации. Здесь успех предпринимательства видится именно в сохранении традиции, верности культуре данного малого сообщества.

В России феномен кустового роста семейных предприятий известен, прежде всего, по периоду НЭПа. Так, по данным обследования 1923 года, одним из первых по разнообразию кустарных промыслов в Московской губернии являлся Звенигородский уезд, где из 80 существовавших тогда промыслов было отмечено около 60. Обследование показало, что семьи крестьян, обходившиеся исключительно сельскохозяйственным трудом, составляли всего 4,5%. Это опровергает миф об извечной экономической пассивности русского пригородного общества — людей Посада. Из общего числа мужского населения в промыслах участвовало 56%, из женского — 22 процента.

Однако модернизация нэповская уходит своими корнями в первую русскую модернизацию, проходившую с середины XIX века. Проиллюстрируем этот процесс на примере тогдашнего «хай-тека» — часового производства. На Всероссийской нижегородской выставке 1896 г. мелкий предприниматель Г.А. Афанасьев получил награду за инновацию: *«новизну самого дела — изготовление простых настенных часов кустарным способом и их низкую во всей России стоимость»*. В дипломе отмечалось: *«Из пяти экспонатов по часовому кустарному производству четверо из Московской губернии, где это производство встречается в Звенигородском уезде в деревне Шарипово»*. Эти экспонаты представляли «весьма дешевые (от 50 копеек) стенные часы, так называемые "ходунцы" с одной гирей без боя»*.

*Теренс К. Хопкинс и Иммануил Валлерстайн. «Заметки о структурных трансформациях». Браудель-центр и отдел социологии, университетский центр, Государственный университет Нью-Йорка, Бингемтон: 1980.

По данным 1882 г. производство часов носило еще кустарный характер: предприниматель работал наравне со всеми рабочими и сам отвозил товар в Москву. Очень скоро промысел резко расширяется и, по сведениям 1889 года, *«только в Шарапове было занято 59 человек, где, кроме мастерских, производством занимались еще в девяти дворах»*** . Монополию Афанасьева нарушила фабрика Платова, применившая разделение труда. Фабрика производила в 1913 году до 1200 настенных часов в день, а ставшая второй по величине мастерская Афанасьева вырабатывала в год лишь 30000 ходиков. Инновация из кустарного производства ходиков и настенных часов в сельце Шарапове постепенно развилась до размеров крупного предприятия, известного сегодня как Московское объединение «Второй часовой завод».

На этом примере видно, как все три русские модернизации слились воедино, спаянные своим общинным этическим началом: в 30 гг. *«процессы возвращения к коммунальной жизни идут и на производствах в городах»*. Этот экономический рост, не связанный с привлечением процентного кредита, происходил в ходе коллективного освоения и распространения новых жизненных практик. Что стало возможным только благодаря высокой степени доверия, а также привычке к взаимопомощи и совместной работе, существовавшей тогда в сельской общине. Этим самым опровергается известный тезис Тенниса о том, что община (Gemeinschaft) является только препятствием на пути модернизации.

Для рассмотренного выше примера индустриальных округов в Италии также характерно использование структур корпоративизма, органично вошедших в социальную ткань общества. Государственная регламентация этих округов появилась только в 1992 году, после принятия закона о поддержке малого предпринимательства. Но помощь оказывалась не отдельным «любимчикам» или безличному «малому бизнесу» как таковому, а *субъекту* в лице индустриальных округов, как действующей индустриальной общине или небюрократической *корпорации* малых предприятий.

Однако важная роль государства была еще в другом — в обеспечении места Италии в международном разделении труда. Так, итальянская мебельная и легкая промышленность, наполняющая портфель заказов индустриальных округов, является в свою очередь потребителем волокон, лаков, красителей, клеев — продукции германских химических концернов. (Так же как «модернизирующиеся» Испания и Португалия получили впоследствии «свой» производственный надел.) Государственная поддержка целевых программ, направленных на модернизацию отдельных секторов экономики, является сегодня общепринятой мировой практикой. Все чаще на государство возлагается основная ответственность за научно-технический прогресс в ключевых отраслях и производствах.

Наряду с высшим государственным уровнем механизмы взаимодействия корпоративистского толка существуют на отраслевом и региональном, а также местном уровнях. Существенной особенностью корпоративистских отношений является то, что они могут устанавливаться не только посредством различного рода официальных, «узаконенных» структур и институтов, но и через неформальные отношения. Для Советского Союза, как и для современной России, именно этот неформальный, «нерегламентированный» корпоративизм во многом предопределяет важнейшие характеристики общества.

Это наблюдается и на примере Италии, где в индустриальных округах также отсутствуют формальные административные структуры. Сами предприниматели вполне либерально видят основную причину успеха в том, что они являются «хозяевами» дела. Но степень взаимопроникновения частного и коллективного характеризуется тем, что бухгалтерский учет ведет объединенная контора, обслуживающая 200 тысяч (!) микропредприятий. Перевозки осуществляет транспортный консорциум, в легкой промышленности институт маркетинга исследует тенденции моды и сообщает информацию 60 тысячам мельчайших предприятий. Тем самым индустриальные округа центральной Италии больше подходят под определение «строга сознательных кооператоров», чем известный нам «развитой не по годам» социализм.

Индустриальные округа поддерживаются и питаются за счет особого социального климата. В индустриальных округах существует высокая социальная мобильность, там рабочие превра-

*Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 г. в Нижнем Новгороде. СПб. — 1897. С. 49.

** Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы Звенигородского уезда. М. — 1889. Вып. 2. С. 127.

щаются в мелких хозяев, мелкие хозяева являются наполовину наемными рабочими. С точки зрения западных концепций эти округа представляют собой загадочный синтез вертикальных и горизонтальных структур — конкуренции и кооперации (Солозобов. Городская потребительская кооперация). Это сочетание рынка и социальной организации демонстрирует важность этого социокультурного момента, его неразрывную связь с процессом модернизации.

В третьем классе сидели безработные и ели дешевую мокрую колбасу. Проезжие люди жили так, как будто они ехали по чужой планете, а не по отечественной стране; каждый ел украдкой и соседу пицци не давал, но все-таки люди жаллись друг к другу, ища защиты на страшных путях сообщения.
 Андрей Платонов. «Город Градов»

ЧАСТЬ 3. КОРПОРАТИВИЗМ «СВЕРХУ»

Итак, *корпоративизм* в широком смысле означает проникновение организованных групп интересов в систему государственной власти. Идея корпоративного представительства, являющегося эффективным орудием власти и управления, выглядит перспективно, особенно на фоне недееспособной партийной системы. Особенность этой модели консолидации заключается в том, что государство само выбирает себе партнера, который принимает правила игры государства и последовательно их соблюдает. В ответ государство делегирует такому партнеру ответственность за нормирование и соблюдение норм в определенной сфере общественной жизни.

До сих пор принято считать, что в России еще нет субъектов для некоего «общественного договора» или же с высоты господства трудно разглядеть, с кем «стоит договариваться». Естественное бюрократическое стремление ограничить число объектов коммуникации приводит прямо к «олигархической» версии корпоративизма. В этой модели авторитарной консолидации есть только две стороны корпоративистского взаимодействия: государственная и коммерческая (в лице бизнес-олигархии). Это своего рода «Проектное партнерство Власти и Бизнеса», где слова «власть» и «бизнес» следует писать именно с большой буквы. Только эти группы получают привилегированные позиции влияния на формулирование повестки дня и проведение государственной политики.

Составляемая ими «властвующая» элита узурпирует право политического представительства, монополизировав такие фундаментальные означающие, как «средний класс» и «гражданское общество». Власть и основные социальные ресурсы концентрируются в руках небольших групп, которые стремятся увеличить лишь степень своей закрытости — и без того значительную, по сравнению даже с Политбюро ЦК. Основой взаимодействия таких корпоративных групп являются клиентельные связи, которые формируются внутри элиты и в субэлитных кланах. Центрами консолидации здесь могут выступать собственники крупнейших корпораций, а в современных условиях — глобалистское «руководство» ТНК.

Принято считать, что корпоративная модель взаимодействия удобна при кризисной ситуации в обществе, поскольку позволяет «обходить» все политические группировки с их порой несоместимыми интересами. Естественное ограничение модели виделось в опасности развития авторитарной формы правления. Однако в «олигархической» версии корпоративизма постоянные конфликты порождаются сравнимым качеством ответственности и равной силой партнеров. Это связано с тем, что «государство еще не заявило о себе, отчетливо и бескомпромиссно, как о преобладающей целостности» (20010409-remizov.htm). Таким образом, сама структура подобного «олигархического» взаимодействия содержит в себе источник кризисов (в виде конкуренции пейсмейкеров), что наглядно проявляется на примере ЮКОСа (дела НТВ, Березовского или семибанкирщины).

Другой «врожденный» недостаток олигархического корпоративизма «сверху» — это отсутствие внимания к социальным процессам, происходящим «внизу» общества. В таких условиях общество вне узкой «властвующей» элиты распадается на конгломерат кланов и ассоциацию мафиозных структур, где преступное поведение постепенно становится нормой. Роберт Патмен описывает этот феномен как устоявшуюся «народную мафиозную культуру». Ее социальная основа была заложена в нашей стране уже к началу 70-х годов прошлого века. Как отмечал академик Яременко, к тому времени была разрушена органическая система социаль-

ной стратификации: «Цвет нации мы пропустили через системы принудительного труда — армию и «лимит», привив людям мафиозные инстинкты и асоциальные навыки».

Уже приходилось писать, что мафия — это не просто бандитизм, а эффективный посреднический бизнес. Мафия посредничает в отсутствие государства, она продает самое дорогое для распадающегося общества — *доверие*. Сегодня особенно видно, что вертикально иерархизированное государство без горизонтальных связей — это отсутствующее или латентное государство. Мафия заполняет эту пустоту, берет на себя выполнение функций легитимной власти. Эта «неформальная» власть закрепляется двояким образом: круговой порукой и публичной демонстрацией связи с официальной властью.

Выход из порочного круга безгосударственности видится в увеличении социального капитала, состоящего из двух компонент: потенциала доверия государству (и его символьному репрезентанту) и потенциала горизонтального участия, или *корпоративной взаимопомощи*. Эти выводы содержатся в фундаментальном труде Роберта Патмена «Чтобы демократия заработала», где приведены результаты двадцатилетнего исследования Италии. Но они имеют вполне универсальное значение.

Для социолога Италия — классический пример общества, в котором сосуществуют и взаимодействуют два различных социокультурных уклада: *модернистский* (Север и Центр Италии) и *традиционалистский* (Юг Италии). Эти различия проявляются даже в жизненных практиках. Например, если на Севере страны люди приходят на прием к региональной власти с конкретными деловыми проблемами, то на Юге — в поисках протекции или льготного кредита. Отсюда происходит и различие в функционировании самих институтов власти.

Жители Южной Италии видят приоритет в извлечении выгод для себя и своего ближайшего окружения, даже в ущерб обществу. (Полагая, что все другие поступают точно так же, — как в неаполитанской поговорке «у меня семья».) Это и есть их осознанный выбор, рациональная модель поведения, закреплённая в жизненной практике. Исследования социальной активности в современной России показали схожую картину. Так, 77% респондентов активно поддерживающих модернизацию (при 48% в целом) прямо заявляют, что «для меня важно мое собственное благополучие, благополучие моей семьи, а все остальное — второстепенно»*.

Таким образом, модернизация на Юге Италии (как и в современной России!) не идет не потому, что там «нет человека как индивида», а, наоборот, потому, что индивидуализм разъединяет людей. Разъединяет настолько, что практически оставляет их беззащитными перед произволом власти. Они уже не верят в «диктатуру закона», поскольку диктат закона приводит лишь к усилению гнета власти, а не к ужесточению исполнения этого закона для всех граждан, «независимо от того, сколько миллиардов у них на счету».

Ценность исследования Патмена состоит в том, что он обнаружил важную закономерность. Столь знакомому нам типу «пофигистского» социального уклада противостоит не общество «протестантского типа», а наоборот, общество, основывающееся на коммунитарных ценностях. Иначе говоря, обнаружилось нечто, прямо противоположное тому, что лежит в основе привычного шаблона — либерального представления о «правильном» обществе. Те качества, что еще Маккиавелли называл «республиканскими добродетелями», оказались закреплены в органических структурах малого сообщества на Севере Италии со времен корпоративного государства.

Социально-экономические аспекты такого типа ментальности — система «индустриальных округов» — были исследованы ранее; следует сказать также, основываясь на работе Патмена, о влиянии политического фактора на процессы корпоративной модернизации. Модернистские области Северной и Центральной Италии четко делятся на «красные» и «белые» регионы. Центральная Италия — это так называемый «красный пояс» Италии. В отличие от наших борцов с антинародным режимом, итальянские «коммунистические» администрации заботились не только о ностальгическом возвращении себе статуса «людей у власти». Они поддерживали мелкое производство не на словах, а на деле и создавали для этого условия: организовывали помещения, сис-

*В. Петухов. *Феномен социальной активности и гражданского участия в современном российском контексте*. С. 177. В сб.: «Базовые ценности россиян: социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы» / Ответ. ред. Рябов А.В., Курбангалева Е.Ш. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.

тому подсобных учреждений, заботились о кадровом пополнении. Тем самым «красные» активисты вынуждали органы власти «белой» Италии на северо-востоке поступать точно так же. Таким образом тиражировалась («продвигалась на Север») социальная технология индустриальных округов, являющихся в Центральной Италии одним из несущих элементов инфраструктуры.

На Юге, впрочем, индустриальные округа тоже существуют, но весьма специфическим образом. По данным И. Левина*, Неаполь поставляет около 85% итальянского экспорта перчаток. Однако по реестрам торгово-промышленной палаты в Неаполе насчитывается только 8 перчаточных фабрик. На деле их чуть ли не в 100 раз больше, но подавляющее большинство из них действует в теневой сфере. Так социокультурная среда определяет структуру экономики или формирует социоэкономический уклад.

В этом отношении современная Россия оказалась ближе к Югу Италии, чем к Северу. Это серьезное предостережение нашим либеральным «модернизаторам», потому что структуры социального капитала имеют обыкновение постоянно самовоспроизводиться. В основе «постиндустриального роста», которым гордятся либерал-империалисты («Миссия России», Выступление А.Б. Чубайса в Санкт-Петербургском государственном инженерно-экономическом университете, 25 сентября 2003 г.), лежат успехи двух секторов: сырьевого и услуг. Трудно представить себе эффективное малое предприятие в нефтегазовой сфере. (Если не считать «дочек Газпрома» и криминальных владельцев перегонных мини-заводов — «самоваров» — или мирных чеченцев, копающих в своем огороде нефтяной колодец.) Подавляющее большинство российских малых предприятий находится сегодня в сфере торговли и общепита. При этом доля теневого сектора в нашей стране составляет от 30 до 50% реального оборота субъектов малого предпринимательства**. Более половины малых предприятий в России сосредоточено всего в восьми (!) субъектах РФ, половина от этой половины зарегистрирована в Москве. Недаром Пэтмен в своей книге заметил, что *«Москва находится ближе к Палермо, чем мы предполагаем»*.

Действительно, в случае нынешней России приходится иметь в виду, что мы рассматриваем модернизационные процессы в обществе, живущем отнюдь не в эпоху Модерна. И может быть, наш «своеобразный тип модернизации, происходящей за счет разрушения социальной ткани»***, является успешным типом пост-модернизации, быстро проходящей в индивидуальном социальном пространстве. Возможно, наши люди действуют правильно, ориентируясь в своих домохозяйствах на два вида инвестиций: на обустройство дачи, как своего индивидуального «кокона», и на стремление дать образование детям — с тем, чтобы они могли покинуть бесперспективную «периферию» и уехать в неведомый «центр».

Формально это соответствует одной из стратегий вхождения «периферии» в мировые процессы, описанной еще Валлерстайном: *«Существует путь, по которому области и люди, структурно не входящие в мировую капиталистическую экономику, включаются в нее, расширяя ее, причем их процессы производства посредством этого все более объединяются с процессами осевого разделения труда, а их управляющие процессы все более объединяются с другими процессами межгосударственной системы»*****. Понятно, что чем интенсивнее проходит та-

* И. Левин. *«Модернизация в традиционных укладах. Опыт Италии и его значение для России»*. Независимый теоретический семинар «Социокультурная методология анализа российского общества». Москва, 23 января 1997 г.

** По данным Госкомстата, количество малых предприятий в России к началу этого года составило 882,3 тыс., общая численность занятых на них работников почти 8 млн. человек. На тысячу жителей России приходится в 6 раз меньше малых предприятий, чем в Германии, и в 13 раз, чем в США. *«Газета» № 193 (488) от 17 октября 2003 г.*

*** Л. Бызов *Социокультурная трансформация российского общества и перспективы формирования неоконсервативной субъектности*. В сб.: *«Базовые ценности россиян: социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы»* / Ответ. ред. Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.

**** Теренс К. Хопкинс и Иммануил Валлерстайн. *«Заметки о структурных трансформациях»*. Бингемтон. 1980.

кая «точечная модернизация», чем быстрее «люди, структурно не входящие в мировую капиталистическую экономику, включаются в нее», тем сильнее и неотвратимей разрушается базовая социальная структура общества. В итоге превращая обитателей «периферии» в платоновских мировых «безработных, едущих в третьем классе», или «проезжих людей». Как подчеркивал Бызов, «проблема не в том, что в России плохо идет модернизация, а в том, что она здесь разрушает национальную идентичность и горизонтальные связи». Без замыкающей национально-корпоративной, интегративной рамки мы будем обречены на дальнейший распад социума.

Этот социальный распад только закрепляет ориентацию на вывоз сырья, экспорт энергии и «сырых» мозгов, поскольку в России принципиально не создается среды, способной воспринять инновации — мотора «новой модернизации». Тут не спасет и замещающая миграция, так как усиливающаяся деградация социальной среды способствует снижению общественного иммунитета и облегчает проникновение мигрантов с более низкими трудовыми стандартами. (Пенсия в 500 рублей хозяина квартиры и зарплата участкового в 2500 рублей означает, что с суммой в 100 долларов нелегальный мигрант будет комфортно чувствовать себя уже в Подмоскowie.)

У нас существует шаблон: когда мы рассматриваем опыт Запада, то берем его модернизационную экономическую модель без критического рассмотрения связей с социальными технологиями. Для России упорно пытаться строить фантомные структуры гражданского общества по западному образцу — это выброшенные время и деньги (пусть даже полученные на гранты). Здесь важен не поголовный или формальный охват «всех тварей по паре», как при сборе Гражданского форума. В процессе создания корпоративного государства подобная конструкция может превратиться в очередную неработающую надстройку. Важно понимать, насколько надуманным является само противопоставление «гражданского общества» и корпоративных институтов. Реально структура гражданского общества будет создаваться на двух уровнях: первый — политический, через существующие партии и движения, и второй — корпоративный, уровень представительства социально-групповых интересов.

В этой связи следует различать разные типы корпоративизма. Один («сверху») создается для решения какой-либо тактической задачи и означает *искусственное* навязывание обществу корпоративного подхода. Второй тип («снизу») — это *органически* присущий обществу корпоративизм (как это было, например, при преодолении аномии в годы Муссолини в Италии), перерастающий в устойчивые горизонтальные связи в обществе. В различных странах модель авторитарной консолидации опиралась на свои адаптационные механизмы реализации. Поэтому бессмысленно говорить о некой общей корпоративной схеме, как, впрочем, и о схеме договоренностей по распределению ответственности. Это скорее вопрос цивилизационной идентичности.

И если говорить о «проектном партнерстве», для начала неплохо бы попытаться предоставить лицам, принимающим решения, некий отличный от шаблона уровень социологических знаний. А также конкретные социальные технологии корпоративного взаимодействия типа индустриальных округов, которые следует тиражировать и адаптировать на своей цивилизационной основе. Ведь Российская империя и СССР имели богатый опыт корпоративизма. На разных уровнях в общую иерархическую структуру были вкраплены естественные государственные, этнические, территориальные и другие образования с отлаженными корпоративными механизмами, функционирующие со своими внутренними правами и обязанностями. Успех новой модернизации в России зависит от понимания этой специфики своей культурной практики и своих цивилизационных основ. Только реконструкция социокультурного ядра общества позволит перевести понятие «национального успеха» из виртуального пространства в область реальной политики.

Опубликовано на сайте «Русский журнал» 21 октября, 27 октября и 6 ноября 2003 г.

Андрей Фурсов
ГОСУДАРСТВО, ОНО ЖЕ КОРПОРАЦИЯ

Конфликты новой эпохи еще некоторое время будут продолжаться в старой форме и под старыми знаменами. И только когда последние обветшают, а новые агенты окончательно встанут на ноги, наступит новый мир корпораций-государств и встанет задача избавления от государства вообще.

Национальное государство ржавеет. Об этом уже и не спорят. Спорят о том, что придет на смену нации-государству. Одни полагают — мировое правительство, другие — цивилизации, третьи — регион-государства. Нация-государство действительно уходит, но государство еще достаточно сильно и не позволяет никому занять его место. Оно остается, но теряет свою национальную форму. На смену нации-государству грядет корпорация-государство. Речь идет не о превращении корпорации в государство и не о корпоративном государстве вроде Италии 1920-1930 годов или Германии 1933-1945-х. Речь о принципиально новом и, вероятно, чудовищном феномене, который может показаться современникам не менее страшным, чем «новые монархии» XV века жителям позднесредневекового социума. Корпорация-государство — это не завтрашний день, а уже сегодняшний. Оно уже здесь, мы просто не видим его за треснувшим панцирем нации-государства, который оно использует.

ПОБЕДА ВРЕМЕНИ НАД ПРОСТРАНСТВОМ

Глобализация, как известно, это такой процесс производства и обмена, в котором, благодаря господству информационных факторов над вещественными, капитал, превращающийся в электронный сигнал, оказывается свободным от всех ограничений локального и государственного уровня: пространственных, материальных, социальных. Это, согласно Зигмунду Бауману, победа времени над пространством, то есть тех, кто контролирует время (капитал), над теми, кто контролирует пространство (государство). С формированием глобальных денежных рынков возможности государства контролировать финансово-экономические потоки резко ослабли. Уже на заре глобализации, в середине 1990 годов, объем чисто спекулятивных межвалютных финансовых трансакций достиг триллиона трехсот миллиардов долларов в день. Это в пять раз больше, чем объем мировых торговых обменов и всего лишь чуть меньше, чем суммарные резервы всех национальных банков мира на тот момент (один триллион пятьсот миллиардов). Ни одно государство мира, за исключением США (благодаря тому, что, во-первых, имеют мощные военно-политические мускулы; во-вторых, они — место прописки крупнейших транснациональных корпораций (ТНК), так сказать, Глобамерика) не продержится и нескольких дней против глобального спекулятивного давления. Уже в 1994 году (всего через одиннадцать лет после того, как появился термин «глобализация») мексиканский финансовый кризис ясно показал всю слабость государства перед лицом глобального рынка («семерке», Всемирному банку и МВФ удалось наскрести для Мексики всего лишь пятьдесят миллиардов долларов).

Наличие системного антикапитализма (СССР) заставило буржуазное государство принять облик welfare nation state — государства всеобщего собеса.

Глобализация поменяла ударные и безударные уровни предыдущей эпохи: государственный и локальный уровни отошли на второй план, а глобальный и региональный вышли на первый. Макрорегионализация современного мира имеет два аспекта. Во-первых, это формирование наднациональных экономических и политических структур типа Евросоюза или Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА). Во-вторых, что намного важнее, появление уже в начале 1990 годов феномена, который известный японский менеджер и публицист, автор нескольких экономических бестселлеров Кенити Омаэ в книге с показательным названием «Конец нации-государства: подъем региональных экономик» (1995 год) назвал «регион-государством» (РГ) (или «регион-экономикой» (РЭ)), — явный полемический вызов «мир-экономике» Фернана Броделя и Иммануила Валлерстайна.

По мнению Омаэ, именно РЭ, а не приходящее в упадок национальное государство является естественной деловой единицей глобальной информационной экономики. Причем независи-

мо от того, находится ли РЭ внутри границ того или иного государства, где он существует как экономически автономное образование (Силиконовая долина в США, агломерация Сан-Паулу в Бразилии, Сютोकэн и Кансай в Японии, Северная Италия, Баден-Вюртемберг и т.д.) или расположен по разные стороны границы или даже границ (Русийон — Лангедок — Каталония; Пенанг — Медан — Пхукет; Сингапур — Джохор — острова Риану). РЭ решает региональные проблемы путем использования глобальных ресурсов; в большей степени связан с другими РЭ, чем со своей страной. Функционирование регион-государства определяется сугубо экономическими, а не политическими или тем более социальными императивами. РГ — это единица спроса и потребления, и не более того. А потому численность его населения не должна быть более двадцати миллионов (иначе не будет обеспечено единство граждан как потребителей, все должны быть относительно богатыми), но не менее пяти миллионов (чтобы обеспечить экономию за счет услуг, особенно тех, которые важны для эффективного участия в глобальной экономике). Таким образом, глобальная экономика представляет собой не единую ткань, а сеть из ста-двухсот точек-узлов, связанных прежде всего между собой. Она как бы парит над остальным миром с его нациями-государствами, до которых ей нет дела.

То, что Омаэ назвал «регион-государством», Филипп Бобит назвал «рынком-государством» (market-state), идущим на смену нации-государству. Если императивы последнего носили политико-экономический характер, а в 1945-1975 годах еще и социальный, то императивы и смысл жизни region-state или market-state являются, прежде всего, экономическими, а уж затем политическими и в еще меньшей степени социальными. По сути, и то, и другое представляют собой десоциализацию, денационализацию, а в известном смысле и детерриториализацию государства. И если регион-государство еще сохраняет черты территориального государства, а вместе с ними в определенной степени характеристики социального и — в большей степени — политического государства, то «рынок-государство» эти характеристики, по сути, утрачивает. «Регион-государство», таким образом, — это переходная форма к структуре, действительно адекватной Pax Globalica — «рынку-государству». Однако последнее есть суть этого процесса, и поэтому правильнее говорить о рыночной государственности. Конкретную историческую форму, адекватную глобальному рынку и рыночной государственности, я называю «корпорацией-государством» (corporation-state).

ГОСУДАРСТВО-КЛАН

Корпорация-государство — такое устройство, цели, функционирование которого носят прежде всего экономический характер, то есть направлены на снижение издержек. Следовательно, они требуют минимизации политических и социальных издержек по содержанию территории прописки — от сведения к минимуму социальных обязательств, характерных для государства, до избавления от экономически лишнего, нерентабельного с экономической (корпоративно-государственной) точки зрения населения (от отсечения от «общественного пирога» до фактического исключения из реальной жизни).

Как только главным для государства провозглашается экономическая конкурентоспособность в глобальном масштабе, о социальной и национальной составляющих государства можно забыть — государство начинает вести себя как корпорация, в которой все определяется экономической эффективностью: «выживает сильнейший» и «ничего личного».

Нация-государство, конечно же, неадекватна миру неолиберальной глобализации. Она не только иррациональна с его точки зрения, но и слабоконкурентна, поскольку нагружена социальными обязательствами по отношению к массе населения. В индустриальную эпоху выполнение таких функций — не благотворительность, а императив. Во-первых, индустриальное производство требует наличия массового рабочего и среднего класса. Во-вторых, индустриальная эпоха — это эпоха системных мировых войн, в которых сражаются военно-промышленные комплексы, то есть нации в целом, отсюда необходимость социально-политических мер для обеспечения единства нации. В-третьих, наличие в индустриальную эпоху системного антикапитализма (СССР), логически вытекающего из природы капитализма, противостояние двух миров заставило буржуазное государство принять такой облик, который вообще не характерен его природе, противоречит ей — welfare nation state, то есть стать государством всеобщего собеса.

Именно клан, который отказался от выполнения характерных для государства социальных обязательств, есть базовая единица корпорации-государства.

Дальнейшее развитие state — как nation и как welfare — должно было привести к столь радикальному перераспределению доходов и власти, что господствующие группы просто превращались в верхнюю часть среднего класса. Страх перед таким будущим и ответ на вопрос «что делать?» нашли отражение в знаменитом докладе «Кризис демократии», написанном Збигневом Бжезинским, Мишелем Крозье и Дзедзи Ватануки по заказу Трехсторонней комиссии.

Глобальная информационная постиндустриальная экономика в силу своей наукоемкости и возможности перемещения индустриального производства на Юг не требует массовых среднего и рабочего классов. Эпоха системных мировых войн за гегемонию закончилась, у капсистемы есть гегемон — США (с 1980 годов — Глобамерика). СССР прекратил свое существование. Не надо никого подкармливать и мирить. Дальновидные исследователи (например, Дедни и Айкенбери) сразу же после окончания «холодной войны» предсказали ослабление и демонтаж welfare state. Однако им, по-видимому, и в голову не могло прийти, что вместе с формой будет демонтироваться-разрушаться и содержание — nation-state, поскольку nation перестает быть как формой организации производства, так и формой политической организации для мировой борьбы за гегемонию. А потому место nation-state, вместе с которым уходят политика и гражданское общество (adieu, политология и социология), занимает corporation-state. Причем быстрее этот процесс идет не в ядре, а на полупериферии и периферии капсистемы. «Язычник, страдающий от язв христианства» — так называл Карл Маркс ситуации подобного рода.

Итак, корпорация-государство — это такой административно-экономический комплекс, который, будучи хотя бы формально госаппаратом, играет самостоятельную и определяющую роль в данной стране; который в то же время ставит политико-экономические национальные интересы этой страны в зависимость от экономических аппаратно-ведомственных (корпоративных) или, по крайней мере, рассматривает первые сквозь призму вторых; который приватизировал в своих интересах характерные для государства как для института властные функции (приватизация власти-насилия) и в то же время отказался от выполнения большей части характерных для государства социальных обязательств и функций (или резко сократил их). Внутренний принцип организации корпорации-государства — клан. Именно клан, а не физический индивид, как в нации-государстве, есть базовая социальная единица корпорации-государства: индивиды «здесь не ходят».

Нация-государство не сразу превращается в корпорацию-государство. Сначала оно трансформируется в государство-корпорацию, так сказать, денационализируется, приватизируется. В корпорации-государстве от государственности остаются минимальный контроль над границами и территорией и репрессивная мощь, которая резко возрастает в силу необходимости проведения курса на денационализацию и десоциализацию, способных вызвать протест и массовые волнения. Как заметил один из лидеров мексиканских крестьян в Чьяпасе, «в кабаре глобализации» государство начинает заниматься стриптизом, и в конце представления на нем остается только то, что является крайней необходимостью, — репрессивная мощь. Национальные правительства перестают быть и национальными, и правительствами, превращаясь во внешние административные органы корпораций.

Разумеется, последнее — удел слабых государств Юга (бывшего «третьего мира»). Более сильные государства того же Юга сами превращаются в государства-корпорации (корпорации-государства): если страна небольшая, то речь идет об одной корпорации, если побольше — о нескольких (например, в Колумбии «государством» являются два наркокартеля (Калийский и Медельинский) и отчасти Революционных вооруженных силах Колумбии (FARC). Процессы корпоратизации государства идут также в таких странах, как Россия, Индия, Индонезия, Китай, Бразилия. В этих крупных государствах ввиду их размеров, численности, мощной и высокоразвитой культуры, исторических традиций и претензий на статус если не великой, то региональной державы, процесс корпоратизации государства будет особенно острым, противоречивым, конфликтным и чреватым серьезнейшими социальными потрясениями. Корпоратизация государства происходит и на Севере. Так, США — это не только и не столько государство, сколько Гло-

бамерика: матрица американских ТНК, с которой так или иначе связаны все формирующиеся в мире корпорации-государства.

ВСТРЕЧНЫЕ ПЛАНЫ

Террористические организации после окончания «холодной войны» тоже стали превращаться в политико-экономические корпорации нового типа, в корпорации-квазигосударства. Идет тотальная корпоратизация мира, что внешне весьма напоминает финальные века Римской империи и XIV-XV века в Западной Европе. XXI век будет веком различных корпораций («государств») — различных по происхождению, форме, силе, но одинаковых по сути. И это станет серьезнейшим испытанием для такого христианского завоевания человечества, как личность, которой не на кого и не на что будет рассчитывать, как на саму себя, и нужно будет превращаться в корпорацию в одном лице.

У асоциализации (десоциализации) корпорации-государства есть и иной аспект. Поскольку современная глобальная экономика, по крайней мере, в главных ее сферах (торговля оружием, нефтью, драгметаллами и золотом, наркотрафик, проституция и порнобизнес) является глобальной криминальной экономикой, нормальное функционирование которой построено на нарушении государственных и международных законов, корпорация-государство есть, по сути, корпоративно-криминальное (криминально-корпоративное) государство. Вплоть до того, что в определенных зонах мира криминальные характеристики начинают доминировать. «Государство-бандит» — так называет государство в ряде африканских стран М. Шацберг в замечательной работе «Диалектика угнетения в Заире». Корпоратизация и криминализация (нации) государства — две стороны одной медали, два взаимоусиливающих и взаимоспонсирующих процесса.

Именно корпоративность (негосударственность, а то и антигосударственность) делает корпорацию-государство почти идеальной структурой и формой глобальной криминальной экономики, а точнее, просто глобальной экономики. В последней — грань между криминальной и правовой зонами принципиально стерта: «прибыль превыше всего». Криминальные средства и структуры, криминальные революции (вроде советско-российской 1988-1998 годов) — очень сильные и эффективные средства корпоратизации государства (не говоря уже о первоначальном накоплении капитала) там, где легальных экономических средств и механизмов для этого не хватает или просто нет. Нужно только слегка помочь. Помимо прочего, разгромить в виде цепи реорганизаций правоохранительные органы, превратив их в силовые (криминально-силовые). Впрочем, силовая — это уже не правовая структура, а персонификатор силового предпринимательства.

Корпорация-государство находится не только по ту сторону добра и зла, но и по ту сторону закона и преступления. Это принципиально новый (постбуржуазный и постцивилизационный одновременно) феномен не только с точки зрения государственности, но и с точки зрения экономики, права и морали. В корпорацию-государство отбирается и определенный социальный, антропологический тип, определенный человеческий материал.

Корпорация-государство с ее денационализацией и десоциализацией порождает социал-национализм — он способен объединить всех, кому не улыбается стать сырьем для таких систем

На корпоратизацию-криминализацию государства тоже надвигается встречный процесс — политизация-этатизация — криминала. Криминальные картели трансформируются в корпорации-государства (контролирующие определенную территорию или хотя бы зоны трафика), и это еще больше ослабляет нацию-государство. А с точки зрения современной глобальной экономики, где криминал-корпорации — такие же экономические агенты, как нации-государства и ТНК, между криминальным и некриминальным (то есть просто корпорациями, корпорациями-государствами, нациями-государствами, регион-экономиками и так далее) разницы нет. Все это лишь точки, узлы в Мировой глобальной сети, исключаяющей восемьдесят процентов населения планеты из своих процессов и надстраивающейся над ними в качестве некоего свержобщества.

Процесс ржавления или таяния государства (уже появились такие термины) идет все быстрее, особенно там, где государство сильнее общества, где общество как таковое (то есть гражданское общество) слабо или его практически никогда не было. Это так, например, вне североатлантического ядра капсистемы. И если в азиатских обществах на пути десоциализации государства ока-

зываются местные коллективистские традиции и корпорации, то в странах Латинской Америки, неисламской Африки и особенно бывших коммунистических странах таких сдержек нет.

КАМЕШКИ НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

Все сказанное, однако, не означает, что государство уже почти исчезло. Процесс маркетизации/корпоратизации государства еще не завершился, здесь возможны и попятные движения. Во-первых, у нации-государства, особенно в ядре, еще много сил, чтобы сопротивляться. Особенно если у него, как во Франции и Германии, мощная социальная традиция, уходящая корнями не только в раннее новое время, но и в Средневековье (средневековая корпоративность была принципиально иной, чем позднекапиталистическая, — социальной, а не экономической, и, чтобы не путать их, правильнее даже говорить о корпорационности). И чем мощнее эти корни, тем медленнее идет процесс отмирания nation-state и превращения его в corporation-state через state-corporation.

Во-вторых, nation-state являются той скорлупой и тем ресурсом, которые используют в борьбе друг с другом существующие внутри них корпорации-государства. И именно на население национальных государств они перекладывают свои проблемы — от выплаты своих долгов до ведения войн от имени нации-государства.

В-третьих, сохранение фасада нации-государства позволяет скрывать хищническую суть корпоративно-криминального государства, представлять корпоративно-криминальные конфликты и интересы как национально-государственные: «Где умный человек прячет камешек? Среди камешков на морском берегу». Тем более что корпорация-государство, формально располагаясь на той же территории, что и нация-государство, как совокупность составляющих его структур выступает в большей степени как сумма, чем как целое, и потому по своему потенциалу будет всегда слабее нации-государства. Остаточную, слабеющую мощь целостности, мощь синергетического действия корпорация-государство подобно осе-наезднику (читай «Жизнь насекомых» Жана Анри Фабра) может черпать только у нации-государства, у его населения или, на худой конец, из его символики, отражающей его прошлое и его победы.

Конфликты новой эпохи в течение определенного времени будут продолжаться в старой форме и под старыми знаменами, и только когда последние обветшают, а новые агенты окончательно встанут на ноги, наступит brave new world корпораций-государств и встанет задача избавления от государства вообще. Именно в этом направлении, противоположном тому, в котором развивались структуры власти в Западной Европе с «длинного XVI века» (1453-1648 годы), развивается сейчас государство, миновавшее свой пик — форму и фазу нации-государства.

У корпорации-государства есть немало признаков, которые сближают его с раннекапиталистическими (как государством, так и структурами типа английской Ост-Индской компании) и докапиталистическими властными структурами. Путь к нему — это «назад в будущее» или «вперед, в прошлое». Скорее всего, корпорация-государство пробежит свой путь от нации-государства к негосударственным (привет Марксу с его тезисом об отмирании государства в посткапиталистическом обществе) формам власти быстрее, чем княжеское государство XV-XVI веков превратилось в нацию-государство. Разумеется, если ничто не повернет вспять или не деформирует этот «прогресс». Ведь мы говорим о системах и эволюции, но есть еще субъект и революция, есть борьба, которая, как верно заметил Гераклит, «отец всего». Кто или что может унять широко шагающего «молодца» корпорацию-государство?

Когда-то Баррингтон Мур заметил, что революции, вопреки Марксу, чаще возникают не из победного клича восходящих классов, но из предсмертного рева тех слоев, над которыми вот-вот сомкнутся волны прогресса. Старые средние и рабочие классы превращаются в локалов — тех, кто в отличие от глобалов, покидают свое местожительство либо в качестве беженцев, либо в качестве мигрантов, законных или незаконных. Это один из резервуаров сопротивления, есть и другие.

В любом случае корпорация-государство с ее денационализацией и десоциализацией не может не порождать нечто вроде социал-национализма в качестве своего социального антитезиса. В этом антитезисе стираются характерные для эпохи Модерна (1789-1991) противоречия между

КЛУБ «КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ»

«левыми» и «правыми»); он способен объединить в рамках «реакционного прогрессизма» всех, кому не улыбается стать сырьем для корпораций-государств и их мира с Глобамерикой в качестве матрицы. Неoliberalизму могут быть противопоставлены консерватизм и марксизм; социопатологии «героев» корпорации государства — солидарность; паракриминальному коллективизму и клановости — индивидуализм. Гарантирован ли успех? Вовсе нет. Но это не значит, что надо радостно принимать прогресс, который тебе впихивают. «Это не мой прогресс», — говорит Кандид, главный герой «Улитки на склоне» Стругацких, — «на мне он споткнется». И, сжав скальпель, уходит в Лес. Впрочем, я уже не говорю о том, что весь ход истории ближайших тридцати-сорока лет может быть изменен вмешательством сил и стихий, куда более могущественных, чем корпорации-государства. Но это другая тема.

Опубликовано в журнале «Эксперт Украина» № 7 (58) от 20 февраля 2006 г.

Сергей Чернышев
КОРПОРАЦИИ В ИСТОРИИ И МЕТАИСТОРИИ

Стенограмма лекции

1. ВЕБЕР ПРОТИВ ДЮРКГЕЙМА

Перед нами один из «вечных вопросов», на которые натывается незрелая мысль, устремленная к загадкам человеческого бытия.

Кто является субъектом социального действия — индивид или общество?

Однако на вопросы типа «первое или второе, а третьего не дано» вы никогда не отыщете корректных ответов. Дело в том, что вопросы эти сами по себе дурацкие. Жизнь вовсе не состоит из пар несовместимых противоположностей, и мы нисколько не обязаны раз и навсегда выбрать одну, навеки уничтожая другую для себя и для всех прочих. И, конечно же, ни Вебер, ни Дюркгейм, которым приписывают две крайние позиции, никогда не утверждали подобной глупости. Может быть предложен ряд моделей, которые заполняют промежуток между этими крайностями.

Я хотел бы перечислить и очень кратко обрисовать несколько типов социальных субъектов, чтобы мы среди них нашли родную корпорацию предпринимателей. Времени решительно нет, а излагать вещи подобного сорта за несколько минут почти невозможно, поэтому вы должны отдавать себе отчет, что это не более чем иллюстрация.

2. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РОД КАК СУБЪЕКТ

Субъект первого типа — родоплеменной, о котором науке еще не так давно почти ничего не было известно. Учение Юнга об архетипах, труды по социологии примитивных обществ (например, Леви-Стросса), интереснейшие работы по мифологическому сознанию Элиаде и Кемпбелла — все это было опубликовано в основном в XX веке и еще не настолько канонизировано, чтобы всерьез повлиять на стереотипы «общественного сознания». Поэтому по инерции вы можете думать, что родоплеменной субъект — что-то жутко примитивное. Это вовсе не так. Родоплеменной уклад — совершенно сказочное общество, в котором общее сознание еще не разделилось на веру, волю и знание. Там никто не молится не потому, что люди примитивны, а потому что духи непосредственно живут среди людей. Каждый человек хотя бы отчасти является колдуном и сам воздействует на природу, людей и духов для получения желаемого результата. При этом самое поразительное то, что первобытные технологии достаточно эффективны. Почти все эти люди с современной точки зрения наделены экстрасенсорными способностями.

В развитых родоплеменных формах можно выискивать какие-то псевдодемократические сходки, на которых племя вроде бы что-то решает, но на самом деле это совсем иная реальность, которую мы не понимаем. Мы описываем ее через понятия, которые ей чужды. Можно усматривать в родоплеменном субъекте корпорации и сословия, но ничего подобного там нет. В лучшем случае это касты, а касты от корпораций отличаются радикально. Одно могу сказать вполне определенно: никакого «индивида» в современном понимании — с паспортом, кредитной карточкой, индивидуальной волей, сознанием, которое позволяет рационально анализировать ситуацию и принимать решения, там найти невозможно.

Один из моих друзей, китаист, не переносит современных китайцев. С его точки зрения, китайцы только имитируют наличие индивидуальности, на деле все они являются размноженным экземпляром одного и того же существа, некими тараканами, абсолютно неотличимыми один от другого. На современный (западный) взгляд, с точки зрения концепции индивидуальности, прав человека и т. д., в родоплеменном субъекте есть нечто ужасное: все люди племени являются обезличенными элементами одного целого, как кегельные шары в романе Саймака «TheyWalkLikeMen» или частицы океана Соляриса.

3. МИР СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОРПОРАЦИЙ

Я немного остановлюсь на *субъекте* второго типа, потому что это наши *родные корпорации*. Существуют очень яркие, интересные работы о средневековом городе Макса Вебера. Вебер рассмат-

ривал весь средневековый город как целостную корпорацию. В средневековом обществе родоплеменные отношения, естественно, сохранялись, но постепенно теряли свое значение. Город манил людей прибудных, маргиналов и бомжей, которые туда стягивались. Это были странники, корабейники, отщепенцы, масса людей без роду-племени. Беглые крестьяне стремились в город, потому что «воздух города делал человека свободным». В городском котле из этого месива вываривалось новое социальное вещество. Но в городе также жили представители древних родов, издавна обитавших в этом месте, сеньоры, которые имели особые права на данный город, аристократы. Родовые связи в городе сохранялись, но на передний план постепенно выходили иные отношения.

Город был поделен на сословия, на цехи, на гильдии. Каждая из них с современной точки зрения была корпорацией, которая объединяла людей по некоторому принципу, чаще всего профессиональному. Например, цех изготовителей перин, покрытых определенным сортом шелка, или цех ремесленников, которые занимались только серебряными изделиями. Цех в средние века — далеко не только производственное объединение. Это был сложнейший социальный организм, как правило, со своим храмом, своим святым, гербом, гимном, с городским кварталом, где жили рядом семьи мастеров. Именно в средневековых корпорациях, кстати, появляется разветвленная система регламентации.

Полноправными членами цеха были только мастера. С ними рядом трудились разнорабочие, ученики, подмастерья, которые не являлись членами корпорации. Мастера участвовали в принятии решений (в нашей современной терминологии). Они имели право вносить изменения в устав, регулярно собирались и принимали судьбоносные решения, которые определяли всю жизнь корпорации, в том числе и ее производство. Одна из основных задач состояла в том, чтобы обеспечить данной корпорации ремесленников монополию на сбыт их продукции в данном городе или в данной местности. Кроме того, они были озабочены тем, чтобы поддерживать высокие стандарты мастерства и качества продукции. Войти в корпорацию было в принципе возможно, но существовали сложные, лишь отчасти рационально описанные правила посвящения в ее члены. Для того чтобы стать мастером, нужно было проработать долгое время учеником, потом подмастерьем, сдать несколько весьма сложных экзаменов, и наконец, изготовить так называемый «шедевр».

Членство в корпорациях было сопряжено со значительными издержками. Регламентация, нацеленная на поддержание высокого стандарта качества, одновременно тормозила все, что превышало уровень этой планки. Например, существовал закон, который регламентировал размер витрины. Каждый мастер имел право рекламировать свою продукцию, но в корпорации действовала жесткое правило: например, мастер мог выставить свои изделия только в одном окне лавки или дома, где он жил. Если витрина занимала два окна, к мастеру применяли санкции, в результате которых он мог быть выброшен из корпорации.

Еще раз повторю: корпорация была образом жизни. Члены корпорации, как правило, жили вместе или поблизости друг от друга, они выступали единым войском во время войны. Корпорация как целое защищала их права, при этом сама она была включена в сложнейший мир корпоративных прав, была частью одного из сословий, и в рамках борьбы сословий она сражалась с другими сословиями, но вместе с ними выступала, скажем, против абсолютистской власти или внешнего нашествия.

О корпорациях можно и нужно прочесть целый курс. В конце моей лекции будет ясно, почему это важно сегодня, почему это не просто исторический материал. Забегая вперед, должен сказать, что обновленная корпорация, принципы метакорпоративного действия — парадигма наступающего века.

Важно следующее: в отличие от родоплеменного общества теперь уже не все племя, не весь народ, не все люди, говорящие на одном языке, являются цельным субъектом принятия решений. Средневековый город — сложнейший организм, состоящий из целого ряда сословий, цехов и гильдий, каждая из которых имеет внутреннюю регламентацию, каждая из которых выступает как субъект принятия решений во взаимодействии с другими. Туда можно войти со стороны, и оттуда можно выйти.

Целая эпоха, примерно пять веков европейской истории, проходит под знаком роста, развития, доминирования, упадка и, наконец, распада корпораций. Их распад — это тоже отдельная история. Постепенно в связи с целым рядом серьезных обстоятельств, о которых сейчас нет воз-

возможности рассказать, корпорации эволюционировали в направлении этакой номенклатуры позднесоветского образца, которая была заинтересована в том, чтобы замкнуться в рамках узкого круга знакомых и родственников, и никого, кроме них, в корпорацию не пускать. Тем самым был подорван механизм их воспроизводства. Наиболее *предприимчивые* мастера оставляли корпоративные стены, пускаясь в опасную и волнующую авантюру частного *предпринимательства*.

4. ИНДИВИД В КОРПОРАТИВНОМ МИРЕ

Предполагается, что *субъект третьего типа* вам хорошо известен. Назовем его условно «*индивидуально-рыночным*». Его банальное, карикатурное описание таково: совершенно индивидуальный частный предприниматель, который может сам решать, каким бизнесом заняться и куда вложить свои деньги, который имеет право избирать и быть избранным, учреждать и соучреждать юридические лица. При этом формально он не обязан состоять в каких бы то ни было социальных объединениях (хотя фактически все-таки состоит).

Вот, наконец, мы прошли некоторый путь и поставили на нем три вехи. Наиболее древние субъекты родоплеменного типа в принципе не оставляют личности никакого места в принятии решений. Субъект современного типа, наоборот, являет собой внешне совершенно автономного индивида, который по официальной версии волен самостоятельно решать все, что он хочет, может строить жизнь по собственному усмотрению и отвечать за свои решения.

Посередине же мы находим сословно-корпоративный мир — средневековый город, где каждый гражданин участвует в принятии решений в той мере, в какой является членом корпорации. Для того чтобы жить в городе, чтобы просто проникнуть внутрь его стен, нужно получить разрешение, потому что город защищался от нищих или разбойников. Не будучи членом одной из корпораций, человек не в состоянии найти себе работу, обеспечить сбыт для своих изделий, он не сможет даже купить тот или иной товар, потому что покупка тоже может быть обусловлена членством в определенных корпорациях. Его, в конце концов, просто задержит стража, и очень скоро он окажется за воротами города, его оттуда вышибут.

Это напоминает жизнь советского человека на всем протяжении истории СССР. У колхозников не было паспорта, они никуда не могли уехать, их задерживала милиция. Если человек не работал, его немедленно «выявляли», ловили и осуждали как тунеядца. Вы родились и успели пожить в обществе, где человек, не будучи членом так называемого «трудового коллектива», просто не имел возможности существовать. Он мог какое-то время скитаться и прятаться по подвалам, но все равно неизбежно попадал в поле зрения бдительных дворников, участковых или законопослушных граждан, немедленно вылавливался и либо изгонялся из общества, как бродяга, либо приписывался к тому или иному трудовому коллективу. И будучи к нему приписан, он сразу обретал социальный статус. У него возникало некоторое подобие прав, определенные обязанности, трудовые повинности в виде поездок «на картошку» или на овощную базу, обязательное членство в ДОСААФе, комсомоле, профсоюзах. И кстати, у него появлялся гарантированный прожиточный минимум.

В этом корпоративном мире просто нет места для индивидуальных субъектов, подобно тому, как в диэлектриках нет свободных электронов, поэтому через них ток и не идет. Там все электроны сидят в кристаллической решетке, они вообще являются не свободными, как в металлах, а чьими-то электронами. В этом смысле в современном обществе существует «электронный газ», то есть свободные индивиды, которых достаточно много, на них можно воздействовать электрическим или магнитным полем, то есть экономическим или правовым. Подобное поле активизирует правовые нормы или финансовые рычаги, и эти люди начинают двигаться, потому что вы задели их личный, персональный интерес, до него вполне возможно добраться. До личного интереса мастера в средневековой корпорации вы так просто не доберетесь. Скорее всего, вы и до самого мастера не добрались бы, потому что он жил в закрытом квартале.

5. РУДИМЕНТЫ ПРОШЛЫХ СУБЪЕКТОВ И ЭМБРИОНЫ БУДУЩИХ В СТРУКТУРЕ НАСТОЯЩЕГО

Жизнь, разумеется, не так проста. Говоря о принципах многоукладности, я уже упоминал, что

в настоящем всегда есть рудименты прошлого и зародыши будущего. Если присмотреться к любому «свободному индивиду», выяснится, что он продолжает исправно функционировать в роли элемента субъектов первого и второго типов. Например, сколь бы независимым ни был бизнесмен на рынке, у него, скорее всего, есть семья и родственники. Семья, естественно, оказывает влияние на принимаемые им решения. Это не рациональное, не экономическое и не регламентационное воздействие. Но если жене вдруг захотелось срочно пристроить ребенка в элитный колледж в Кембридже — это становится важнейшим фактором жизни бизнесмена, из-за этого он способен пуститься в непроизводительные траты, опоздать на деловую встречу или сорвать сделку.

Большинство свободных бизнесменов состоит в каких-то организациях, более того, часть этих организаций по инерции называются корпорациями — corporations, хотя они мало чем похожи на средневековые корпорации. Членство в организациях определяет очень многие обстоятельства жизни. Я просто констатирую, что человек продолжает состоять во множестве социальных структур, только структуры эти видоизменились, размылись, им уже несвойственна прежняя жесткость. Например, бывшие профессиональные цехи превратились в профсоюзы или другие похожие объединения. Купеческие гильдии преобразовались в торгово-промышленные палаты: членство в подобных организациях необязательно, гораздо менее обременительно, однако во многих отношениях полезно.

Точно так же, если всмотреться в образ жизни современных «индивидов», в устройство и функционирование современных социальных институтов, особенно на Западе, мы увидим, что в их структуре, в манере поведения обнаруживаются зародыши некоторых новых типов деятельности, которые уже вполне оформились.

6. ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ К АТОМИЗАЦИИ СУБЪЕКТА

Тем не менее, пока я этим заниматься не буду. Скажу только, что если бегло взглянуть на описанную мной модель, в ней просматривается тенденция к постоянной атомизации субъекта. Первобытное племя охотников — это почти стая животных, в ней бессмысленно искать «субъекта принятия решений». Славные ирокезы пребывают в нерушимом идейно-политическом единстве с родным племенем. Поначалу весь социум, социальный агрегат в целом является нерасчлененным субъектом, потом он начинает постепенно дробиться. На месте каст с их почти генетически врожденными различиями появляются гильдии. У Вебера описано, как античный полис постепенно переходит в средневековый. Античный полис лишь условно можно было назвать «цехом»: все граждане античного полиса были воинами, их главным производственным занятием было все время упражняться в воинских искусствах, главной обязанностью — по первому зову военачальства устремляться на поиск трофеев. В центре забот полиса было не производство, а военная добыча.

Несмотря на греческие корни слова «демократия», гражданин в античном полисе был абсолютно несвободен. Если вы вчитаетесь в тексты Платона, то будете потрясены тем, до какой степени во времена Сократа люди были во всех отношениях несвободны, скованы на каждом шагу — в образе мысли, в выборе одежды, в том, как был построен их день, в казенных платежах, в собственности, в гражданских и воинских повинностях.

В средневековых городах пространство свободы расширяется, возрастает субъектность. Атомизация идет до тех пор, куда социум в идеале (речь об идеале Запада) не превращается в некую пыль, в сообщество абсолютно свободных индивидов, где каждый волен голосовать за кого хочет, вкладывать свои деньги куда угодно, делать что заблагорассудится или ничего не делать вовсе. Теперь и мы с вами стали совершенно свободны благодаря Франклину Д. Рузвельту, Егору Т. Гайдару, Джорджу Вашингтону, Борису Немцову и Камдессю. Теперь племя уже не предписывает вам, что надо ходить с кольцом в ноздре — хотя граждан и гражданок с кольцами в ноздрях и иных местах появилось у нас гораздо больше, чем в былые туземные времена.

7. МЕТАИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ К АГРЕГИРОВАНИЮ СУБЪЕКТА. ЭВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Как видите, атомизация дошла до предела (если не рассматривать вариант провозглашения суверенитета левой ноги). В начале XX века тенденция дробления субъектов обратилась вспять.

В самых свободных странах Запада она проделала уже много шагов на этом обратном пути. Индивиды, достигшие всех мыслимых степеней независимости и автономности, вдруг начинают добровольно и сознательно соединяться в предпринимательские группы, корпорации, и наконец, в секты «newage», весьма напоминающие племена папуасов.

Вспомните историю несчастного бизнесмена Васи, который, будучи совершенно свободным предпринимателем, вдруг ни с того ни с сего стал создавать какие-то сложные структуры корпоративного принятия решений и докатился чуть ли не до концептуального проектирования.

Люди отказываются от своей атомарной субъектности. На современном Западе эта тенденция пробивает дорогу эволюционным путем. Но она может прорываться и революционно. Например, протуберанец тоталитаризма, фашизма, нацизма между двумя мировыми войнами, как становится сейчас все более понятно, был порожден той же самой тенденцией, только проявилась она взрывным, катастрофическим путем. До недавнего времени об этом было не принято говорить, не принято усматривать в плохих тоталитарных обществах решительно ничего человеческого (и тем более — общечеловеческого), а только демоническое. Эта тема до сих пор является куда более табуированной, чем, скажем, проблема секса в советском дискурсе 30-50-х годов.

Но сначала — об эволюции.

8. МИФ О ЗАПАДЕ ТВОРИТСЯ НА ВОСТОКЕ

Кто-нибудь может мне сказать, как «демократия» связана с «гражданским обществом», что между ними общего? Вам еще не читали лекций на эту тему? Так, похоже, желающих нет.

Слово «демократия» происходит от слова «дем». «Дем» — это участок, земельный надел. Известное вам слово «демос» здесь не первично, оно тоже происходит от слова «дем». Демократия означает вовсе не правление широких народных масс. Здесь вся соль именно в земельных участках. Демократия — такое устройство общества, когда каждый гражданин приписан к определенному территориальному участку. Именно приписан, поскольку даже в древних демократиях он был часто не обязан там жить и даже не обязан иметь собственность. Но когда наступало время демократических выборов, гражданин голосовал именно от данного дема, там был его «избирательный участок». Это очень простое, понятное устройство. В современном обществе все абсолютно свободны: кто-то может жить на Канарах, кто-то на Мальдивах, кто-то все время ездит из страны в страну. Но для того, чтобы проголосовать, гражданин должен прийти на свой избирательный участок, в свой дем, либо получить там открепительный талон. В этом смысле демократия — некий предел атомизации, до которой дошло общество. Каждый гражданин — суверенный субъект принятия решений, это зафиксировано в конституции, в концепции прав человека. Имеется формальное закрепление его за каким-то участком, за территорией, которое позволяет ему демократически, т.е. «участково» осуществить акт принятия решения.

Что же такое гражданское общество? Хорошо, я начну отвечать на этот вопрос, но только идеологически, как написано в учебниках. Нам долго, лет 10 рассказывали истории о том, что гражданское общество — это наш спасительный идеал, что его нужно здесь всячески насаждать. Оказывается, в тоталитарной системе, где кости гражданина хрустят под прессом деспотического государства, единственной надеждой является гражданское общество — сеть независимых добровольных объединений, которые позволяют гражданину не остаться в одиночестве, пройти первичную школу гражданского становления и оказаться в оболочке общности, помогающей ему отбиться от парткомов и НКВД. Множество людей в годы гласности и перестройки получило гранты на работы по исследованию, созданию и внедрению гражданского общества. Не скрою, я тоже был причастен к таким грантам, правда, к раздаче, а не получению...

По наивности я полагал, что концепт «гражданского общества» — добротный раздел фундаментальной доктрины либерализма, разработанный с классической ясностью, с двухсотлетней теоретической традицией. Первый звонок прозвучал, когда я решил просмотреть библиографический указатель работ по гражданскому обществу, предлагаемый Библиотекой Конгресса. К моему изумлению, среди 239 работ списка не оказалось ни одной, написанной до 1990 года. Дальше — больше. Примерно половина работ оказалась посвящена социальным проблемам стран Азии, Африки и Латинской Америки, а треть — написана на русском языке, причем по большей

части вдалеке от Москвы, но в полном соответствии с дислокацией региональных грантораздаточных отделений западных фондов.

По случаю я заглянул в известную книжку Геллнера «Условия свободы»*, которую давеча издали у нас. Давно я не смеялся так, как при ознакомлении с этим классическим трудом по гражданскому обществу. Геллнер — парень простой. В боевом стиле народовольческой брошюры он без комплексов вещает:

«Феномен гражданского общества существует в странах североатлантического региона. Они живут по его законам по крайней мере с 1945 года...

Лишь в последние двадцать лет** после того как страны Восточной Европы открыли для себя этот идеал, жители либеральных государств, расположенных по обе стороны Северной Атлантики, поняли, чем они в действительности обладают и что должны хранить как зеницу ока. Им напомнили об этом восточноевропейцы, которые нашли термин, чтобы обозначить то, чего в действительности у них нет...

Нам еще только предстоит по-настоящему понять это явление, которое, как вдруг выяснилось, мы чрезвычайно ценим...

Марксистский мир... стал испытывать неодолимую тягу к установлению у себя гражданского общества. Это и привело в конечном счете к его распаду. Но в результате именно в этом регионе родился (или возродился) соответствующий идеал, прозвучал лозунг, наполненный новым и животрепещущим смыслом».

Здесь что ни слово — поэма. Современная версия «гражданского общества» оказывается идеологическим конструктом двойного назначения, который соорудили восточноевропейские диссиденты, во-первых, как часть мифа об идеальном Западе, и во-вторых, как отмычку в борьбе за взлом отечественных режимов. Будучи людьми образованными, они использовали для именованья своего новодела старые слова, известные до того предельно узкому кругу испорченных теоретиков.

Конечно, Геллнер тоже не чужд образованности. Он предпринимает самоотверженную попытку прояснить генезис своего предмета:

«Понятие гражданского общества... имеет довольно запутанную историю... В значительной степени оно уходит корнями в гегельянско-марксистскую метафизику...»

Увы, отчаянный рейд Геллнера по тылам идеологического противника приносит ему неутешительную добычу:

«...Неясности тотчас всплывают, когда пытаешься чуть глубже осмыслить понятие гражданского общества и его роль в традиции, подарившей миру марксизм. Все это как-то чересчур замысловато...

Царящая в ней путаница норовит выскочить за границы здравого смысла...»

Не вижу ничего смешного. Тут впрямую плакать, точнее, оплакивать разом два мира, две системы.

9. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО У СЕБЯ ДОМА

Означает ли все это, что гражданское общество — идеологический фантом? Ничего подобного. С данным термином на современном Западе связано нечто вполне осязаемое.

Сограждане, если вам хочется, чтобы, скажем, милиция не блокировала колеса вашего автомобиля, брошенного где попало, вы (как член демократического общества) начинаете искать партию, у которой в программе записано, что она выступает за права горе-парковщиков. Но нет такой партии, потому что ваша беда недостаточно масштабна. Если вы — представитель каких-то национальных, сексуальных, профессиональных меньшинств, охватывающих менее 1% населения, то выясняется, увы, что партии в демократическом обществе не занимаются такой мелочевкой. Они работают по-крупному. Оказывается, что на самом деле вам предлагают весьма узкий спектр выбора, особенно, в двухпартийном американском обществе. Вы должны, по сути дела, выбрать одно из двух. Ничего себе выбор! У современного человека может быть множе-

*Эрнест Геллнер. *Условия свободы*. Москва, Ad Marginem, 1995.

** Книга закончена в 1994 г.

ство интересов. Он хотел бы, чтобы эти интересы нашли выражение в устройстве общества. Он начинает искать среди партий такую, которая их отстаивает, и не находит.

Таким образом, перед гражданином свободной страны два выхода. Первый, наиболее демократический, состоит вот в чем. Если ваш личный интерес разделяется нетоварным поголовьем избирателей, голоса которых поэтому игнорируются, вы совершенно свободны заработать кучу денег и купить себе все, что интересуется. Ну, например, если Сорос хочет, чтобы в Китае победила демократия, а налогоплательщиков на это не удастся демократически раскошелить, — он просто открывает в Китае фонд, вкладывает туда 200 млн долларов из кармана и начинает самостоятельно насаждать желаемую модель. Второй выход — для бедных. Если у вас, к несчастью, нет лишних 200 млн долларов, приходится искать себе подобных для того, чтобы сбиться с ними в группу прорыва, общественный союз непартийного типа.

Смысл гражданского общества именно таков: заставить общество учитывать интересы, которые не находят своего выражения в демократической партийной структуре. Задача объединений гражданского общества состоит в том, чтобы воплотить объединенные интересы малых групп граждан в достаточно сильные организации, которые должны, — применяя непартийные методы (типа лоббирования, кампаний в mass media, гражданского неповиновения, шантажа), используя средства, которых не было во времена классической демократии (типа политтехнологий или Интернета), — сделать ваши миноритарные интересы существенным фактором для большинства.

10. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПРОЩАНИЕ С ДЕМОКРАТИЕЙ

Это с виду невинное усовершенствование приводит к глубочайшей перестройке структуры современных западных обществ. Политические субъекты теперь ориентируются не столько на статистический «идеальный газ» из автономных избирателей, сколько неклассические уплотнения в нем типа вихрей, ударных волн или шаровых молний, игнорирование которых чревато. Да и партии обращают внимание на то, чтобы вступить в диалог с узлами интегрированных гражданских интересов, договориться, что партия становится лоббистом интересов данного меньшинства, а меньшинство гарантирует, что отдает ей весь пакет голосов.

Несмотря на то, что феномен гражданского общества до последнего времени был затуманен демократической фразеологией, смысл тенденции состоит в том, что граждане начинают уплотняться в новые группы непартийного типа. Имейте в виду: если хотите, чтобы «Гринпис» пролоббировал ваш экологический интерес, вы должны стать активистом местной ячейки этой организации, ходить на ее заседания, участвовать в проектировании дальнейшей деятельности, тратить свое время, деньги, силы, душу. Ничего подобного от абстрактного демократического гражданина не требуется. Он не обязан никуда ходить, кроме выборов. Он лениво почитывает газетку «Локал таймс», просматривает программы партий, подбирает подходящую, а во время выборов лениво нажимает на кнопку. Все. Никакой головной боли. Не нужно вместе с активистами своего объединения лезть на какую-то фабричную трубу, рискуя жизнью, или стоять в оцеплении, ожидая, что полицейские могут дать по физиономии, едва телекамера отвернется.

Гражданское общество в этом смысле — первый шаг в политическое зазеркалье, которое уводит от выборной демократии как от пройденного этапа. Хотя на Западе, конечно, официальные идеологи не считают движение обратным, напротив, провозглашают, что это очень прогрессивно. И правильно, это колоссальный прогресс, поскольку современное гражданское общество — тонкий механизм, который гораздо полнее, чем прежде, учитывает систему интересов граждан. Гражданин, интегрированный в структуры такого общества, обретает качественно новые возможности для самореализации. Правда, взамен он добровольно возлагает на себя бремя новой ответственности, что с обывательской точки зрения выглядит как несвобода.

Стенограмма лекции из курса лекций С.Б. Чернышева в Высшей школе экономики.

Опубликовано в кн. Чернышев С.Б. Россия, Собственность, Идея. — М., 2004.

КОРПОРАТИЗМ — ПАРАДИГМА НОВОГО СТОЛЕТИЯ

Стенограмма лекции

1. КОРПОРАТИЗМ ГЛАЗАМИ ЗАПАДНЫХ ПОЧВЕННИКОВ

В пятитомной западной политологической энциклопедии под редакцией Сеймура Липсета*, которую еще не успели перевести на русский язык, есть понятие «корпоратизм». Я прочел соответствующую статью. В начале автор, в согласии со святыми, пишет, что в послевоенной либеральной политологии под корпоратизмом понималась нехорошая идеология и тлетворные тенденции, которые проявлялись в некоторых тоталитарных государствах между двумя мировой войнами. Там все население было разбито на корпорации, частные интересы при этом поглощались корпоративными. Теоретики фашизма писали о сословно-корпоративном государстве как идеале. Короче: ни тебе демократии, ни прав человека. Потом внезапно в этой статье следует странный поворот и говорится, что в последние годы в западных демократиях корпоратизм как тенденция стал повсеместно прорастать и развиваться. И далее выясняется, что это явление вовсе не такое однозначное и где-то даже полезное.

Оказалось, что западные теоретики, апологеты независимого индивида и демократии, уже собственным умом доходят (хотя бы на уровне определений) до того, что корпоратизм — это явление как минимум двойственное. Одним словом, если кое-где порой в истории и случались нехорошие проявления чуждого нам восточного корпоратизма, то теперь у нас самих расцветает кондово-западный, посконно-сермяжно-либеральный, политкорректный, самобытный корпоратизм.

Оказалось, что корпоратизм присущ целому ряду обществ Северной Европы, например, Финляндии, Швеции, многим странам Латинской Америки, Австралии, а если хорошенечко разобратся — кое в чем уже и Соединенным Штатам. Короче, Россия — родина слонов, а Америка — корпоратизма. Оказалось, что профессиональные, этнические, культурные и прочие корпорации нового типа хороши тем, что чрезвычайно успешно отстаивают интересы групп граждан перед государством. Если общество уперлось и не желает принимать корпоративные интересы, корпорация может построиться в македонскую фалангу и пойти в атаку. Корпоратизм — вектор, определяющий эволюцию гражданского общества.

Тем временем среди наиболее пронизательных западных политологов нарастает тревога по поводу подлинной роли гражданского общества. Предположим, в восточно-европейских, азиатских, арабских странах оно и впрямь хорошо тем, что успешно помогает оппозиционно настроенному индивиду сражаться с тоталитарным государством. Так почему на Западе оно обязательно будет верноподданническим и этатистским? Почему бы не предположить, что структуры гражданского общества по мере их уплотнения в протокорпорации представляют все большую опасность для государства, хотя бы потому, что выступают его конкурентом?

Если мы посмотрим на сферу бизнеса, там эта тенденция гораздо очевиднее. Даже одиночные предприниматели, не говоря об их объединениях, не страдают избыточной лояльностью, особенно когда речь идет о налогах. Современные транснациональные корпорации вообще перестают принимать в расчет национальные государства. У себя на родине они составляют серьезную конкуренцию государству и по ряду параметров уже обходят этот институт. Штаб-квартиры многих вообще расположены где-то на островах и атоллах, в офшорных зонах, оттуда они реализуют свою политику, отстаивают интересы и навязывают волю множеству государств, которые не могут с ними справиться.

Таким образом, мы видим чисто эволюционную тенденцию к тому, что граждане (о бизнесменах я скажу отдельно) абсолютно добровольно, сознательно, в здравом уме и твердой памяти, в рамках демократического общества начинают склеиваться, слипаться, объединяться в корпорации, поскольку для этого имеется множество резонансов.

2. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ КАК КАТАЛИЗАТОР

Посмотрите с этой точки зрения на модель работы предпринимателя в мире чистого бизнеса.

**The Encyclopedia of Democracy. Ed.-in-Ch. S.M. Lipset.*

«Идеальная» рыночная экономика состоит из атомарных бизнесов. Но вот появляются предприниматели. Напоминаю, по классическому определению предприниматель — это конструктор, который частные бизнесы склеивает в схемы. Преимущества схемы вы помните, не так ли? Схема — уникальное изделие, на протяжении своего короткого жизненного цикла оно почти невидимо, его не улавливает в свои сети законодательство, оно не подпадает под налоги, его не замечают бандиты, для него не существует конкуренции. Там, где схема реализуется, возникает сверхдоход.

А теперь с точки зрения того, что я сегодня вам рассказывал, задумайтесь: что же сделал предприниматель? Да очень просто: он взял несколько атомов-бизнесов и синтезировал из них молекулу-схему. Он сыграл роль химической валентности. Факт остается фактом: из атомарных форм деятельности возникла некоторая составная, молекулярная. Часть таких молекул распадается, но многие схемы оказываются устойчивыми и продолжают существовать, сменив хозяина. Предприниматель может собирать из своих старых схем как из элементов новые, то есть из химических веществ — биологические.

Выходит, предприниматели выступают как катализаторы синтеза все более сложных «химических» и «биологических» схем из атомов частных бизнесов. В сфере хозяйственной деятельности предпринимательство играет роль новых субъектных структур, параллельную политическую роли гражданского общества.

3. ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ, КОРПОРАТИВНЫЙ, ИДЕОКРАТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТЫ

Теперь мы можем кое-что сказать относительно субъектов социального действия четвертого, постиндустриального типа. На уровне хозяйственной деятельности это предприниматели, которые выступают генераторами и ядрами новых схем деятельности, которые соединяют между собой независимые прежде бизнесы в интегрированные структуры. На уровне политических интересов это гражданское общество, где индивиды, бывшие до этого атомарными, добровольно и сознательно объединяются в протокорпоративные группы, которые проталкивают их интересы сквозь партийно-выборную ткань общества.

Субъект пятого типа — корпоративный, который мы уже изучали. Мы конкретно имеем здесь в виду современные корпорации, создаваемые предпринимателями, в которых реализуется модель корпоративного принятия решений. Именно на уровне субъекта пятого типа профессиональные знания специалиста по концептуальному проектированию, наконец, обретают клиента. Вы решительно не нужны как менеджеры ни в родоплеменном обществе, ни в средневековом, хотя там присутствует нечто похожее на предпринимательские корпорации. Вы останетесь абсолютно безработными в мире классического бизнеса и демократии, где востребованы оборотистые хозяйственники-эмпирики типа Ли Якокки и Чубайса. Интерес к специалистам по концептуальному проектированию возникает по мере массового появления предпринимателей. Последние, нахватав горсть частных бизнесов и склеив из них какой-нибудь кривобокий холдинг, начинают ожесточенно чесать затылок и думать, как бы это все скомпоновать таким образом, чтобы оно перестало приносить чистые убытки и принесло хотя бы маленькие прибыли. Наконец, по мере создания реальных предпринимательских корпораций вас ожидает бешеный спрос.

Несколько слов по поводу субъекта шестого типа. Как вы догадываетесь, он должен быть зеркальным метаисторическим отражением родоплеменного субъекта. Гражданское общество в этом смысле напоминает демократию, современные корпорации предпринимателей — средневековые цехи (действительно, это некое возрождение старых структур на новой технологической основе: возьмите средневековую корпорацию, вставьте туда современного грамотного человека, установите там корпоративный сервер и вы получите готовое место работы). Аналогично, уже сейчас в виде укладов существуют *идеократические* субъекты. Что это такое?

Во-первых, в каком-то смысле люди там не граждане демократии и не члены корпорации, а, скорее, члены одной семьи. Иногда они называют друг друга братьями и сестрами. Во-вторых, там нет и не должно быть никакой регламентации, сиречь, все регулируется не по закону, а по благодати. В-третьих, подобно архаическому субъекту первого типа, там неким постмодерновым способом слиты вместе вера, воля и знание. В субъекте второго типа воля отделяется от веры. Если древний родоплеменной колдун непосредственно «хотел», «знал» и «мог» (он просто

обращался к демону дождя — и дождь шел), то средневековый человек сам не может сделать так, чтобы дождь пошел, он обращается через жрецов с молитвой к правомочному божеству. То есть вера у него осталась, а воля уже не его. Он говорит: «Да сбудется по воле Господа». И, наконец, в рациональном обществе первоначальный монолит окончательно разделяется на волю, веру и знание. Например, человек может знать, как надо, но не верить, что это возможно. Или может знать и верить, но при этом не обладать волей для реализации возможности.

В искомом субъекте шестого типа ключевую роль опять играет некая социальная энергетика, метаисторический двойник-аналог воли. Воля непосредственно реализуется. Если есть воля, тогда есть вера, а значит, и знание. Имеется некий Махатма, он непосредственно транслирует вам свою волю, веры и знания здесь в явном виде нет: вы просто входите с ним в единый транс, это некая совместная медитация. Опять происходит сборка. Когда-то исходный монолит традиции расщепился: отдельно возникла сила, отдельно — власть, отдельно — деньги. Теперь в современном обществе это все принимает форму триады «собственность — информация — энергия» и происходит их обратный синтез.

Таким образом, очень далекий от нас, непонятный, непостижимый субъект шестого типа уже возникает в современном обществе островками с виду архаических укладов. Эти странные островки выглядят пугающе, раздражающе, почти зловеще. Такими укладами в современном обществе являются, к примеру, так называемые «новые религиозные движения». Кстати, вот яркий пример бессмысленного названия, потому что это никоим образом не новые религии, а неоязычество. Более точное название — «секты». Они включают некоторые современные психопрактики, где центральным элементом является совместная медитация «учитель — ученики». Другим ярким примером могут служить «партии нового типа» (см. раннюю ленинскую РКП(б) и НСДАП в первые годы ее существования).

4. УКЛАДЫ БУДУЩЕГО В НАСТОЯЩЕМ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ЗЛА

Теперь постараюсь объяснить, почему это явление само по себе не хорошо и не плохо, а также разобраться в принципе, что здесь может быть хорошего и что — плохого.

Понятно, что если ребенок уходит из дому, а через некоторое время родители находят его в странноватой секте, про которую к тому же ходят грязные слухи, если он начинает воровать из дому деньги и вещи, это никому не нравится. Понятно: когда ребенок, пройдя медитативную практику, оказывается невменяемым и с житейской точки зрения больным, это вызывает боль, ярость и судебные процессы. Это мне не нравится точно так же, как и вам.

Но вот вы видите субъекта, который окончил школу, освоил социальные структуры первого, второго, третьего исторических типов, четвертого и пятого метаисторических укладов. Это человек, который имеет знание и представление о жизни в индустриальную эпоху, он уже состоит в целом ряде структур гражданского общества, он является членом корпорации, он взрослый во всех отношениях. Если такой человек приходит в новое религиозное движение, прекрасно понимая, что такое медитация, как воздействуют на подсознание различные психопрактики, если он имеет представление о том, чем это для него чревато, если он осознает, что получает и чем за это платит — в этом нет ничего плохого. Он абсолютно подготовлен и защищен.

Допустим, человек в ходе медицинских экспериментов сознательно принимает ЛСД как доброволец, знающий, что психоделик открывает трансперсональные слои психики. Если вы прочтете одну из книг Грофа, то узнаете: около 3 тыс. добровольцев прошли через сеансы ЛСД ради научного исследования, одной из практических целей которого было построение хосписа с использованием ЛСД для трансперсональных сеансов с целью облегчения последних дней жизни безнадежно больным людям.

Но если вы затаскиваете в секту 12-летнего ребенка, у которого после 2-3 сеансов медитативного транса возникает абсолютная зависимость от этого транса, — нельзя говорить даже о «снятии рационального слоя его сознания», потому что он еще не успел оформиться. У него покуда нет *ratio*, поэтому, минуя этап развития этого *ratio*, вы искусственным путем превращаете его в ирокеза. Вы выращиваете ребенка вроде Маугли, абсолютно незащищенного в современном обществе. Вы берете уклад далекого будущего, погружаете его в современность и вталкиваете ту-

да абсолютно неготового человека. Представьте себе, что в метро попал несчастный кроманьонец: да он сразу же попадет под поезд, полетит с эскалатора, просто сойдет с ума. Он окажется в цивилизованной толпе, а толпа независимых индивидов для человека с родовой психикой смертельна. Обладающий навыками, скажем так, непосредственного телепатического общения в этой толпе окажется подвержен сверхшумовому воздействию, утонет в нечистотах множества генерящих мини-рацио.

Если рассматривать граничные эффекты взаимодействия нового корпоративного уклада с базовыми структурами современного общества, мы также неизбежно обнаружим среди них социальное зло. Либо оно связано с тем, что в эти структуры попадают неподготовленные граждане, либо с тем, что корпорации оказываются сверхэффективны и начинают двигаться сквозь современное общество как нож сквозь масло. Скажем, какой-то недалекий современный коротышка получил волшебную палочку (см. «Незнайка в Солнечном городе») и начинает этой палочкой творить, что ему вздумается.

Но волшебная палочка не заключает зла сама по себе. Зло возникает от неадекватного ее использования.

5. КОРПОРАТИВНЫЕ И ИДЕОКРАТИЧЕСКИЕ УКЛАДЫ В АРХАИЧЕСКОЙ ОБОЛОЧКЕ

Поэтому, возвращаясь к вопросу о массовом прорыве идеократических и корпоративных субъектов в современное общество между первой и второй мировыми войнами, можно сказать: с этой же точки зрения следует рассматривать и постоянные попытки публицистов учинить нравственный суд над большевизмом, фашизмом, германским нацизмом или японским милитаризмом. Это была первая манифестация, революционный десант целого ряда структур далекого будущего, которые попали в неподготовленное к ним общество и были использованы для манипулирования непросветленными массами. Эти структуры оказались в руках людей, либо просто невменяемых, не осознающих, с чем они имеют дело, либо богооставленных, лишенных дара причастности к трансцендентным инвариантам. Никому не возбраняется высказывать личное и групповое мнение об этих людях. Однако сами по себе формы деятельности и социальные структуры не бывают ни плохими, ни хорошими. Анекдотично выглядела бы попытка римского Сената осудить грядущий феодализм — хотя приход последнего вылился в целую эпоху массового одичания и социальных катастроф.

Если к дикарям попадают автоматы АКМ, они, естественно, могут пойти охотиться и настрелять дичи для голодающего племени, но могут и свергнуть вождя, перебив множество соплеменников. Естественно, действует тут дикарь, а не автомат. Более интересен вопрос о том, каким образом автомат попадает в общество, в котором ему вроде бы не место?

А вот другая, химическая аналогия. Предположим, у вас имеется один атом, который своими электронными оболочками нащупывает вокруг другие для того, чтобы выстроить целостную структуру, но тех, что надо, рядом нет, зато есть сходные, с той же валентностью. Допустим, нет брома, есть только другие галогены: фтор или хлор. Если заменить бром на хлор, то с точки зрения химии мы не сделаем ничего плохого, это совершенно сходные вещества. Только вот вместо лекарства мы получим яд.

Нечто похожее происходит, когда новые структуры попадают в старый социум, в котором им чего-то не хватает для того, чтобы замкнуть свои связи в целостность. Например, отсутствует тип личности, необходимый в массовом количестве для работы в современных предпринимательских корпорациях. Тогда эти структуры начинают использовать архаические прообразы нужных компонент, и возникают жуткие монстры. Монструозностью такого рода, кстати, веет от всей утопической и части фантастической литературы: воображения авторов не хватает на целостный образ нового мира, и они насильственно впикивают одну-две любимых идеи в тело знакомого, но совершенно к тому непригодного общества.

6. ПРИМЕР: СТРУКТУРА «РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ»

Посмотрите с формационно-укладной точки зрения на феномен «рабочего движения». В нем легко усматриваются несколько уровней. Есть простейший и наиболее понятный европейцам

партийный уровень. Каждый рабочий прежде всего является для них не каким-то там фантастическим «пролетарием», а нормальным гражданином. Кроме своих цепей и кой-какого имущества он имеет право голоса. А среди прочих партий как рояль в кустах обнаруживается социал-демократическая, которая доблестно отстаивает интересы рабочих, поэтому на выборах они в установленном порядке отдают за нее свои голоса.

Есть второй уровень: так называемые «тред-юнионы». Их прямыми ископаемыми предками являются как раз профессиональные корпорации или цехи. Тред-юнион — гораздо более плотное объединение, чем электорат партии. Он рассматривает своих членов как определенное сословие «синих воротничков». Он уже не ограничивается элементарным голосованием, а устраивает массовые забастовки, которые могут иногда привести к изменениям в государственном строе. Он лоббирует профессиональные интересы рабочих, касающиеся условий их труда и охраны здоровья. Он поддерживает рабочих деньгами во время забастовок, он имеет собственные пансионаты, детские лагеря для отдыха. В принципе можно даже представить себе тред-юнион, который, окрысившись на власть в суровых обстоятельствах, становится ядром военизированных отрядов.

И, наконец, третьему уровню отвечает «ленинская партия нового типа». Что это такое? В-первых, в ней имеются вожди, чье слово непререкаемо, чей авторитет абсолютен. Для кого? Прежде всего, для тех, кто лишь недавно приехал из сельской местности, выпал из старого уклада, а в новом места себе не нашел. Это союз заговорщиков, которые готовы идти на смерть. Это тайная структура, она построена по архаическим образцам древних орденов или даже каст. Ее единственная цель — вооруженный захват власти, установление диктатуры. Это воины, они идут по тропе войны.

Я не хочу сказать, плохо это или хорошо, просто указываю на то обстоятельство, что рабочее движение почти каждой страны представляет собой конгломерат из трех указанных слоев. Каждый из них, в свою очередь, содержит в себе остатки исторического и зародыши зазеркального, метаисторического укладов.

В этом смысле фашистская партия в Италии, немецкая НСДАП и наша партия нового типа, ведомые вождями с непререкаемым авторитетом — явления, в общем-то, одного порядка. Это весьма архаическая социальная ткань, в которую вживлена субъектная структура далекого будущего, шестого типа. Ближайший их родственник — секта, новое религиозное движение. В этом смысле наш марксизм-большевизм был именно религиозным учением, поэтому он с такой неистовой силой боролся со всеми другими религиями. Каждое нормальное религиозное учение он рассматривал как конкурента. Точно так же существовало нордическое учение о высшей расе, укорененное в каких-то архаических представлениях, в германской мифологии и мистике. Все это — родоплеменной уклад, но в его архаике просматривается явное «мета...». Это первое массовое вторжение в наше настоящее вестников из весьма далекого будущего, которые не выглядят зловеще.

В современной корпорации помимо лиц, принимающих решения, неизбежно должен быть узкий слой лидеров, который, собственно, является носителем идеологии и определяет корпоративную стратегию. Это наиболее закрытый, малоизученный вопрос, который является предметом специального отдельного курса. Во имя чего возникают современные корпорации? Я буду читать вам другой курс о корпоративном принятии решений не с точки зрения технологии процесса, а с точки зрения его идеологии. Он называется «Идеология корпоративного управления и предпринимательства».

Сама по себе идеология — нормальная вещь, никакого автоматического зла она не несет. Если у человека нет личной идеологии, у него просто отключена воля. Человек знает, что и как нужно делать, свято верит, что это правильно, но сделать ничего не может, он не в силах встать с кровати, оторвать задницу от стула. Идеология дает личную, корпоративную или родовую энергетику. Идеология просто неизбежна как часть социального организма. И у наших славных либеральных реформаторов была своя странная, причудливая, примитивная идеология. Просто нормальный реформатор обязан знать, что такое идеология, зачем она нужна, быть способным отразить собственную и открыто ее провозгласить.

Совсем другое дело, когда вы ее стыдитесь, прикрываете фиговым листком, искренне отрицаете или сознательно замалчиваете ее существование. Если она не осознана, не озвучена и не обсуждается, тогда становятся возможны самые пикантные ситуации и неожиданные извращения.

7. БЕРДЯЕВ: НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Идея корпорации, корпоратизм — как и предвидел Дюркгейм — становятся парадигмой начала третьего тысячелетия. Вся совокупность личностных, социальных, культурных феноменов, связанных с ним, будет играть возрастающую роль в нашей жизни. Еще недавно это было нетривиальной идеей, об этом почти никто не говорил и не писал, а завтра это станет общим местом.

Одним из первых великих пророчеств на эту тему стала работа Бердяева «Новое средневековье»*. Эту маленькую брошюрку он издал в начале 20-х годов. Там он сказал впервые: да, наступает новое средневековье. Но это не означает, что отменят радио и телевидение, опять начнут жечь ведьм на кострах, а залитые нечистотами города будет опустошать чума. В этом образе он выразил в явном виде мысль о том, что наступающая новая формация в определенном смысле явится отражением, воспроизводством на более высоком уровне очень важных черт средневековья, которые в новую эпоху были до времени утеряны.

Средневековье — время высочайшего взлета духовной культуры. Это время подлинной веры, расцвета литературы и искусства, время богатой, яркой и насыщенной социальной жизни. Конечно, тогда многие ее формы часто бывали нищими, примитивными и удручающими. Никто не хочет возвращаться к ним, и Бердяев, конечно, имел в виду не это. Никто не стремится вернуться к убожеству — в новом смысле этого слова. Но у него есть и старый.

Очень многие черты человеческого существования, которые казались навсегда утерянными, начинают возвращаться в новом облики, возобновляться. Можно с уверенностью утверждать: ничто из того, что было приобретено людьми нового и новейшего времени, освоившими формы индивидуальной свободы, демократии, частной собственности, не будет утеряно. К XX веку была построена система институтов, опирающихся на фундамент независимой личности, призванной решать самостоятельно, как ей жить, что носить и во что верить. Да, призванной, имеющей право, но, увы, далеко не всегда способной. Весь этот колоссальный опыт останется, все это не будет потеряно, не будет отнято, войдет в новую эпоху как неотъемлемая ее часть. Заканчивается время «свободы от...» Начинается время «свободы для...».

8. КАК ВАЖНО БЫТЬ СОВРЕМЕННЫМ

Предпринимателем в современной корпорации предпринимателей не сможет стать средневековый мастер. Им может стать только человек, уже освоивший до того способность быть юридически абсолютно независимым ни от кого, умеющий пользоваться свободой и демократией. Но этого теперь оказывается совершенно недостаточно. И один из смыслов моего курса состоял в том, чтобы показать: менеджмент, который считался современным, менеджмент, ориентированный на демократию, на экономику, на так называемого «экономического человека», о котором пишет Самуэльсон, безнадежно устарел. Он никуда не исчезнет, как и все прежние исторические формы, он останется в виде особого уклада. Находить дом по адресу, записанному на листочке, и руководствоваться сигналами светофора — полезные навыки, но наивно представлять, что этого достаточно для жизни в современном городе.

В этом смысле все, чему вас учили, учат и будут учить по поводу классического менеджмента, полезно. Но этого катастрофически недостаточно для того, чтобы быть управляющим в современных корпорациях предпринимателей. Элементарные вещи, о которых мы здесь говорили: предпринимательские схемы, представление о концептуальном проектировании, корпоративный Интранет и целый ряд других явлений — входят в минимально необходимый набор для того, чтобы быть современным человеком. Увы, это так.

*Бердяев Н. *Новое Средневековье*. М., Феникс — ХДСпресс, 1990.

Поэтому я писал своим коллегам — соучредителям «Комитета по встрече третьего тысячелетия»*, что 2001 год придет далеко не для всех. Он наступит для ничтожного меньшинства населения. Большинство людей останется жить в прежних тысячелетиях. Люди, которые воображают, что и поныне существует мир независимого бизнеса, которые верят в то, что на либерализме история заканчивается, что корпорации и общины навеки остались в прошлом — в сущности, пенсионеры. Наш с вами долг — любить их, уважать их старость, помогать им перейти улицу где-нибудь в Интернете, не обижать, регулярно выдавать пенсию, осознавать, что эти люди в принципе бесполезны и потому несчастны. Мы уже не сможем им помочь, они будут висеть тяжелым ярмом на шее общества.

Но вас я призываю к усилию войти в 1% тех, для кого настанет третье тысячелетие и новое средневековье, кто примет их груз на плечи. Это потребует воли, веры и знаний.

*Стенограмма лекции из курса лекций С.Б. Чернышева в Высшей школе экономики.
Опубликовано в кн. Чернышев С.Б. Россия, Собственность, Идея. — М., 2004.*

*www.millennium.ru

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ. XXI ВЕК

Прогрессивный уклад должен обеспечивать сносное существование всем остальным. Уклад, загнанный в угол, почти неуничтожим. Чтобы определить прогрессивный уклад, необходимо создать ресурсную карту российского общества.

— **В своих работах и в лекциях, которые вы читаете в Высшей школе экономики (www.ckr.ru), вы утверждаете, что помимо представленных в нашей пореформенной России либерализма и коммунизма существует третий «изм» — так называемый корпоратизм. Что это такое?**

— Для меня идеи корпоратизма восходят к классическим работам Дюркгейма и Вебера. Дюркгейм в труде «Разделение общественного труда» простым французским языком объяснил, что основным структурообразующим элементом общества будущего будет корпорация. Но не «природная» корпорация средневековья, описанная Вебером, который средневековый город понимал как «корпорацию корпораций» (гильдий, цехов etc). Речь идет о целенаправленно сконструированной структуре, которая, правда, будет опираться на фундамент и воспроизводить многие черты той старой корпорации. Кстати, год назад на Западе вышла книжка, которую написал специалист по третьему миру Ховард Виарда. Ее подзаголовок: Corporatism is another great ism of XX century.

У нас со времен Горбачева есть страстное тяготение к некоему политическому центру. А в центре зияет черная дыра: все, кто туда идут, куда-то проваливаются, и при голосовании все раскладывается на «право» и «лево». С одной стороны, у нас либералы, с другой — коммунисты. А те, кто пошел в центр, потому что хотят разумности, плюрализма, среднего класса, баланса позиций и проч., попадают в дыру. Так вот, в центре находится этот самый непостижимый и невидимый у нас «корпоратизм».

— **Фукуяма, объявивший о том, что история заканчивается на либерализме, а США постиндустриального образца — идеал, к которому должно стремиться все человечество, был неправ?**

— Обществоведы на Западе наконец додумались сами и прожужжали все уши нам, что никакого магистрального пути человечества не существует, что Запад вовсе не общечеловеческий тип общества, а скорее уникальный, что доля обществ западноевропейского типа в общей массе земного населения все время съезживается.

Понимаете, это же абстракция — либерализм как некая константа. На самом деле на протяжении всего либерализма идет слипание индивидов, которое далеко уже зашло. Сначала в структуру (условно говоря) типа гражданского общества, а на уровне чистого бизнеса — в предпринимательские корпорации. Это не что иное, как прорастание корпоративности в либерализме, когда субъектом деятельности все более становится не индивид или индивидуальный предприниматель, а корпорация, организация. Это не я говорю, это уже заметили Липсет, Шмиттер и прочие классики западной социологии.

— **Итак, предприниматели «слипаются» в корпорации. Нельзя ли поподробнее: что такое предпринимательская корпорация нового, несредневекового типа?**

— Старая корпорация — это объединение с целью, с одной стороны, поддерживать высокий профессиональный уровень работы и качества изделия, а с другой — обеспечить устойчивый рынок сбыта и не пускать на него конкурентов. Она стала распадаться, потому что не давала простора наиболее прогрессивным мастерам, которые вышли из нее и стали предпринимателями. Корпорация современного типа — это абсолютно сознательное и добровольное объединение предпринимателей постиндустриального типа, то есть занимающихся уже не столько «бизнесом», сколько конструированием предпринимательских схем, уникальных комбинаций традиционных видов бизнеса. Они объединяются в корпорацию с целью создать совокупный общий ресурс (сначала финансовый, затем информационный) для того, чтобы максимально быстро ре-

ализовывать эти схемы и обмениваться ими. Такая потребность возникает у предпринимателя-индивида, когда у него появляется необходимость вести операции сразу в нескольких зонах бизнеса. Как только ему стало плохо в одной зоне, он молниеносно перебрасывается в соседнюю.

— **Но каждый следующий шаг к объединению — сознательное ограничение своей индивидуальной свободы, ведь нужно соблюдать правила корпоративной дисциплины...**

— Зато предприниматель получает невиданные ранее возможности. На самом деле, и это понял Дюркгейм больше ста лет назад, в современном обществе можно быть свободным только за счет сложной регламентации. Без регламентации вы не получите высших типов свободы. Вы не можете лететь по небу просто потому, что вам разрешили это делать. Для того чтобы полететь, вы должны построить авиационную промышленность, индустрию добычи сырья, переработки алюминия и т. д. Причем технологии производства должны подчиняться жесткой регламентации, системе допусков. И если эти допуски соблюдены, ваш самолет оторвется от земли и полетит, а если нет, вы разобьетесь. Свобода предпринимателя в современной корпорации — это свобода полета на самолете.

Корпорация требует высокого уровня доверия и понимания, потому что предпринимательская схема — это не просто ноу-хау успеха, но часто вопрос жизни или смерти. Обычные партнеры по бизнесу не обязаны много знать друг о друге и целиком друг другу доверять. В корпорации же если у кого-то рука дрогнула — самолет разбился. В таких формах деятельности возникает гораздо более глубокий уровень человеческих отношений. Корпорация — это еще и целостный образ жизни, и определенный тип личности.

Конечно, неприятно свободным индивидуумам объединяться, учиться корпоративной дисциплине, само слово «дисциплина» для них глубоко противно. Зарядку делать еще заставят. Это же активный класс, у нас, например, это люди, которые вышли из комсомольцев, итээров и долго и упоенно занимались самореализацией.

— **Выходит, сейчас нет более актуальной задачи для предпринимателей в частности и российского общества вообще, чем корпоративное строительство?**

— Все не так просто. Будь я теоретик, который одержим идеей корпоратизма, который хочет всю Россию затолкать в большую корпорацию, я сейчас с пеной у рта говорил бы о победе корпоратизма как главной тенденции нашей истории. Но человечество вообще и Россия в частности — это такой мир, в котором живет каждой твари по паре — и каждая хочет своего. И если мы захотим погнать всю Россию по одному пути, нам опять придется если не убивать, то по крайней мере отпустить несогласных на все четыре стороны. Сказать: «Вот вы, граждане, не за корпоратизм, вы за либерализм или коммунизм, поэтому вы не россияне — выезжайте на Запад или Восток. А теперь, когда здесь остались только истинно русские корпоратисты, теперь давайте мы будем строить светлый корпоратизм». При этом, как это часто бывало у российских реформаторов, потеряем две трети населения. Здесь я вас адресую к своей повести «Кальдера Россия». Был такой дворянин Устрялов, он после революции оказался в Харбине, а потом стал идеологом странного движения, возвращенчества. Он пытался Иосифа Виссарионовича уговорить построить такую Россию, в которой возвращенцы (которые ехали из эмиграции тысячами и попадали в лагеря) нашли бы свое место, работали учителями, инженерами или хотя бы почтальонами. Но у Сталина не было технологии, которая позволила бы с таким разнообразием работать. Если у вас нет технологии, чтобы работать со многими укладами, вам остается выбрать один главный путь и перебить всех остальных.

Однако не стоит забывать, что в современном обществе уклад, загнанный в угол, почти неуничтожим. Средства обороны у меньшинств развиваются гораздо быстрее, чем средства их уничтожения. Они же плохо различимы, их надо искать. Что Чечня показала? Не агрессивность ислама, не национально-освободительную борьбу, а неуничтожимость малого уклада, имеющего волю бороться до конца. Современное общество не может пойти на издержки, связанные с тотальным уничтожением такого меньшинства, а если оно еще и расплылось в диаспорах, то это вообще бесполезная затея.

Вот поэтому я не призываю к тому, чтобы Россия во чтобы то ни стало становилась единой корпорацией. Я призываю к мультиукладным технологиям, к тому, чтобы все, кто говорит на русском языке, оставались частями тела единой России. Каждый бы реализовывал свой идеал и жил бы в том укладе, которому этот идеал соответствует, и играл бы в общем процессе конструктивную роль. Люди русской культуры должны иметь возможность быть либералами, корпоративистами, коммунистами и при этом иметь одну и ту же историю и один и тот же язык.

— Но в определенный исторический момент нужно делать ставку на какой-то из укладов, пусть и давая возможность жить всем остальным...

— Если грубо упростить, правительство должно сидеть и соображать: так, сейчас мы ликвидируем задолженность перед историей, у нас был дохлый и куцый либеральный уклад. Поэтому мы пока затыкаем глотку корпоративистам, а коммунистам велим вообще не показываться, а то хуже будет. А если хотят по-доброму — мы им персональную машину даем, мобильный телефон, дачу. И выпускаем либералов. Но, выпуская либералов, мы понимаем, что это этап многоборья. Сейчас они должны пройти, создать определенный менталитет, структуры, решить проблему наполнения товарного рынка и создать независимых предпринимателей. Когда предприниматели созданы, мы собираем на тайное совещание тех, кто ощущает, что им выгодно объединяться, и говорим: «Корпоративисты, бьет ваш час. Мы вас берем в эксперты, в президентскую администрацию и еще даем посты двух вице-премьеров. А вы, либералы, идите в оппозицию, пишите мемуары».

Но это упрощение. Сначала нам надо очень тщательно разобраться, какие люди и какие типы, какие умения и уклады у нас есть. Составить своеобразную ресурсную карту российского общества. Но этот тип ресурсов у нас не изучается. Мы всегда изучали ресурсы, относящиеся к производительным силам, то есть умеем считать нефть, посевные площади, куницу, соболя и прочее.

Вот когда ресурсная картина общества будет, тогда в действие вступит первый принцип экономики. Для меня он состоит в том, что вы должны рачительно и умело пользоваться тем, что у вас есть. В Польше, например, в начале реформ была идея стать второй Японией. Потом выяснилось, что там никто не владеет кодексом Бусидо, не умеет делать харакири, зато там полно мелких-премелких торговых компаний, которые опираются на то, что куча поляков занимается мелкой торговлей в Канаде и на Украине. И они использовали этот уклад. То есть когда будет ясна картина ресурсов, тогда нужно будет строить нормальную политику исходя из того, какие ресурсы есть. Если у нас действительно есть потенциал для корпоративизма, то его и надо развивать. Если выяснится, что он у нас рассыпался на мелкие части, а либерализм за это время невероятно окреп, тогда, может быть, действительно надо Гайдара с Бурбулисом призвать под знамена. Если же окажется, что у нас традиционный уклад очень мощный, тогда надо учиться с коммунистами работать.

Мне, правда, кажется субъективно, что действительно у нас корпоративный уклад достаточно мощно представлен (коммунизм у нас прекратили строить еще при Сталине, и до 90-х годов мы жили в корпоративном государстве). Но я могу и ошибаться. Эту карту должен составлять субъект развития, условно будем пока называть его государством или правительством, который хочет проводить разумную политику.

— Пока не заметно, чтобы наша власть успешно использовала многоукладные технологии...

— Сейчас у нас ситуация многостороннего клинча. Уклады сцепились, переплелись, и никто никому не дает жить, работать и двигаться. Будь общество в состоянии относительного мира и благополучия, где работает как-то экономика, то можно было бы, как мы предлагали в 1988 году, действительно выбирать уклады-лидеры, полюса роста и на этом играть, подпитывать, ограждать, разъединять. Но мы, к сожалению, проехали эту ситуацию в годы ранней и средней перестройки, когда мы имели шанс нашу фактическую сложность использовать как мотор. А теперь возникла каша, поэтому, к сожалению, для ее разгребания нам уже требуется быть гораздо умнее и изобретательнее, чем в начале перестройки.

Надо умудриться сделать так, чтобы один прогрессивный уклад тащил на себе еще один-два, не отрывая им руки и ноги, либо их аккуратненько расцепить, развести тем или иным путем. В этом нет неразрешимой проблемы: когда дойдет до решения таких задач, выяснится, что это вполне реализуемо. Проблема в том, что некому это говорить. То есть вам я вот говорю, но вы же не Примаков. А у нас правительство превратилось в один из укладов, находящихся в клинче, оно не имеет ни видения, ни желания, решает в этой каше какие-то свои проблемы.

— **А может быть, мы оказались в тупике, из которого нет выхода?**

— Сегодня для России возможны самые разные сценарии. Мы ресурсно, культурно, социально, как угодно, обеспечены всем, чтобы создать транснациональную корпорацию «Россия», новую форму русского суверенитета. У этой корпорации территориальное ядро может быть то или иное, но главное, что диаспора любой трансгосударственной корпорации всемирна. И где бы ни находился человек, который себя с нею отождествляет, если он говорит на ее языке и признается ею как полноправный член — там и она.

Но есть и другой сценарий — у нас имеется абсолютно все, чтобы через непродолжительное время мы жили на деревьях, а остатки российской территории купил бы Суринам и перепродал бы Лихтенштейну. Скажете фантастика? Но разве не фантастикой бы выглядел лет пятнадцать назад прогноз: Россия будет воевать с одной из своих автономий и потерпит поражение, а сотни тысяч ее безработных ученых, инженеров и врачей будут ездить в Китай и Турцию за второсортной одеждой и обувью.

Вопрос в том, кто такие «мы» и чего эти «мы» хотят. Вот если действительно есть люди, которые не желают второго варианта (скажем, у нас есть предприниматели, которые уже готовы объединяться в корпорации, а к власти вдруг приходят люди, обладающие волей и знающие, что делать), то появляется надежда на первый сценарий. А пока историческая роль этого поколения и этой власти хотя бы не допускать особенно свинских форм распада и растаскивания, как-то продержаться в минимально приличном положении до подхода подкрепления в виде следующих поколений, обладающих пониманием и волей.

Беседу вели Дан Медовников и Валерий Фадеев

Опубликовано в журнале «Эксперт» №1 от 18 января 1999 г.

Вадим Цымбурский ЗАО «РОССИЯ»

Если уж говорить о народных чаяниях, то давайте посмотрим на вещи реально: чего людишкам больше всего хочется? А людишки разделяются, на самом деле, на тех, которые видят, как в «европах» живут, и им хочется жить, как живется в Европе. И тех, которые не видят Европы и вообще не имеют возможности кормиться, — и им просто хочется жить. Надо сказать, что за всем нашим общественным процессом стоят именно эти два лозунга: у одних — «хотим жить, как в цивилизованном мире», у других — просто «хотим жить». А поскольку существующая в России перспектива не дает шансов ни для того, ни для другого, ответ у обеих категорий может быть только один — сокращаться, сворачиваться. Какими путями сворачиваться? Тут можно сказать, что русский бунт бессмысленно и беспощадно бушует в двух формах. Одни просто естественно исходят в небытие. Это такая фундаментальная форма русского бунта. Другие уходят за границу. Они эмигрируют. Эмиграция — это вторая форма русского бунта. И кстати, здесь заключена замечательная архетипическая параллель между уходом за границу и уходом в небытие.

Теперь давайте посмотрим, что представляет собой простертое между этими двумя граничными вариантами идеологическое поле современной России. Не правы те, кто говорит, будто его не существует. Оно существует. Представьте себе три пересекающиеся оси. Первая ось — это характеристика того, какова Россия. На одной стороне нанизана тема российского величия: «Россия — великая держава! Иной она быть не может». На другой стороне: «у нас недостаточно ресурсов — у нас их нет на армию, нет на образование, у нас их нет вообще ни на что». Да, мы великая держава, но мы выживем, только если постараемся понравиться мировому сообществу на его условиях. У нас есть ресурсы только на то, чтобы попытаться понравиться, и больше ровно ни на что. И в этом случае мы сможем сохраниться как великая держава. Вторая ось — ось политического постмодерна. Это уже отказ от всякой риторики величия. «Кончилась эра национальных государств. Передовые, продвинутые точки должны войти, встроиться в окружающий мир непосредственно, помимо России. Встраиваться в окружающий мир должны наиболее продвинутые регионы. Например, Питер, непосредственно принадлежащий к Европе». То есть на одном конце эта ось имеет регионалистскую окраску. На другом же конце она предполагает отказ вообще от каких бы то ни было географических идентичностей: «Чепуха это все с геополитикой. Встраиваться должны те, кто могут: помимо всякого национального и регионального окружения — через интернетовские сообщества, предпринимательские схемы и прочее, и прочее». И наконец, третья ось. Это настоящее открытие наших 90-х годов, это геополитика. Что звучит в этом слове? С одной стороны, геополитика — это пафос больших пространств. «Нет, геополитика не может быть делом мелких государств! Какой там Узбекистан? Геополитика — дело великих образований, великих объединений». Здесь и евразийское противостояние Америке, здесь и демократический Север, где будут объединены все свободные народы против бушующего Юга. Большие геополитические повествования суть своеобразные альтернативные конструирования истории в духе Толкиена или академика Фоменко. Это конструирование истории и географии, утешающих душу. Но геополитика имеет одно еще более важное значение. Ведь на другом конце ее идеологической оси мы встречаем определенное требование, связанное с тем, что у нас есть некие общие интересы, вытекающие из нашего мирового положения. И это значит только одно: оппозиция не имеет ни малейшего права выступать с политикой, которая подрывала бы позиции существующего государственного режима. Она должна на него ориентироваться и вторить Дугину: «Слава президенту Путину, подхватившему евразийское знамя из рук президента Назарбаева!»

Таким образом, если мы представим себе вот эти три оси — геополитическую ось, постмодерную ось и ось российской самооценки, блуждающей между величием и решительным недостатком всего, — то мы полностью получаем нынешнее идеологическое поле. И все это идеологическое поле четко обслуживает существующую власть. Больше того, невозможно, оставаясь в его рамках, уйти от обслуживания существующей власти. Что же у нас за власть? Каковы ее характеристики? Кто-то на днях высказался по радио, что Послание Путина к Федеральному соб-

ранию — это как бы обращение президента открытого акционерного общества «Россия». Я бы добавил только: закрытого акционерного общества. Именно так. Распорядительные органы этого закрытого акционерного общества заняты утилизацией имперских накоплений в пределах российских границ и в формах санкционированных мировой экономикой и глобальным властным порядком. В одной моей рецензии я даже предлагаю подходящее название: The Great Russia Utilization Inc. То есть это просто компания по утилизации того, что осталось от великой России.

Чтобы уяснить для себя, как стало возможно такое положение, следует, вероятно, вспомнить траекторию нашей демократии за последние полвека. Еще в сталинскую эпоху предполагалось, что власть стремится замарать народ в своих кровавых деяниях и тем самым сплотить его и объединить с собой, повязав кровью. Стало быть, народ был востребован этой властью и, мягко говоря, нужен ей. На следующем этапе, в брежневские годы, власть проводила свои меры, не особо требуя от народа помощи, но предполагая, что народ формально присутствует и одобряет, как бы санкционируя ее деяния. И наконец, пик развития нашей демократии достигнут в 90-е, когда между «элитами» и «народом» установился своеобразный консенсус невмешательства: вы в своей сфере, мы — в своей. Власти даже не нужно, чтобы народ присутствовал при ее деяниях, состоящих в утилизации ресурсов. Самое интересное, однако, в том, что наступает момент, когда ресурсов становится достаточно мало, остается все меньше того, что еще можно утилизировать. И тогда ресурсом, подлежащим утилизации, становится само население.

А население, в сущности, не имеет за душой ничего, что оно могло бы этому противопоставить. Ничего, кроме своих выдержанных в социал-демократическом стиле самородных представлений о «царстве правды», на которых далеко не уедешь. Поэтому я согласен с теми, кто говорит, что единственный отпор этому курсу мог бы возникнуть только вверху. Я бы только подчеркнул, что этот отпор не связан с Путиным — просто потому, что его «проект» как раз и видится мне не чем иным, как легитимацией нового, более жесткого этапа утилизации постимперских ресурсов. Недавно один публицист в «Деловом вторник» очень точно сказал о том, что при Путине сложилась интересная политическая система — система, основанная на различении «партии власти», то есть партии, прислуживающей власти, — это «Единая Россия» — и «партии режима», то есть партии, непосредственно выдвигающей цели, — это СПС, Чубайс. Получается, что с одной стороны есть «жесткие либералы», чьи цели де-факто обслуживаются государственной машиной, а с другой — есть их «оппоненты», как бы консерваторы, которые как бы с позиций государственничества повязывают население на поддержку персоны, реализующей программу «партии режима». Никакой оппозиции, которая противостояла бы этой системе, просто нет и в определенном смысле не может быть. Ведь фактически любая оппозиция, которая будет исходить из национально-государственных предпосылок, — вливается в этот фронт «партии власти», и значит — объективно поставляет ресурс «партии режима». Безысходность момента в том, что любой патриот, в конечном счете, сейчас работает на Чубайса.

Спрашивается, на что в этой ситуации рассчитывать? Призывать к разрушению государства? Но это возможно лишь там, где, как в случае с большевиками в Первую мировую, есть какая-то интернациональная сила, на которую можно осознанно ставить. Сейчас в принципе не существует такой мировой силы, ради которой и посредством которой можно было бы разрушать сложившееся государство. Пожалуй, оптимальным был бы вариант, когда постепенно в руках у власти просто иссякали ресурсы. Тогда местные бароны вновь заявили бы свои претензии; часть регионов умудрилось бы взять под контроль «мировое цивилизованное», провозгласив там управляемые гауляйтерства; другую часть оно бы не успело взять под контроль, и там простерлись бы полумахновские «дикие поля». И тогда уж, в условиях этого напряжения между «гауляйтерствами» и «дикими полями», окончательно спали бы все мистифицирующие завесы, и выбор свелся бы к честной непримиримости двух вариантов: идти на службу в комендатуру или идти в партизаны.

В этой гротескной ясности уже не будет сомнений относительно того, чему прошедшие десять лет, на самом деле, должны были нас уже вполне научить: говорить о каких-то конкретных, частных, даже узких и самых прагматических национальных интересах России в условиях безоговорочного «да» существующему миропорядку — невозможно. Если мы говорим «да», то

мы не можем защитить себя даже в Грузии. Если мы говорим «да», мы не можем предотвратить даже вступление Украины в НАТО, мы не можем повлиять на судьбу Крыма даже в случае его оккупации Турцией. Если мы говорим этому миру «да», мы не можем предотвратить вклинивание американцев в Центральную Азию. Фактически, если мы говорим этому миру «да», мы не можем сделать в нем ничего.

Поэтому, возвращаясь к теме, хочу сказать совсем коротко: никаких серьезных решений в рамках ближайших выборов ждать не следует, потому что в этих рамках их в принципе не может быть. А нынешняя оппозиционная элита должна прорабатывать стратегии будущего столетия под знаком трех больших вопросов: что делать с Россией? Что делать с миром? И третье, может быть, не менее важное: что делать с христианством?

Опубликовано на сайте «Русский журнал» 8 мая 2002 г.

Филипп Шмиттер НЕОКОРПОРАТИЗМ

Из более чем сорока стран мира, пытавшихся, начиная с 1974 г., «перейти» от какой-либо формы авторитаризма к какой-либо форме демократии, многие, воз можно даже большинство, в тот или иной момент пытались также добиться заключения «общественного договора» между трудом, капиталом и государством как средства снижения присущей переходным процессам неопределенности. Мало кому из них удалось достичь успеха на этом поприще — даже в выработке формального соглашения, не говоря уже о его претворении в жизнь. Но несмотря на столь обескураживающий опыт, перспектива такого рода неокорпоративистских соглашений остается настолько заманчивой, что ключевые акторы неodemократий продолжают видеть в них свою основную цель.

Не составляют исключения и молодые демократии, возникшие в Восточной Европе и на территории бывшего Советского Союза. В процессе перехода от авторитарного правления едва ли не в каждой из них — по крайней мере на уровне риторики, а иногда и на практике — поднимался вопрос о неокорпоративизме или его аналогах: согласовании интересов, социальном партнерстве и т.п. Что же такое неокорпоративизм, почему он возникает и каковы его последствия? В предлагаемой статье я постараюсь дать ответ на эти вопросы.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

У корпоративизма — как явления политической жизни, равно как и концепта политической теории — довольно странная судьба. Ему пели осанну как новому и многообещающему пути достижения гармонии интересов между противоборствующими социальными классами; его осуждали как реакционную антидемократическую доктрину, направленную на подавление требований самостоятельных ассоциаций и движений. Практика корпоративизма и само понятие получали самые разные интерпретации и всегда вызывали политическую полемику.

В 1974 г. представители нескольких академических дисциплин из разных стран мира практически одновременно обратились к понятию «корпоративизм» для описания ряда особенностей политической действительности развитых демократий, которые, по мнению исследователей, далеко не в полной мере объяснялись господствующей моделью, применяемой для характеристики взаимоотношений между государством и обществом, т.е. моделью плюрализма. К неокорпоративистским государствам, социальная ткань которых глубоко пронизана соответствующими отношениями, были отнесены прежде всего Австрия, Финляндия, Норвегия и Швеция. Важные элементы неокорпоративизма при выработке макроэкономической политики были отмечены в Австралии, Бельгии, ФРГ, Дании, Нидерландах, а также в таких неodemократиях, как Португалия и Испания. В 1960-1970-х годах попытки (правда, безуспешные) ввести подобную практику делались в Великобритании и Италии. В других странах, к примеру, во Франции, Канаде и Соединенных Штатах, распространение неокорпоративизма, похоже, ограничилось отдельными отраслями или регионами. И хотя корпоративизм определяли и как идеологию, и как разновидность политической культуры или государственного устройства, и как форму организации экономики, и даже как особый тип общества, наиболее продуктивным оказался подход, в рамках которого корпоративизм рассматривается в качестве одного из возможных механизмов, позволяющих ассоциациям интересов посредничать между своими членами (индивидами, семьями, фирмами, локальными сообществами, группами) и различными контрагентами (в первую очередь, государственными и правительственными органами). Главную роль в этом процессе играют прочно укоренившиеся ассоциации с постоянным штатом, которые специализируются на выражении интересов и стремятся выявлять, продвигать и защищать их посредством влияния на публичную политику. В отличие от политических партий — другого важнейшего посредника — эти организации не выставляют своих кандидатов на выборах и не берут на себя прямую ответственность за формирование правительства. Когда ассоциации интересов (и в особенности вся сеть таких ассоциаций) определенным образом организованы и/или когда они определенным образом участвуют в процессе принятия решений на различных уровнях государственной власти, мы можем говорить о корпоративизме.

В 1974 г. я предложил свою дефиницию современного корпоратизма, которая во многом дала толчок последующей полемике. Согласно этому определению, неокорпоратизм есть «система представительства интересов, составные части которой организованы в несколько особых, принудительных, неконкурентных, иерархически упорядоченных, функционально различных разрядов, официально признанных или разрешенных (а то и просто созданных) государством, наделяющим их монополией на представительство в своей области в обмен на известный контроль за подбором лидеров и артикуляцией требований и приверженностей»*. При таком подходе упор делался практически исключительно на «входные» параметры явления, т.е. на организационную структуру ассоциаций интересов. По-иному подошел к проблеме Г. Лембрух, определивший то, что он назвал «либеральным» корпоратизмом как «особый тип участия больших организованных групп в выработке государственной политики, по преимуществу в области экономики, отличающийся высоким уровнем межгрупповой кооперации»**. В последующих дефинициях, как правило, предпринимались попытки учесть основные параметры рассматриваемого феномена как на «входе», так и на «выходе»***.

Стоило корпоратизму авторитарно-этатистско-фашистского толка фактически исчезнуть с лица земли (первый удар по нему нанесла послевоенная волна демократизации, а завершила дело новая волна, нахлынувшая после 1974 г.), как стало понятно, кто же действительно добился наибольших успехов в реализации неокорпоративской модели, правда, в ее более «социетальном» (т.е. идущем «снизу») варианте. Это были малые европейские страны с хорошо организованными ассоциациями интересов и крайне уязвимыми интернационализированными экономиками. Корпоративские тенденции просматривались особенно отчетливо, если в таких странах имелись мощные социал-демократические партии, сохранялись устойчивые электоральные предпочтения, если они обладали относительным культурным и языковым единством и соблюдали нейтралитет во внешней политике. И напротив, с наивысшими трудностями в поддержании подобных «общественных договоров» столкнулись страны с более слабой социал-демократией, менее постоянным в своих предпочтениях электоратом и глубокими расхождениями в подходах к решению военных вопросов и проблем безопасности, например, Нидерланды и Дания. (Относительный неуспех Бельгии на этом поприще можно объяснить расколом бельгийского общества на соперничающие языковые группы.)

НЕОКОРПОРАТИВСКИЙ ПОДХОД

«Неокорпоративский подход» — это лишь один из подвидов более широкого класса теоретических подходов в политической экономии, известных под названием «институционализм». Общим для всех институционалистских теорий является представление о том, что поведение людей — будь то экономическое, социальное или политическое — невозможно объяснить, исходя исключительно из выбора и предпочтении индивидов либо из коллективной идентичности и обязательств, налагаемых группой. Данный тезис направлен прежде всего против ставшего в последнее время довольно модным предположения, что все действия людей могут быть сведены — методологически или эмпирически — к рациональному расчету конкурирующих особей. Одновременно он противостоит и обратной, но не менее ошибочной идее, которая была весьма популярна в прошлом (и которую тут же хочется назвать немецкой, поскольку важнейший вклад в ее разработку внесли такие немецкие мыслители, как Гегель, Маркс и фон Герк), что все происходящее вытекает из особенностей глобальных сущностей — племен, общин, классов, наций, «систем» и т.п. Если обратиться к позитивной части аргументации институционалистов, то она строится на предположении о том, что где-то между рынком и государством расположена широкая сеть устойчивых моделей коллективного поведения (институтов). Эти модели поведения запутаны и временами противоречат друг другу, однако индивиды и коллекти-

*Schmitter P. *Still the Century of Corporatism?* — «*The Review of Politics*». 1974.

**Lehmbruch G., Schmitter P. (eds). *Trends Towards Corporatist Intermediation. Beverly Hills and L., 1979.*

***Williamson P. *Varieties of Corporatism: A Conceptual Discussion. N.Y., 1985; Cawson A. Corporatism and Political Theory. Oxford, 1986.*

вы более или менее привычно опираются на них, чтобы структурировать свои ожидания относительно поведения других сторон и найти типовые решения возникающих проблем. Подобные «стандартно действующие процедуры» могут показаться, с абстрактной точки зрения или с позиций стороннего наблюдателя, далеко не оптимальными по своим техническим характеристикам, однако они значительно сокращают издержки, связанные с поиском и приобретением информации, и в то же время обеспечивают психологически успокаивающую привычность тем, кто ориентируется на них. Со временем, как правило, их существование получает культурное или этическое обоснование в тщательно разработанных идеологиях. Случается, что люди начинают внутренне ценить свое участие в такого рода институтах, практически независимо от тех внешних благ, которые данное участие обеспечивает. Кроме того (что особенно важно для корпоративской версии институционализма) функционирование институтов требует специализированного персонала. У тех, кому довелось войти в состав этого персонала, вырабатывается клановый интерес, состоящий не только в поддержании, но и в дальнейшем развитии институциональной активности. Определенная доля членских взносов, пожертвований и ассигнований, которые институты получают от своих членов и контрагентов, может быть «инвестирована» для последующей легитимации их деятельности и расширения круга выполняемых ими задач. Другими словами, эволюция институционального, т.е. нерыночного и негосударственного, сектора способна быть не только пассивным отражением потребности в его услугах со стороны индивидов или властей, но и иметь собственную динамику.

Анализируя подобные институты — к какому бы конкретному подвиду те ни относились, — необходимо отталкиваться от присущего всем им важнейшего качества, а именно от их промежуточного положения между двумя группами автономно существующих и наделенных ресурсами акторов: индивидами (в т.ч. семьями и фирмами) и властями (которые могут быть не только общественными, но и частными). Институты должны черпать свои ресурсы из обоих источников, причем соотношение объемов вклада каждой из сторон зависит от типа института. Первой они обязаны своим членством (вклад входящих в них лиц не ограничивается лишь финансовыми взносами, но и предполагает добровольное согласие с институциональными нормами), второй — признанием (которое обеспечивает не только правовой статус, но и определяет степень гарантированного доступа к принятию решений, финансовые льготы и бюджетные субсидии). Поэтому при анализе такого рода институтов-посредников нельзя игнорировать ни предпочтения и ресурсы индивидов, ни требования и распоряжения государственных органов и других могущественных контрагентов, однако его нельзя свести ни к одному из названных компонентов.

КОРПОРАТИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Длительное существование неокорпоративских институтов на общенациональном и макроэкономическом уровнях несомненно имело определенные позитивные следствия: рост управляемости населения, падение забастовочной активности, большую сбалансированность бюджета, повышение эффективности финансовой системы, снижение уровня инфляции, сокращение безработицы, уменьшение нестабильности в рядах политических элит и затухание тенденции использовать «политический цикл деловой активности». Все это означает, что страны, дальше других продвинувшиеся по пути корпоратизма, являются более управляемыми*, что, однако, не делает их более демократическими.

С момента своего возрождения в середине 1970-х годов понятие корпоратизма несло на себе клеймо прежних связей с фашизмом и другими формами авторитарного правления. Назвать политику или некий установленный порядок «корпоративскими» фактически означало обвинить их в недемократичности. Более того, некоторые имманентные черты корпоратизма: подмена индивидов как основных участников политической жизни организациями; рост влияния профессиональных представителей специализированных интересов в ущерб гражданам, обладаю-

*Schmitter P. *Interest Intermediation and Regime Governability in Contemporary Western Europe and North America.* — Berger S. (ed.) *Organizing Interests in Western Europe — Pluralism, Corporatism, and the Transformation of Politics.* Cambridge, 1981.

щим более общими интересами; предоставление отдельным ассоциациям привилегированного (если не эксклюзивного) доступа к процессу принятия решений; признание и даже возвышение монополий над конкурирующими друг с другом посредниками с частично совпадающими сферами охвата; возникновение организационных иерархий вплоть до всеобъемлющих общенациональных ассоциаций, подрывающих автономию местных и более специализированных организаций, — казалось, подтверждали справедливость подобных обвинений.

Однако по мере углубления исследований корпоратизма оценки его влияния на демократию начали меняться. Во-первых, многие из отчетливо корпоратистских стран, несомненно, остаются демократическими в том смысле, что в них в полном объеме сохраняются гражданские свободы, дается самое широкое определение понятия «гражданства», регулярно проводятся состязательные выборы, исход которых не предрешен заранее, органы власти ответственны за свои действия и осуществляют политику, учитывающую требования народа. Некоторые из этих стран, в особенности скандинавские, были в числе первых, кто опробовал такие новейшие демократические механизмы, как участие рабочих в управлении предприятиями, полная «открытость» политического процесса, создание института омбудсменов для рассмотрения жалоб граждан, государственное финансирование политических партий и даже организация фондов наемных работников в целях расширения общественной собственности на средства производства.

Во-вторых, вскоре стало очевидно, что корпоратистские порядки существенным образом видоизменяют условия, определяющие возможности соперничающих интересов влиять на государственные органы. Спонтанные, добровольные и эпизодические отношения, характерные для плюралистической демократии, лишь кажутся более свободными, но на деле порождают большее неравенство доступа к властным структурам. В рамках плюралистической модели привилегированные группы, сравнительно компактно расположенные и обладающие относительно небольшой численностью и концентрированными ресурсами, имеют естественное преимущество перед большими рассредоточенными группами, подобными объединениям рабочих или потребителей. Корпоратизму же, напротив, присуща тенденция к более пропорциональному распределению ресурсов между организациями, охватывающими широкие категории интересов, и обеспечению по крайней мере формального равенства доступа к принятию решений. Кроме того, прямое включение ассоциаций в процесс реализации принятых решений гарантирует большую чуткость к групповым нуждам, нежели «сохранение дистанции» между государственной и частной сферами, свойственное плюралистической системе.

В свое время мне уже приходилось писать о том, что оценка влияния корпоратизма на демократию во многом зависит от того, какие черты демократической системы наиболее близки тому или иному исследователю*. Если руководствоваться «классической» точкой зрения, согласно которой демократия должна поощрять участие индивидов в принятии общественно значимых решений, а все государственные органы — проявлять равную открытость по отношению к требованиям граждан, то влияние корпоратистских механизмов следует считать отрицательным. Если же обратиться к тем параметрам явления, которые проявляются на «выходе», и посмотреть на проблему с точки зрения реальной ответственности властных органов за свои действия и за степень учета в этих действиях нужд граждан, оценка корпоратизма, несомненно, будет более позитивной. Менее однозначным является воздействие корпоратизма на основной механизм демократии — конкуренцию. С одной стороны, вследствие исключения из общественной жизни борьбы между соперничающими ассоциациями за членов и доступ к принятию решений уровень конкуренции вроде бы сокращается. С другой — он возрастает, т.к. каждая ассоциация становится полем выражения весьма разнородных представлений об общем интересе. В любом случае следует признать, что под влиянием неокорпоратистской практики происходит постепенная трансформация современных демократий. Наряду с индивидами (если не взамен последних) своего рода гражданами становятся организации. Степень подотчетности властей и их восприимчивости к нуждам граждан возрастает, но за счет снижения степени участия индивидов в политической жизни и их доступа к принятию решений. Конкуренция внутри организа-

* Schmitter P. *Democratic Theory and Neo-Corporatist Practice*. «Social Research». 1983. Vol. 50. P. 885-928.

ций начинает заменять конкуренцию между организациями. Развитие данной тенденции происходит не равномерно, не все ее признают и далеко не очевидно, каков в конечном счете будет результат; и все же практически во всех современных обществах демократия становится все более связанной «интересами», все более «организованной» и все более «непрямой».

ПЕРСПЕКТИВЫ НЕОКОРПОРАТИЗМА

Согласно современным представлениям о природе корпоратизма в передовых индустриальных (капиталистических) обществах, его появление обусловлено скорее определенным набором обстоятельств, нежели функциональными качествами. Предполагается, что вероятность возникновения подобной формы организации интересов/принятия решений зависит от институционального наследия прошлого и политических расчетов настоящего. Появление корпоратизма ни в коей мере не является чем-то неизбежным. В современных демократиях имеется множество способов разрешения конфликтов интересов и достижения политических компромиссов, и среди них нет такого, который априори и при любой ситуации был бы эффективнее других. То, что в силу специфики классового самоорганизации в прошлом или определенного равновесия классовых сил в настоящем будет успешно функционировать в одной стране, может оказаться далеко не столь плодотворным в соседней. Вдобавок, следует учитывать и тот факт, что в странах, строго либеральных как с точки зрения господствующих там идеологий, так и по форме организации политики, корпоратистские механизмы испытывают острую нехватку легитимности.

Как считают сторонники таких оценок корпоратизма, вероятность того, что со временем во всех странах сформируется сходный набор посредничающих институтов и типов деятельности, исчезающе мала. Более того, даже в пределах одной и той же страны значение корпоратистских институтов может существенно меняться, то нарастая, то убывая в зависимости от изменений в относительном соотношении сил между различными классовыми, отраслевыми и профессиональными ассоциациями.

Поэтому можно предположить, что в обозримом будущем развитие корпоратизма будет, скорее, циклическим, а не линейным. Опыт прошлого, казалось бы, подтверждает данное предположение. «Мода» на корпоратизм, без сомнения, имеет свои приливы и отливы, причем весьма регулярные. Его воскрешение как идеологии удобнее всего приурочить к папской энциклике *Rerum Novarum* 1891 г., хотя возрождение и расширение системы ремесленных, промышленных, торговых и сельскохозяйственных палат в некоторых регионах Центральной Европы началось 20 годами раньше. После первой мировой войны понятие «корпоратизм» всплыло вновь, причем на этот раз в более светском и элитарном облике, и нашло свое самое наглядное выражение в *corporazioni* фашистской Италии, за которой последовали Португалия, Испания, Бразилия, вишистская Франция и ряд других стран. Как уже отмечалось, в 1950-1960-х годах нечто подобное стали практиковать и некоторые малые европейские демократические страны (хотя при этом они тщательно избегали употреблять термин «корпоратизм»). Все это позволяет говорить приблизительно о 20-30-годичных циклах развития корпоратизма как идеологического феномена и политической практики в Западной Европе, хотя в отдельных странах оно шло с запозданием, а в некоторых отраслях хозяйства такая цикличность отсутствовала вовсе. К примеру, в течение некоторого времени особую склонность к корпоратизму проявляло сельское хозяйство. В этом секторе производства корпоратистские структуры — вместо того, чтобы появляться и исчезать, — накапливались и принимали все более разветвленную форму, а венчала все сооружение общая сельскохозяйственная политика Европейского Сообщества. Аналогичным образом в большинстве европейских стран сохранялись устойчивые — пусть и едва заметные — корпоратистские традиции, регулирующие деятельность некоторых профессиональных и ремесленных групп (и защищающие их представителей).

Все это, конечно, лишь поверхностные впечатления. Чтобы приведенная выше гипотеза обрела статус правдоподобной теории, необходимо выявить тот набор переменных и обусловленных обстоятельствами условий, которые «побуждают» акторов к смене предпочтений, к отказу от корпоратистско/консервативных решений в пользу прямо противоположных, т.е. в пользу плюралистической конкуренции и политики давления, а затем толкают их в обратном направле-

нии. Наиболее подходящая кандидатура на эту роль — цикл деловой активности. Факт, что его периодичность или, точнее, его периодичности не полностью совпадают с периодичностями цикла корпоратизм/плюрализм, может быть опущен на том основании, что институты обладают таким свойством как «вязкость». Им требуется время, чтобы усвоить новое содержание, отразить новое равновесие сил и преодолеть сопротивление собственных клановых интересов. В то же время имеется немало данных, говорящих о том, что изменения параметров функционирования экономики, в первую очередь — уровня занятости, по-разному влияют на капитал и труд, то усиливая, то понижая их готовность вести «систематический» диалог. Когда рынок труда недостаточен, капиталисты начинают видеть в корпоративских компромиссах, ограничивающих рост заработной платы, прежде скрытые для них достоинства; когда же он избыточен, тред-юнионы обнаруживают, что они могут использовать названные механизмы для защиты тех уступок, которых удалось добиться ранее. Искушение отказаться от корпоративских методов сильнее всего в верхней и нижней точках цикла. И все же подобные экстремальные варианты институционального ответа реализуются весьма редко, что объясняется не только отмеченной выше «вязкостью» институтов, но и развитием доверия между ведущими торг классовыми ассоциациями. Стороны «недоиспользуют» преимущества момента в обмен на будущие уступки или же руководствуются рациональным расчетом — ведь в противном случае, как только (согласно законам цикла) развитие пойдет в обратном направлении, те, кто в настоящее время находится в невыгодном положении, возьмут реванш еще на более разорительных условиях.

В настоящее время в Западной Европе влияние неокорпоратизма на макроэкономическом уровне заметно уменьшилось. И действительно, нынешняя фаза развития цикла деловой активности такова, что капиталисты не видят особой (или какой-либо вообще) пользы в том, чтобы связывать себя консенсуальными критериями. Даже в Швеции, где корпоративская практика пережила все прежние спады экономической конъюнктуры и, казалось, прочно укоренилась, переговоры между трудом и капиталом переместились на отраслевой, или мезоуровень. Неокорпоративскими в изначальном, т.е. макроэкономическом, смысле можно назвать сегодня только Австрию и — в меньшей степени — Норвегию и Финляндию. Но и в этих странах многие вопросы, бывшие ранее предметом переговоров между «социальными партнерами» решаются теперь на уровне отдельно взятых фирм и предприятий. Конечно, если теория цикла деловой активности верна, можно предположить, что как только будет восстановлена полная занятость, современное наступление капитала на все формы планирования, политику доходов, корпоративские механизмы и тред-юнионизм как таковой (по крайней мере в некоторых странах) ослабнет. Как заметил в свое время корреспондент газеты «*Financial Times*» Дж. Эллиот, комментируя роспуск премьер-министром Великобритании М. Тэтчер корпоративского Национального экономического совета: «... Однажды маятник качнется в обратную сторону и кто-то на Даунинг-стрит повторит слова Эд. Хита — "мы должны найти более разумный путь разрешения наших споров"»*. Кроме того, в той мере, в какой некие институциональные уроки, извлеченные из опыта одного цикла, переносимы на следующий, можно постепенно преодолеть крайние проявления конфликта интересов — видимо, даже путем асимптотического движения, конечной точкой которого станет формирование совокупности обычаев и порядков, менее чувствительных к циклическим изменениям и более терпимых к потребностям и стремлениям каждой группы.

Этот оптимистический сценарий представляется мне, однако, неудовлетворительным. Конечно, не исключено, что (нео)корпоратизм включает в себя компонент, реагирующий на изменения в рамках цикла деловой активности, но наличия такого компонента недостаточно даже для того, чтобы объяснить сегодняшнюю жизнеспособность корпоратизма, не говоря уже о том, чтобы гарантировать его сохранение в развитых капиталистических демократиях в отдаленном будущем. Мне кажется сомнительным, что эвентуальный возврат к полной занятости (даже в том случае, если он будет сопровождаться возрождением политической значимости социал-демократии) автоматически откроет новую эру макрокорпоратизма. Одна из причин подобного скептицизма состоит в том, что под покровом происходящих примерно с 1973 г. количествен-

*«*Financial Times*». 4.07.1987.

ных сдвигов в темпах роста, уровне занятости, ценах, международной торговле и т.п., похоже, произошли серьезные качественные структурные изменения в производственном процессе, отношениях найма и направленности интересов граждан. Здесь не место подробно анализировать литературу, где рассматриваются названные тенденции, но на основе ряда высказываемых там соображений можно прийти к нескольким (умозрительным) заключениям, каждое из которых крайне неблагоприятно с точки зрения перспективы использования корпоративских решений.

Во-первых, переговоры, направленные на введение стандартных общенациональных макроэкономических параметров, постепенно утрачивают свою релевантность, а иногда даже оказываются контрпродуктивными, прежде всего в тех случаях, когда требуется выработать политику, которая была бы в силах увеличить производительность и повысить конкурентоспособность на мировых рынках конкретных секторов экономики, особых отраслей производства и даже отдельных предприятий.

Во-вторых, и члены, и контрагенты посреднических институтов начали по-иному, чем раньше, оценивать роль такого рода структур (в особенности профсоюзов и предпринимательских объединений): как одни, так и другие ищут новые, более дифференцированные формы представительства интересов.

В-третьих, сущностное содержание конфликта интересов (а следовательно, и основное внимание субъектов политики) определяется уже не столько классовыми расколами, сколько широкой палитрой дискретных интересов, как-то: защита прав потребителя, качество жизни, экология, отношения между полами, этические и иные проблемы, причем каждый из этих интересов представляет особое движение. Трудности, с которыми столкнулся макрокорпоратизм, первоначально казались не более чем следствием устойчивого падения темпов роста и вялых рынков труда, равно как и усиливающегося финансового кризиса государства. Просто не было излишка для того взаимного взноса сторон, который облегчал достижение классовых компромиссов в прошлом, и посредники с явной неохотой шли на то, чтобы делить ответственность за управление сокращающимися ресурсами. Постепенно, однако, возникли новые сложности, и их появление говорило о том, что изменение описанных выше обстоятельств не обязательно приведет к возврату, к прежнему положению дел (*status quo ante*). Перемещение занятости из традиционного «ядра» производства в сферу услуг и, в некоторых случаях, в общественный сектор оказало серьезное воздействие на процесс рекрутирования членов профсоюзов. В тех странах, где уже сложилось относительно много корпоративских структур, представительность профсоюзов не упала, однако начали происходить существенные изменения в ее «характере»: крупнейшими в национальных конфедерациях стали профсоюзы работников сферы обслуживания и государственных служащих. Деиндустриализация нанесла серьезный удар по крупным стандартизированным группам квалифицированных и полуквалифицированных рабочих (в частности, в металлургии), которые ранее играли ведущую роль в коллективных переговорах, а те, кто пришел им на смену (если они вообще вступают в профсоюзы), более рассредоточены территориально и выполняют более индивидуализированные задачи в рамках более неопределенных иерархий власти и вознаграждения. Иными словами, подверглись эрозии, а затем и вовсе рассеялись те самые социальные категории, которые ранее служили основой макроэкономических компромиссов. Сложилось крайне неблагоприятные условия для централизованных переговоров относительно заработной платы, пособий и условий труда. В некоторых странах (например, в Швеции) корпоративская система сохранилась только благодаря переходу на отраслевой уровень.

Более того, новые производственные технологии, основанные на микроэлектронике, перечеркивают традиционные формы разделения труда и привычные профессиональные квалификации, создавая возможность организации гибкого производства в рамках относительно небольших производственных единиц. В каком-то смысле все эти процессы усиливают потребность в «активном согласии» рабочих — и, соответственно, увеличивают заинтересованность предпринимателей в переговорах по качеству, а также количеству трудового вклада. Однако обстановка, в которой осуществляется трудовой процесс, настолько различна, что достигнутые соглашения нелегко свести к стандартному договору и контролировать через посредников. Вот почему профсоюзы и предпринимательские объединения все чаще исключаются из подобных переговоров.

Обострившаяся международная конкуренция и резко возросшая транснациональная мобильность капитала не только дали толчок развитию многих описанных выше процессов, но и играют в них самую непосредственную (и весьма опасную) роль. Неприкрытая угроза того, что производство будет перенесено в другое место или же полностью остановлено, оказывает сильное воздействие на рабочих и вынуждает их к уступкам на уровне предприятий, которые подрывают договоренности, достигнутые ранее на общенациональном или отраслевом уровне. Аналогичным образом жесткая конкуренция между фирмами затрудняет выработку предпринимательскими объединениями общей позиции и единых обязательств. Правительство и государственные органы, чутко реагирующие на эти тенденции в международной обстановке вследствие их влияния на платежные балансы, под давлением со стороны определенных групп интересов увеличивают субсидии и налоговые льготы некоторым отраслям, а иногда и отдельным фирмам.

Результатом развития названных тенденций, с точки зрения их влияния на корпоратизм, стало перемещение корпоративных структур с макро- на мезоуровень. Основной вопрос заключается в том, остановится ли данный процесс на этом уровне или будет развиваться и дальше, пока «систематический диалог» между трудом и капиталом не будет перенесен полностью на уровень фирм или отдельных населенных пунктов. Вопреки ожиданиям как либералов, так и марксистов, капиталистическая экономика не движется неумолимо ко все более интегрированным национальным рынкам со сходными коэффициентами стоимости по отдельным отраслям производства и отдельным территориальным единицам. В ответ на международную конкуренцию и технологические новшества разнообразные политические вмешательства из многочисленных источников «секторизируют» и «регионализируют» эту стоимость. Во имя чего бы такие вмешательства ни осуществлялись — будь то «промышленная политика» или «региональное развитие», — их следствием может оказаться значительная согласованность позиций различных групп интересов относительно финансовых и фискальных стимулов, не говоря уже о таких вопросах, как прямое обеспечение инфраструктуры, обучение и т.п. Неясно, правда, на каком уровне будет осуществляться торг: будет ли он направлен на выработку соглашений между фирмами в рамках целой отрасли производства или же он будет вестись в рамках промежуточных административных единиц, таких как регион или провинция. Профсоюзы и предпринимательские объединения (в особенности последние) уже начали приспособлять свои внутренние структуры к новым реалиям, но когда уровень, на котором проходит взаимодействие, опускается ниже определенной черты, их посреднические навыки и способность добиваться общего согласия теряют свою релевантность. Межорганизационное корпоративное согласие становится ненужным; его место занимают динамика межличностных отношений и переговоры между малыми группами.

Твердолобым макрокорпоративистам, убежденным, что корпоративные структуры великолепно приспособлены для регулирования классовых, отраслевых и профессиональных конфликтов капиталистической экономики и демократической политики, будущее представляется весьма мрачным. Небольшая часть из них — и, прежде всего, Ж. Делор — видит новые и многообещающие возможности для развития корпоративизма в создании сети соответствующих механизмов ведения торгового дела на уровне Европейского Сообщества/Союза. Однако пока что все попытки подобного рода кончились ничем, и система посредничества в выражении интересов, которая складывается вокруг ЕС, особенно после принятия Единого Европейского акта 1985-86 гг., напоминает скорее некое подобие неуравновешенного плюрализма и политики давления, характерных для Соединенных Штатов, нежели более упорядоченные, монополистические и иерархические структуры, которые еще присущи большинству входящих в Союз государств*.

*Опубликовано в журнале «Полис». 1997. № 2.
Публикуется с разрешения редакции журнала.*

*Schmitter P., Streeck W. *Organized Interests and the Europe of 1992.* — Ornstein J., Perlman M. (eds). *Political Power and Social Change. The United States Faces the United Europe.* Washington, 1991; Traxler F., Schmitter P. *The Emerging Euro-Polity and Organized Interests.* — «*European Journal of International Relations*». 1995. Vol. 1, № 2.

Сергей Перегудов
**НОВЫЙ РОССИЙСКИЙ КОРПОРАТИЗМ:
ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ИЛИ БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ?**

О концепции Ф. Шмиттера

Российскому читателю, привыкшему связывать понятие «корпоратизм» с недоброй памяти тоталитарными режимами прошлого, статья профессора Ф. Шмиттера дает возможность ознакомиться — что называется, из первых рук — с той разновидностью данного феномена, которая сложилась в странах с развитыми демократическими институтами и которая органично вписывается в демократический правопорядок. Ф. Шмиттер уже знаком читателям «Полиса» (№ 5, 1996). Хотелось бы подчеркнуть, что именно ему принадлежит одно из первых определений неокорпоратизма, ставшее уже классическим. В последние годы Ф. Шмиттер активно участвовал в разработке проблем перехода от тоталитаризма и авторитаризма к демократии, главным образом на примере Испании, латиноамериканских стран и Восточной Европы.

Думаю, что большинство читателей согласится с тем, что тезис автора о «демократическом» характере неокорпоратизма (с оговорками, которые он сам делает) аргументирован им весьма убедительно. Наверняка привлечет внимание и другое, не менее существенное положение его статьи, касающееся позитивного воздействия неокорпоратизма на отношения социальных партнеров, на эффективность экономики и управляемость социально-экономическими процессами в обществе. Однако, поскольку статья обобщает в основном опыт стран Запада, остаются без ответа вопросы, возникающие в связи с нашими, чисто российскими реалиями как социально-экономической, так и политической жизни.

Начну с самой темы, как она сформулирована автором. Ф. Шмиттер жестко ограничивается проблемами нового («нео»)корпоратизма, привязывая его характеристики к известным и ставшим уже хрестоматийными образцам. Однако стоит нам чуть внимательнее приглядеться к корпоратистским тенденциям в сегодняшней России, как мы тут же обнаруживаем, что наряду (и одновременно) с возникновением новых форм корпоратистского взаимодействия не менее, а в ряде случаев и более весомой составляющей этого взаимодействия являются рецидивы наследия доперестроечных времен. В свое время я определил суть такого рода взаимодействия формулой «бюрократический корпоратизм». Его главной особенностью является, с одной стороны, «руководящая и направляющая» роль партийно-советских верхов, а с другой — засилье бюрократически организованных интересов, навязывавших этим верхам и правила игры, и конкретные хозяйственно-политические решения.

Приводя пример Испании, Ф. Шмиттер пишет, что традиции корпоратизма, насаждавшегося фашистским режимом, способствовали там становлению неокорпоратизма, и он совершенно прав. Однако в отличие от Испании, где не была ликвидирована частная собственность и организации бизнеса, а профсоюзы быстро обрели вес и влияние, в постсоветской России корпоратистские тенденции проявляются в совершенно иных поведенческих стереотипах. Я имею в виду прежде всего наследие сугубо бюрократических методов государственного управления, сохранившихся (и даже «усовершенствовавшихся») со времен «плановой экономики», а также уровень процесса согласования интересов организаций наемных работников и ряд других более или менее существенных моментов явно антидемократического свойства. И вовсе неудивительно, что и сами понятия «корпоратизм», «корпоративность» стал практически трактоваться в негативном смысле и чаще всего ассоциируются с худшими чертами постсоветской действительности. При этом, как нередко случается, с водой выплескивают «ребенка», и я вижу главный смысл публикации статьи Ф. Шмиттера как раз в том, что она открывает нам иную, «демократическую» ипостась, которая может сыграть весьма позитивную роль в процессе перехода к полноценной рыночной экономике.

Сугубо предварительные изыскания на этот счет (которые вместе с моими коллегами я намерен продолжить) приводят нас к выводу о том, что по крайней мере зачатки нового российского корпоратизма (в «шмиттеровском» его понимании) начинают формироваться, и более того —

имеют шансы стать весомым компонентом в отношениях между организованными интересами и государством. На общенациональном и региональном уровнях носителями неокорпоративских начал являются трехсторонние комиссии; на уровне отраслевом те же начала проявляются в соглашениях между центральными и некоторыми отраслевыми объединениями (типа «Росуголь») о структурной и технологической перестройке отрасли. На уровне отдельных крупных акционерных обществ — в некоторых из проектов, нацеленных на превращение их в полноценных и конкурентоспособных субъектов национального и международного рынков. Однако во всех этих формах, и особенно в последних двух, неокорпоратизм отнюдь не присутствует в своем «чистом» виде, а сосуществует с кланово-бюрократической их составляющей. Основная причина этого явления — сохраняющийся монополизм в экономике, отсутствие влиятельных и дееспособных предпринимательских организаций и профсоюзов, высокая отдача силового, лоббистского давления на власть.

Так, значительная часть упомянутых проектов модернизации крупных производственных комплексов принимается не столько вследствие их особой важности для российской экономики, сколько в результате давления на правительство извне или наличия «сильной руки» в нем самом. Действуя под девизом «отдай федеральный пакет» (выражение А. Лифшица), они чаще всего используют полученные субсидии и льготы не для действительной модернизации, а лишь для поддержания «на плаву» предприятий, в том числе абсолютно бесперспективных, и по преимуществу в свое корыстных интересах. То же самое можно сказать и о многих федеральных программах структурной перестройки отраслей, которые либо не выполняются из-за отсутствия средств, либо используются в целях, не имеющих ничего общего с теми, которые были заявлены при их составлении.

И все же осмелюсь утверждать, что это лишь часть общей картины. Действительно, что делает корпоратизм «новым» и не подрывающим, а укрепляющим демократию, социальный мир и экономическую управляемость? Попробую суммировать рассуждения Ф. Шмиттера на сей счет.

Во-первых, это наличие самостоятельных, независимых от государства групп интересов и их нацеленность на взаимодействие с ним ради укрепления социального партнерства и повышения экономической эффективности. Во-вторых, это та или иная степень институционализации указанного взаимодействия и способность государства «навязывать» в ходе переговорного процесса приоритеты, диктуемые общенациональными интересами. И, наконец, в-третьих, это соблюдение всеми сторонами взятых на себя обязательств и соответствующая система контроля за их выполнением.

Попробуем теперь взглянуть на нынешнюю ситуацию в России под углом зрения этих параметров «истинного» неокорпоратизма, разумеется, не вникая в подробности. Думаю, никто не будет отрицать, что в России сейчас имеется широкий круг влиятельных групп интересов, и прежде всего в сфере бизнеса. В то же время налицо явный перекося в сторону институциональных заинтересованных групп (фирм, холдингов, финансово-промышленных групп, банков), а также слабость организаций, объединяющих индивидуальных и коллективных членов на основе добровольности. Как известно, ни предпринимательские ассоциации, ни профсоюзы не являются объединениями, имеющими достаточный авторитет и влияние, чтобы адекватно представлять своих членов на переговорах и обеспечить соблюдение достигнутых договоренностей. Отсюда — слабость российского трипартизма, и, скажу прямо, мне представляется явно неоправданным тот акцент, который Ф. Шмиттер делает именно на данной форме неокорпоративного взаимодействия, особенно на общенациональном уровне. Очевидная слабость наших трехсторонних соглашений, их декларативный и почти символический характер — не только реальность сегодняшнего дня, но и скорее всего дня завтрашнего.

Но тем не менее я не считаю эту форму неокорпоратизма для России тупиковой, и не только потому, что ассоциации социальных партнеров не остановились в своем развитии, но и потому, что на региональном уровне начинает получаться то, что не удается на общенациональном. Убедительным тому свидетельством является трехстороннее соглашение на 1996 г., заключенное правительством Москвы и представителями городских организаций бизнеса и профсоюзов. Однако дело не только в этом. Пожалуй, наиболее существенным в российском трипартизме является то,

что он редко проявляется в своей классической «открытой» форме, а преимущественно — в скрытом, завуалированном виде. Для наглядности приведу пример с объединением «Росуголь». Как известно, проект структурной перестройки отрасли и социальной адаптации тех, кто оказывается «за бортом», разрабатывался в основном руководством объединения и министерством экономики (и ряда других правительственных ведомств). Участие профсоюзов было скорее неформальным, и подписи их представителей под соответствующим документом нет. А между тем профсоюзы и трудовые коллективы являются одной из сторон данного проекта, и не только вследствие участия в переговорном процессе и того давления, которое они постоянно оказывали и оказывают на обе другие стороны, но и потому, что руководство объединения — в силу ряда причин, на которых здесь не будем останавливаться — выступало в том числе и в качестве представителей интересов персонала. И это не единичный пример. Хорошо известно, на какие трудности наталкивается реализация и этой, и многих других программ такого рода, и тем не менее данная форма отраслевого и «фирменного» корпоратизма в наших российских условиях — одна из наиболее существенных. Конечно, она значительно менее демократична, открыта и, как уже было сказано, ее легко извратить и заставить работать по принципам бюрократического сговора. Однако возможности превращения «скрытого» трипартизма в открытое и малозаметное, но все же ощутимое возрастание роли государства в деле ограничения экономических интересов (здесь я перехожу ко второму пункту) дают основания надеяться, что компонент «нео» в данном взаимодействии будет со временем возрастать.

При всех очевидных преувеличениях, которые содержатся в разговорах о профессионализации наших государственных деятелей как на национальном, так и на региональном уровнях, думаю, читатель все же согласится с тем, что такая тенденция существует и даже усиливается. А это значит, что элемент «внутреннего лоббизма», который в соединении с лоббизмом внешним во многом и определяет правила игры во взаимодействии организованных интересов и государства, постепенно ослабляется. Одновременно усиливается ориентация правительства на общенациональные интересы. Я отнюдь не хочу сказать, что дело уже за малым; все мы прекрасно понимаем — это не так. Но то, что отмеченная тенденция ведет к управляемости социально-политических процессов — на мой взгляд, очевидно.

Ф. Шмиттер, безусловно, прав, когда пишет, что в условиях развития рыночной экономики есть достаточно широкий выбор путей достижения управляемости, и в данном случае акцент на неолиберальных (хотя и не в чистом виде) методах экономической политики, который возобладал в подавляющем большинстве государств Запада, вполне понятен и рационален. Однако на нынешнем этапе переходной российской экономики выбор этот резко сужается, и государство не может «просто так» предоставить экономику самой себе, ограничивая свою роль усилиями по превращению «дикого рынка» в цивилизованный. Ни положение промышленности, ни состояние социальной среды не дают нашим государственным деятелям, бизнесу и организациям работников наемного труда возможности действовать в одиночку, не используя преимуществ конструктивного взаимодействия между ними. Всем этим вовсе не хочу сказать, что неокорпоратизм является единственной формой такого взаимодействия в наши дни, а тем более — в отдаленном будущем. Уже сейчас многие частные и приватизированные фирмы, банки и другие коммерческие структуры вступают в отношения с государством по правилам плюралистического, основанного на полной самостоятельности взаимодействия. Да и в поведении многих государственных и полугосударственных объединений и структур элементы плюрализма весьма значительны, и по мере их адаптации к полноценному рынку указанные элементы будут возрастать. А это означает, что неокорпоратизм и в российских условиях наверняка впишется в модель «цикличности», о которой говорит Ф. Шмиттер, имея в виду страны Запада.

И, наконец, последнее из обозначенных выше трех условий демократического корпоратизма. Как видно из некоторых предпринимаемых в последнее время правительством мер, растет его обеспокоенность по поводу несоблюдения сторонами взятых на себя обязательств. Это побуждает правительство к ужесточению механизмов контроля и санкций в отношении «нарушителей» (к сожалению, впрочем, не к самому себе). Предпринимаемые меры относятся не только к получателям «федерального пакета», но и к победителям инвестиционных конкурсов и залого-

вых аукционов, доверительному управлению и т.п. формам передачи полномочий на юридически оформленных условиях. Как и в предыдущих случаях, здесь нет оснований для особого оптимизма — все же мы прекрасно знаем, как наша ведомственная бюрократия и наш старый и новый директорат поднаторели в использовании механизмов контроля для целей своекорыстного сговора. Однако самым эффективным способом преодоления (точнее, ослабления) коррупционно-бюрократического синдрома является не освобождение государства от бремени ответственности за структурную перестройку экономики (что все равно нереально, да к тому же объективно усилит позиции бюрократии, а также играющих в те же игры директоров и коммерсантов). Наиболее эффективными могут оказаться здесь усилия как самого государства, так и широкой общественности по нормализации всех форм взаимодействия государства с группами интересов, и не в последнюю очередь — взаимодействия корпоративистского. Особенно если эти усилия будут встроены в процесс дальнейшей демократизации российской политической системы. Ибо только в условиях демократизации могут реализоваться демократические потенции нового российского корпоратизма, а он сам — стать неотъемлемой частью этого процесса.

*Опубликовано в журнале «Полис». 1997. № 2.
Публикуется с разрешения редакции журнала.*

МАТЕРИАЛЫ К ЗАСЕДАНИЯМ МОСКОВСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КЛУБА «КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ»

Заседание первое, 30 сентября 2005 г.

Тема «Государство и олигархия»

Андрей Павлович Бунич. Государство и олигархия. — М.: Клуб «Красная площадь», 2005. 32 с.

Андрей Бунич. Необходимо демонтировать олигархическую систему управления.

Квазилиберальное двоемыслие и парадоксы приватизации.

Они притаились в Лондоне и ждут...

Позади ли потрясения?

Мы смешали олигархам карты.

Технология ГКЧП или реванш олигархов.

Сцилла всепрощения и Харибда национализации.

Виктория Петрова. Кто заменит олигархов? Точка в деле залоговых аукционов еще не поставлена.

Андрей Князев. Что ждет Россию после крушения олигархов?

Заседание второе, 14 октября 2005 г.

Тема «Постиндустриальный класс»

Александр Иванович Неклесса. Постиндустриальный класс — М.: Клуб «Красная площадь», 2005. 56 с.

Новый интеллектуальный класс.

Локомотив Постмодерна, или «Территория тьмы».

История в (пост)современном интерьере.

Personalia.

Заседание третье, 28 октября 2005 г.

Тема «Какая конституция нужна России? К столетию манифеста 17 октября 1905 года»

Конституция России. Новый строй. — М.: Институт национальной стратегии, 2005. 122 с.

Конституция России. Проект Института национальной стратегии.

Новый строй. Дискуссия Агентства политических новостей.

Михаил Ремизов. Проект «государство-цивилизация».

Ярослав Бутаков. Как нам переучредить Россию?

Борис Межуев. Апология федерализма.

Юрий Солозобов. Вечная Россия и временная Конституция.

Павел Святенков. Двухэтажная Конституция.

Владимир Карпец. Возвращение к основам.

Юрий Коринец. Между «старым государством» и «новой империей».

Презентация клуба «Красная площадь». Гостиный двор 10 ноября 2005 г.

Буклет «Клуб «Красная площадь»». — М.: Клуб «Красная площадь», 2005. 8 с.

Заседание четвертое, 25 ноября 2005 г.

Тема «Кризис цивилизации: переселение народов»

Ольга Выхованец, Сергей Градировский, Дмитрий Житин, Татьяна Лопухина, Никита Мкртчян. Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития. Аналитический доклад / Под ред. С.Н. Градировского. — М.: Фонд «Наследие Евразии», Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа, 2005. 310 с.

Тренды.

Опыты.

Намерения. Пять ключевых вопросов политики.
Послесловие. Смена геостратегической парадигмы — от собирания земель к собиранию народов.

Заседание пятое, 9 декабря 2005 г.

Тема «Кризис цивилизации: картография глобального ландшафта»

Александр Иванович Уткин. Кризис цивилизации: картография глобального ландшафта. — М.: Клуб «Красная площадь», 2005. 32 с.

Цивилизация против глобализации.
Стоимость демократии.
Империя победила республику.

Заседание шестое, 20 декабря 2005 г.

Тема «Кризис цивилизации сквозь призму антропологии»

Сергей Сергеевич Хоружий. Кризис цивилизации: сквозь призму антропологии. — М.: Клуб «Красная площадь», 2005. 24 с.

Глобализация и поиск новой модели человека.
Эвтанасия.
Судьба Адама и судьба Ивана.

Заседание седьмое, 13 января 2006 г.

Тема «Глобальная революция: ретроспектива и перспективы»

Глобальная революция: ретроспектива и перспективы. — М.: Клуб «Красная площадь», 2006. 32 с.

Михаил Делягин. Социально-экономическая программа будущей революции.
Дмитрий Андреев. Последний шанс Путина, или Превентивная «бархатная революция».
Александр Неклесса. Поражение России.

Заседание восьмое, 27 января 2006 г.

Тема «Закат России и проект нового государства-цивилизации»

Закат России и проект нового государства-цивилизации. — М.: Клуб «Красная площадь», 2006. 40 с.

Александр Неклесса. Введение.
Станислав Белковский, Владимир Гольшиев, Роман Карев, Никита Кричевский, Михаил Ремизов. Обналичивание власти: финальная стратегия российского правящего слоя.
Станислав Белковский. Проект сырьевой колонии.

Имперский проект: Два взгляда

Анатолий Чубайс. Миссия России в XXI веке (в изложении).
Станислав Белковский. Империализм как высшая стадия либерализма.
Сергей Марков. Понять будущее.

Общество должно обсудить и решить проблему 2008 года.
Лекция, прочитанная участникам псковского молодежного регионального движения «Первый рубеж» (фрагменты).

Глеб Павловский. На пятой точке вниз по мокрой глине.

Заседание девятое, 10 февраля 2006 г.

Тема «Альтернативные сценарии глобальной революции»

Альтернативные сценарии глобальной революции. — М.: Клуб «Красная площадь», 2006. 92 с.

Борис Кагарлицкий. Покорение Сиеэгла.
Капитализм как миросистема.
Сайт «Контрудар.ру». Манифест Нового Интернационала.

Декларация Интернациональной Социальной лиги.

Юрий Крупнов. Гиперимперия США или мировая держава Россия?

Максим Калашиников. Нейрономика: жизнь в стиле action.

Заседание десятое, 17 февраля 2006 г.

Тема «Другая Россия. Революция как предмет мусульманской политической мысли»

Другая Россия. Революция как предмет мусульманской политической мысли. — М.: Клуб «Красная площадь», 2006. 60 с.

Гейдар Джемаль. Общество и время. Глобальный механизм отчуждения.

Рафаэль Хакимов. Где наша Мекка?

Рафик Мухаметшин. В поисках религиозной идентичности.

Алексей Малащенко. Ислам в России в 2020 году.

Исмаил Гаспринский. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения.

Али Шариати. Красный ислам.

Рухолла Хомейни. Основы исламского государства.

Послание имама Хомейни Михаилу Горбачеву.

Заседание одиннадцатое, 21 февраля 2006 г.

Тема «Модели власти»

Валерий Александрович Подорога. **Власть. Опыты по психосемиологии. Заметки 90-х годов.** — М.: Клуб «Красная площадь», 2006. 84 с.

Что такое власть. Постановка проблемы.

Гитлер / Сталин.

Идея лагеря. Опыт генеалогии тоталитарного пространства.

Клуб «Красная площадь» в гостях у Медиа-клуба «Авиакосмос», Гостиный двор, 27 февраля 2006 г.

Информационный бюллетень «Клуб «Красная площадь»- М.: Клуб «Красная площадь», 2006. 8с.

Заседание двенадцатое, 20 марта 2006 г.

Тема «Русский проект: модели для сборки»

Русский проект: модели для сборки — М.: Клуб «Красная площадь», 2005. 80 с.

Владислав Сурков. Суверенитет — политический синоним конкурентоспособности.

Сергей Градировский. От собирания земель к собиранию народов.

Вадим Цымбурский. Зауральский Петербург: альтернатива для российской цивилизации.

Виталий Найшуль. Как строить Российскую империю.

Александр Зиновьев. Советский вклад в социальный прогресс человечества.

Станислав Белковский. СССР — будущее России.

Егор Холмогоров. Реставрация будущего.

Вадим Штепа. Мыс Провидения.

Мирон Боргулёв. Пересборка русского мира.

Константин Митчин. Украина under constructing...

Пётр Щедровицкий. Русский мир. Возможные цели самоопределения.

Заседание тринадцатое, 31 марта 2006 г.

Тема «Украина — Белоруссия — Казахстан: политическая динамика на постсоветском пространстве (к итогам выборов)»

Украина — Белоруссия — Казахстан: политическая динамика на постсоветском пространстве (к итогам выборов). — М.: Клуб «Красная площадь», 2005. 60 с.

Евразийский монитор

«Евразийский монитор»: система регулярных межстрановых опросов населения.

Население стран ЕЭП об основных принципах экономической интеграции.

Россия, Украина, Беларусь, Казахстан: сходство и различия массового сознания как фактор интеграции/деинтеграции.

Украина

Виктор Ющенко. Телеобращение президента Украины 24 марта 2006 г. (фрагмент).

Сергей Бирюков. Украина: перезагрузка?

Станислав Белковский. Ошеломляющий успех Юлии Тимошенко.

Виктор Милитарев. Украине придется выбирать между большой коалицией и новыми парламентскими выборами.

Белоруссия

Александр Лукашенко. Вступительное слово президента Республики Беларусь на пресс-конференции белорусским и зарубежным СМИ 20 марта 2006 г. (фрагмент).

Павел Святенков. «Последний европеец» в СНГ.

Досым Сатпаев. Белоруссия: страна победившей контрреволюции.

Юрий Солозобов. Белоруссия: цена победы.

Казахстан

Нурсултан Назарбаев. Выступление президента Республики Казахстан на Национальном канале «Казахстан» 2 декабря 2005 г. (фрагмент).

Юрий Солозобов. Придет ли в Казахстан «глобальное правосудие»?

Россия сердится.

Павел Святенков. Россия и Средняя Азия: проект экспансии.

Казахстан: курс на Европу.

Вадим Цымбурский. Казахстан в новой мировой сборке.

Заседание четырнадцатое, 13 апреля 2006 г.

Тема заседания: «Политико-экономическое положение в России: современная ситуация и перспективы развития»

Владимир Путин. Группа восьми на пути к саммиту в Санкт-Петербурге: вызовы, возможности, ответственность (фрагмент).

Андрей Бунин. Тяжкое наследство Ельцина.

Кризис экономических идей.

Егор Гайдар. Об устойчивости и гибкости политических систем.

Вячеслав Глазычев. Глубинная Россия наших дней.

Владимир Гольшев. Капитализация Путина.

Михаил Делягин. «Что такое хорошо» для России.

Юрий Крупнов. Необходим курс развития страны.

Андрей Рябов. Могущество и беспомощность «бензинового государства».

